63.3(0)5
Б66

Ф. СП-1

Министерство связи СССР 148/149
„Союзпечать"

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал ________ (индекс издания)

________ (наименование издания)

Количество комплектов: ____

на 19____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ________ (почтовый индекс) ________ (адрес)

Кому ________ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер	на газету / журнал

1028

„ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ"

148149

9(с)1
Б-66

1965

1953

08

148149

БИТВА НАРОДОВЪ

(подъ Лейпцигомъ 1813 г.)

и

Записки артистки Фюзиль.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Изданіе Московскаго Т-ва
«ОБРАЗОВАНІЕ».

Битвы подъ Лейпцигомъ[1]).

Городъ Лейпцигъ расположенъ въ углубленіи широкой равнины, извѣстной въ военной исторіи благодаря битвамъ при Мерзебургѣ, Брейтенфельдѣ, Люценѣ и Гросъ-Гёршенѣ. Три рѣки Парте, Плейсе и Эльстеръ соединяются на этой долинѣ, раздѣляя поле битвы на четыре части, весьма различныя по своему характеру.

Мѣстность къ югу и востоку отъ города, между рѣками Парте и Плейсе, образуетъ широкую долину, ограниченную только нѣсколькими рядами низкихъ холмовъ, тянущихся съ востока на западъ.

Эти холмистыя цѣпи, изъ которыхъ главнѣйшая начинается всего въ трехъ километрахъ къ востоку отъ Либертвольквица и тянется черезъ Вахау по направленію къ Маркклееебергу, не составляютъ однако препятствія для передвиженія; онѣ являются удобными мѣстами для укрѣпленій и возведенія прикрытій для всѣхъ родовъ оружія. Углубленія между этими цѣпями холмовъ въ 1813 году были испещрены многочисленными рвами, по которымъ вода стекала въ пруды, теперь совсѣмъ исчезнувшіе, а также и непосредственно въ рѣку Плейсе. Въ послѣдніе дни передъ описываемыми событіями, вслѣдствіе ненастной погоды, вода разлилась

[1]) Въ этомъ году вышло два тома изслѣдованія войны и событій 1812—15 годовъ нѣмецкаго военнаго ученаго Рудольфа Фридериха, откуда мы и беремъ столь обстоятельное изложеніе о знаменитой и ужасной «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

и глиняная почва, обычно твердая, превратилась въ топкую массу, что сдѣлало эту мѣстность почти совсѣмъ непроходимой.

Разбросанныя по равнинѣ многочисленныя деревни уже и тогда отличались крѣпкими постройками; широкія улицы, массивныя церкви, огороженныя кладбища, глинобитныя стѣны и живыя колючія изгороди дѣлали эти деревни по большей части весьма удобными пунктами для упорнаго сопротивленія. Рѣка Парте, ограничивающая эту часть мѣстности съ сѣвера, была, вслѣдстіе своей глубины, своихъ крутыхъ и болотистыхъ береговъ, трудно преодолѣваемымъ препятствіемъ. Подобную же картину представляла поверхность той части мѣстности къ сѣверу отъ Лейпцига, которая расположена между рѣками Парте и Эльстеромъ, только возвышенности являются болѣе отлогими, а углубленія менѣе значительными. Главное препятствіе здѣсь образуетъ окаймленный болотистыми берегами ручей Ричке, который идетъ отъ Линденталя и около д. Голисъ впадаетъ въ Плейсе.

Обѣ только что описанныя части равнины съ запада граничатся рѣками Плейсе и Эльстеромъ. Эти послѣднія вытекаютъ изъ Фохтланда и, раздѣляясь въ концѣ на нѣсколько рукавовъ, подъ острымъ угломъ направляются къ Лейпцигу. Мѣстность, заключенная между этими рѣками, благодаря своему болотистому характеру — многочисленнымъ рвамъ, лужамъ и болотамъ, а также благодаря колючему кустарнику, покрывающему поверхность, была весной 1813 года почти совсѣмъ непроходима. И именно благодаря такому характеру, мѣстность эта пріобрѣла исключительное значеніе, ибо для французскихъ войскъ, расположенныхъ къ югу отъ Лейпцига, она составила превосходное прикрытіе съ фланговъ.

Отсюда ясно, насколько была важна дорога Лейпцигъ — Линденау, ибо она для французской арміи, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода битвы, была единственнымъ путемъ отступленія по этой трудно проходимой мѣстности. Наполеонъ превосходно понималъ ея значеніе и всячески охранялъ шоссе, обнося его палисадами и военно-полевыми укрѣпленіями.

Къ западу отъ Эльстера мѣстность постепенно поднимается. Сами по себѣ незначительныя возвышенности, однако, вполнѣ господствуютъ надъ деревнями — Шлеусигъ, Плагвицъ и Линденау. Поэтому и для защиты эти деревни гораздо менѣе пригодны, чѣмъ тѣ, которыя расположены по правому берегу Плейсе.

Самъ Лейпцигъ въ 1813 г. представлялъ изъ себя неправильный четыреугольникъ съ четырьмя главными воротами: Гриммайскими, Петровскими, Невштадтскими и Галленскими. Оставались еще кое-какіе остатки отъ прежнихъ старинныхъ укрѣпленій этихъ воротъ.

Передъ бульварами — когда-то бывшими гласисами, — окружающими внутреннюю часть города, были расположены предмѣстья, окруженныя стѣнами, изгородями изъ колючаго кустарника и деревянными заборами. Предмѣстья имѣли 10 наружныхъ воротъ. Въ силу этого городъ былъ очень удобенъ для упорной защиты, тѣмъ болѣе, что и естественныя и искусственныя препятствія около предмѣстій значительно затрудняли для врага возможность проникнуть къ его границамъ. Изъ всего этого ясно, что эта мѣстность вполнѣ благопріятствовала осуществленію плановъ Наполеона. Плейсе, Эльстеръ и Парте обезпечивали защиту фланговъ его арміи, вышеупомянутыя холмистыя возвышенности представляли выгодныя позиціи съ хорошимъ полемъ обстрѣла. Углубленія на поверхности равнины облегчали прикрытіе для наступленія и способствовали неожидан-

ному выступленію резервовъ; широкія долины представляли кавалеріи возможность развернуть свои силы; многочисленныя деревни являлись для Наполеона превосходными опорными пунктами; наконецъ, рѣки, лощины, пруды и болота были для непріятеля большимъ препятствіемъ. Слабыя стороны положенія заключались въ томъ, что, въ случаѣ пораженія, единственная для огромной французской арміи линія отступленія, по крайней мѣрѣ, въ западномъ направленіи, шла черезъ труднопроходимую узкую дорогу, которая удачными дѣйствіями союзниковъ легко могла быть загорожена.

Теперь, чтобы сдѣлать понятнымъ то рѣшеніе, которое было принято Шварценбергомъ на 16-ое октября, мы обратимся къ главной квартирѣ союзниковъ.

Диспозиція, выработанная Ланжерономъ вечеромъ 14-го числа, предписывала въ своей второй части (на 16-ое октября) энергичное наступленіе на Лейпцигъ съ запада и юга. Корпуса Виттгенштейна, Клейста и Кленау, подъ командой перваго, должны были съ фронта напасть на непріятеля, расположеннаго, какъ предполагали союзники, по линіи Либертвольквицъ—Вахау—Маркклееберіъ; Блюхеръ, выдвинувшись 15-го отъ Галле на Мерзебургъ-Лейпцигскую дорогу, долженъ былъ завладѣть Линденау со стороны Гюнстерсдорфа, а затѣмъ напасть на Лейпцигъ. Одновременно справа отъ него Гіулай, Морицъ Лихтенштейнъ, Тильманъ и Мендорфъ, подчиненные на этотъ день Блюхеру, должны были двинуться впередъ черезъ Маркkронштедтъ. Корпусу Мервельдта, австрійскимъ резервамъ и русской гвардіи было предписано соединиться при Цвенау и овладѣть переходомъ черезъ рѣку Плейсе при Конневицѣ, чтобы отсюда ударить въ тылъ французской арміи. На отряды Колоредо и Беннигсена въ этотъ день не раз-

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Союзные Монархи въ Лейпцигѣ.

считывали, но шведскій кронпринцъ, если бы онъ не успѣлъ уже отступить на правый берегъ Эльбы, долженъ былъ, во-первыхъ, демонстрировать со стороны рѣчки Мульде передъ непріятельскими позиціями около Лейпцига, во-вторыхъ, поддерживать лѣвый флангъ Блюхера. Въ этомъ случаѣ силезская армія должна была двинуться отъ Галле прямо на Шкеудицъ. Тогда нападеніе со стороны Мерзебурга, предписанное диспозиціей, долженъ былъ выполнить корпусъ Сенъ-При. Такимъ образомъ противъ фронта главныхъ французскихъ силъ на правомъ берегу Плейсе сосредоточилось около 72.000 войска, затѣмъ 54.000 должны были наступать противъ фланговъ французской арміи черезъ Конневицъ и около 75.000 на Линденау.

Итакъ вся армія была раздѣлена на три колонны, раздѣленныя другъ отъ друга почти совершенно непреодолимыми препятствіями. Не удайся Блюхеру нападеніе на узкую дорогу около Линденау, легко защитимую французами, не преодолѣй Мервельдтъ всѣхъ трудностей при переходѣ черезъ Плейсе около Конневица, и 124.000 войска были бы обречены на совершенное бездѣйствіе, въ то время какъ на правомъ берегу Плейсе, гдѣ по здравому смыслу долженъ былъ рѣшиться исходъ сраженія, Виттгенштейнъ со своими 72.000 былъ бы принужденъ сражаться съ значительно перевѣшивающими силами Наполеона. Недостатки подобнаго распредѣленія войскъ были настолько очевидны, что русскіе генералы сейчасъ же отказались выполнить эту диспозицію. Горячіе споры между Шварценбергомъ съ одной стороны и Толлемъ, Жомини и Дибичемъ съ другой, не привели къ единодушному рѣшенію. Напрасно Толль указывалъ на неопреодолимыя препятствія, находящіяся между Эльстеромъ и Плейсе, напрасно также доказывалъ, что рѣшающимъ битву полемъ сраже-

нія должна быть мѣстность подъ Вахау и что здѣсь необходимо сосредоточить главныя силы арміи, — ни ему, ни другимъ генераламъ не удалось переубѣдить Шварценберга. Не оставалось ничего другого, какъ обратиться къ болѣе властному мнѣнію Императора. Но и Императору Александру только тогда удалось принудить князя измѣнить свои приказанія, когда онъ наотрѣзъ отказалъ въ содѣйствіи русскихъ войскъ при данныхъ условіяхъ. Это заставило Шварценберга выработать новую диспозицію. Новая диспозиція отличалась отъ только что описанной въ слѣдующемъ: Блюхеру было предписано продолжать движеніе на Шкеудицъ, а Гіулай и Лихтенштейнъ должны были напасть на Линденау. Какъ и прежде было рѣшено напасть на Конневицъ и сюда была назначена часть австрійской арміи подъ предводительствомъ Мервельдта и Гессенъ-Гомбурга. Русская гвардія получила приказаніе стать около деревни Рэта всего въ 10 километрахъ отъ предполагаемаго поля сраженія, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было двинуть ее какъ на Конневицъ, такъ и на Вахау. Приказанія же, данныя Виттгенштейну, не были измѣнены.

Такимъ образомъ, утромъ шестнадцатаго числа, вокругъ Лейпцига, согласно съ новыми приказаніями, были сосредоточены слѣдующія силы:

1. на линіи Фуксгайнъ—Гроспёсна—Гюльденгосса—Кребернъ, подъ командой Виттгенштейна, корпуса Клейста, Виттгенштейна, Кленау и Палена; позади, около деревни Груна, въ качествѣ резерва, гренадерскій корпусъ Раевскаго и русская кирасирская бригада Гудовича; около мѣстечка Рэта русско-прусская гвардія и резервы;

2. около Гауча, между Плейсе и Эльстеромъ—корпусъ Мервельдта и австрійскіе резервы подъ начальствомъ наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго;

3. на фронтѣ, противъ Линдепау—корпусъ Гіулая, дивизія Лихтенштейна и летучій отрядъ Тильмана и Менсдорфа;

4. около Шкеудица силезская армія. Въ общемъ къ первому дню сраженія союзники имѣли въ своемъ распоряженіи: 202$^3/_4$ батальона, 348$^1/_2$ эскадрона, 918 орудій; включая казаковъ, круглымъ числомъ—205000 войска.

Наконецъ, послѣ того какъ былъ упущенъ удобный случай разбить на голову Мюрата, оказавшагося изолированнымъ, или по крайней мѣрѣ овладѣть прекрасной позиціей Вахау—Либертвольквицъ, 16-го было рѣшено двинуться на непріятеля. Условія для союзниковъ стали далеко не такъ благопріятны, какъ они были 14-го или даже еще 15-го числа. Въ то время какъ противникъ, если не считать небольшихъ отрядовъ, успѣлъ теперь соединить главную массу арміи, у союзниковъ еще не хватало значительныхъ частей, а собравшіяся войска были раздроблены. При данныхъ обстоятельствахъ, послѣ столь продолжительнаго ожиданія, безъ сомнѣнія, было бы гораздо разумнѣе держаться оборонительной тактики и подождать, пока начнутъ наступленіе колонны Беннигсена, Колоредо и Бубны, которыя стояли около Вальдгейма и Пёнига, въ семи миляхъ разстоянія. Однако казалось, что необходимо рѣшиться перейти къ наступленію, ибо, не понявъ истинныхъ намѣреній Наполеона, они считали весьма возможнымъ, что послѣдній или совсѣмъ откажется отъ битвы, или обрушится всѣми силами на Блюхера или же кронпринца. Съ другой стороны они, повидимому, увѣренно разсчитывали на успѣхъ фланговыхъ атакъ черезъ Конневицъ и были ослѣплены тѣми успѣхами, которыхъ можно было бы достигнуть въ данномъ случаѣ...

Надежда Наполеона собрать армію около Лейпцига къ вечеру 14-го, а 15-го уже быть въ состояніи на-

пасть на союзниковъ, не осуществилась. Значительная часть его войскъ въ этотъ день еще находилась въ движеніи. Поэтому наступленіе должно было быть перенесено на 16-ое число.

О противникѣ императоръ имѣлъ мало свѣдѣній. Полученныя извѣстія породили въ немъ предположеніе, что богемская армія заняла оборонительное положеніе. Ему казалось, что сѣверная армія двигается по направленію къ Мерзенбургу; Наполеонъ даже предполагалъ, что предыдущими дѣйствіями онъ обманулъ Блюхера и что надо ожидать наступленія Блюхера съ лѣваго берега Эльстера. Въ теченіе этого дня всѣ попытки кавалеріи получить болѣе точныя свѣдѣнія о непріятелѣ оказались тщетны; даже пикеты, поставленные на церковной башнѣ въ Лейпцигѣ, въ Линденталѣ и Либертвольквицѣ, днемъ ничего не могли узнать и лишь вечеромъ они различили нѣсколько непріятельскихъ бивачныхъ костровъ.

Только съ наступленіемъ ночи пришло сообщеніе отъ Мармона, въ которомъ послѣдній высказывалъ убѣжденіе въ томъ, что на слѣдующій день Блюхеръ двинется.

Однако, Наполеонъ не придалъ значенія и не повѣрилъ этому мнѣнію своего маршала и остался при своемъ убѣжденіи, что силезская армія должна показаться не по дорогѣ изъ Галле, а по дорогѣ изъ Вейсенфельса, откуда она, вѣроятно, сдѣлаетъ попытку соединиться съ богемской арміей. Вслѣдствіе такого представленія о положеніи противника, рѣшеніе Наполеона, предпринятое вечеромъ 15 ноября, сводилось къ тому, чтобы утромъ на слѣдующій день открыть наступленіе съ арміей, до того находившейся подъ командованіемъ Мюрата, на богемскую армію съ фронта Маркклеебергъ—Вахау—Либертвольквицъ и заставить ее

развернуть всѣ свои силы. Съ корпусомъ Макдональда и Ожеро, а также съ кавалерійскимъ корпусомъ Латуръ-Мобура, Себастіани и Пайола онъ намѣревался обойти правое крыло союзной арміи, заставивъ такимъ образомъ непріятеля пустить въ ходъ свои послѣдніе резервы или, если таковыхъ не окажется, заставить непріятеля ослабить свой фронтъ, выведя изъ него часть войскъ.

Достигнувъ этой цѣли, онъ намѣревался гвардіей, сосредоточенной за деревней Либертвольквицъ, нанести рѣшительный ударъ на тотъ пунктъ непріятельской позиціи, который окажется наиболѣе слабымъ. Въ случаѣ же нападенія съ сѣвера, маршалъ Ней съ корпусомъ Сухама и Бертрана, дивизіей Домбровскаго и кавалерійскимъ корпусомъ Арриги долженъ былъ дать отпоръ непріятелю.

Но такъ какъ императоръ не ожидалъ нападенія съ сѣвера, то онъ надѣялся оперировать съ этими войсками на югѣ. Корпусъ Мармона, пока находящійся на сѣверо-западъ отъ Лейпцига, долженъ былъ стать въ резервъ тремя колоннами между Лейпцигомъ и Либертвольквицемъ, чтобы въ случаѣ надобности ударить на врага.

Когда въ 9 часовъ утра союзная армія открыла наступленіе, то противъ нея со стороны французовъ находились:

1. На фронтѣ къ югу или по пути къ этому фронту:

Дивизія Лефоля, корпусъ Понятовскаго и кавалерійскій корпусъ Келлермана, поставленный колоннами по линіи Конневицъ — Лёснигъ—Дёлицъ—Маркклеебергъ; по линіи Вахау—Либертвольквицъ корпусъ Виктора и Лористона; за Лористономъ—молодая гвардія и дивизія Куріала изъ старой гвардіи; позади д. Цукельгаузенъ

корпусъ Ожеро; около д. Пробстгейда дивизія Фріана изъ старой гвардіи, гвардейская кавалерія и кавалерійскій корпусъ Пайола. Кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобура двигался по направленію къ овчарнѣ д. Меусдорфъ; корпусъ Макдональда и кавалерійскій корпусъ Себастьяни—по пути на д. Гольдгаузенъ.

Итого противъ богемской арміи было сосредочено: $216^1/_2$ батальоновъ, 277 эскадроновъ и 488 орудій; всего же круглымъ числомъ 138.000 войска.

2. На фронтѣ противъ Линденау были сосредоточены слѣдующія силы: пока еще часть лейпцигскаго гарнизона подъ начальствомъ Маргарона и бригада Квинета изъ 3-го кавалерійскаго корпуса,—всего 4 батальона, 6 эскадроновъ и 16 орудій съ 3200 солдатъ.

3. Во фронтѣ на сѣверъ стояли:

Корпусъ Мармона и остальная часть 3-го кавалерійскаго корпуса находились около Брейтенфельда и Линденталя. Дивизія Домбровскаго двигалась по пути на д. Клейнвидеричъ; корпусъ Бертрана стоялъ около Эвтрича; по направленію на Мокау двигались дивизіи Брейера и Рикара; по направленію отъ Дюбена—дивизія Дельмы изъ корпуса Сухама.

Всего во фронтѣ на сѣверъ стояло или двигалось къ этому фронту: 113 батальоновъ, 47 эскадроновъ, 186 орудій при 49400 войска.

Общія боевыя силы Наполеона къ 16-му октября состояли изъ $333^1/_2$ батальоновъ, 330 эскадроновъ, 690 орудій, т.-е. круглымъ счетомъ 190.000 войска, за исключеніемъ резервныхъ парковъ и колоннъ и не считая потерь въ битвѣ при Либертвольквицѣ, которыя еще не были опредѣлены.

Если мы теперь, познакомившись съ характеромъ мѣстности вокругъ Лейпцига, взаимнымъ соотношеніемъ

и распредѣленіемъ силъ противниковъ, взглянемъ на общее положеніе враждебныхъ армій рано утромъ 16-го октября, то мы несомнѣнно должны будемъ признать, что у Наполеона было больше шансовъ на побѣду. Преимущества мѣстоположенія были на его сторонѣ и, за исключеніемъ артиллеріи, силы обѣихъ армій были почти равны. Небольшой плюсъ на сторонѣ союзниковъ уравновѣшивался тѣмъ обстоятельствомъ, что Шварценбергъ расположилъ значительную часть своей арміи въ такой мѣстности, гдѣ безъ труда можно было съ небольшими отрядами помѣшать ему развернуть свои силы. Въ тѣхъ пунктахъ на правомъ берегу Плейсе, которые имѣли рѣшающее значеніе, 138.000 французовъ стояли противъ 100.000 союзниковъ, при чемъ изъ послѣднихъ 24.000 въ лучшемъ случаѣ только послѣ полудня могли принять участіе въ сраженіи. Такого распредѣленія силъ союзной арміи Наполеонъ, конечно, не могъ предвидѣть; скорѣе онъ разсчитывалъ натолкнуться южнѣе линіи Вахау—Либертвольквицъ на соединенную богемскую армію. Но даже если бы это предположеніе было справедливо, все-таки силы Наполеона были, по крайней мѣрѣ, равны силамъ противника. Полагаясь на свой опытъ въ качествѣ полководца, онъ вполнѣ могъ разсчитывать на вѣрную побѣду. Даже если бы силезская армія со стороны Шкеудица вступила въ бой, положеніе его далеко не было бы безнадежнымъ, ибо Блюхеръ до вечера наврядъ смогъ бы достигнуть большихъ успѣховъ, а, между тѣмъ, около Вахау французскія войска могли бы одержать побѣду. Если бы Наполеонъ 16-го числа добился рѣшительной побѣды, то вполнѣ возможно, что, несмотря на приближеніе арміи Беннигсена, Блюхера и шведскаго кронпринца, война приняла бы совершенно иной оборотъ.

Вслѣдствіе подобнаго распредѣленія силъ обѣихъ

армій, 15-го и утромъ 16-го октября произошли четыре отдѣльныхъ сраженія, которыя получили слѣдующія названія, — сообразно съ пунктами, гдѣ битва носила особенно напряженный характеръ и въ соотвѣтствіи съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣли эти сраженія для исхода всей битвы подъ Лейпцигомъ: сраженіе при Вахау, схватка при Конневицѣ, схватка при Линденау и сраженіе при Мёкернѣ.

Утро 16-го октября было пасмурно, холодно и дождливо; густой туманъ разстилался по землѣ. Виттгенштейнъ раздѣлилъ всѣ подчиненныя ему войска на четыре колонны, которымъ приказалъ выполнить слѣдующее:

1-ая колонна подъ командой генерала отъ кавалеріи графа Кленау, состоящая изъ 4-го австрійскаго корпуса и прусской бригады Цитена, должна была собраться между Фуксгайномъ и Университетской рощей и отсюда напасть на Либертвольквицъ.

2-ая колонна подъ командой генералъ-лейтенанта князя Горчакова, въ составѣ русской дивизіи Мезенцова и прусской бригады Пирха, должна была пройти между долиной Штёрна и Университетской рощей и поддерживать наступленіе Кленау на Либертвольквицъ.

3-ья колонна подъ командой генералъ-лейтенанта герцога Евгенія Вюртембергскаго, составлявшаяся изъ 2-го русскаго пѣхотнаго корпуса и прусской бригады Клюкса, должна была напасть на непріятеля съ востока, направляясь отъ д. Гюльденгосса на Вахау.

4-ая колонна подъ командой генералъ-лейтенанта ф.-Клейста, въ составѣ русской дивизіи Гельфрейха, прусской бригады принца Августа, русской кирасирской бригады Левашова и Лубенскаго гусарскаго полка, должна была пройти отъ д. Крёбернъ между Вахау и

Маркклеебергомъ и занять обѣ деревни, а также и холмы, лежащіе между ними. Кавалерійскій корпусъ Палена, къ которому были присоединены еще прусскіе кавалерійскіе резервы, долженъ былъ поддерживать связь между 1-й и 2-й колоннами; резервамъ, состоящимъ изъ гренадерскаго корпуса Раевскаго и кирасирской бригады Гудовича, было предписано остановиться южнѣе мѣстечка Груна у большой дороги. Въ 8 часовъ утра герцогъ Евгеній Вюртембергскій перешелъ низменность между деревнями Гюльденгосса и Крёбернъ. Войска двигались двумя колоннами, на Вахау за лѣвой колонной, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, слѣдовала въ качествѣ резерва прусская бригада Клюкса. Со стороны непріятеля были замѣтны только нѣкоторые передовые отряды, которые быстро отступили на главную линію; на вершинахъ Вахау наступавшіе замѣтили 7 орудій. Когда русская артиллерія открыла по нимъ огонь, они быстро снялись. Получилось впечатлѣніе, будто союзники натолкнулись на слабый непріятельскій арріергардъ, и поэтому было рѣшено начать энергичное наступленіе.

Оказалось, что д. Вахау, также какъ и близъ лежащая роща, были слабо защищены французами и безъ всякаго труда заняты лѣвой колонной. Но когда продвинулись дальше за деревню, то картина сильно измѣнилась: безконечная артиллерія внезапно открыла уничтожающій огонь и одновременно маршалъ Викторъ развернулъ свою пѣхоту для контръ-атаки. Союзники были отброшены съ тяжелыми потерями назадъ въ деревню, но и ее въ половинѣ десятаго союзники должны были отдать непріятелю послѣ долгаго и упорнаго штыкового боя, въ которомъ то союзники, то французы одерживали верхъ, а Вахау нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Дальше деревни, однако,

БИБЛИОТЕКА Обл Дома Учителя

французамъ не удалось продвинуться: какъ разъ въ это время подоспѣла бригада Клюкса, которая, занявъ выгодную позицію въ лощинѣ, въ 400 м. къ югу отъ деревни, поддерживала отступающихъ. Завязалась на нѣсколько часовъ горячая перестрѣлка, во время которой постепенно была вовлечена въ дѣло вся бригада Клюкса.

Всѣ попытки французовъ проникнуть за Вахау разбивались о твердую стойкость немногочисленныхъ батальоновъ, а также и благодаря картечному огню батареи, быстро появившейся передъ лѣвымъ флангомъ бригады.

Гораздо серьезнѣе было положеніе дивизіи Шаховского, находившейся направо отъ бригады Клюкса.

Стоя на совершенно открытой равнинѣ, вынужденная къ полному бездѣйствію русская дивизія терпѣла такія потери, что только благодаря стойкости и полному презрѣнію къ смерти, проявленному русскими войсками, и геройской храбрости герцога Евгенія, можно было долго держаться въ такомъ положеніи. Получивъ донесеніе генерала ф.-Клюкса, что его лѣвому крылу угрожаютъ надвигающіяся французскія колонны, герцогъ съ каждаго фланга послалъ по полку на лѣвое крыло прусской бригады. Появленіе этихъ полковъ послужило толчкомъ къ новой атакѣ. Вновь удалось отбросить французовъ, въ третій разъ проникнуть въ Вахау и пробиться почти къ самой артиллерійской линіи французовъ. Однако потери отряда были такъ значительны, что дальнѣйшее наступленіе становилось совершенно невозможнымъ. Деревня вновь была взята французами и на этотъ разъ окончательно удержана ими въ своихъ рукахъ. Въ 11 часовъ положеніе дѣлъ въ этой части поля сраженія было таково: Вахау въ рукахъ французовъ; бригада Клюкса, расположившаяся въ лощинѣ южнѣе деревни, батальонными залпами и стрѣлковымъ

огнемъ дѣлаетъ невозможнымъ движеніе французовъ впередъ изъ д. Вахау.

Вправо отъ бригады Клюкса — принужденная бездѣйствовать дивизія Шаховского, выдерживающая губительный орудійный огонь и постепенно тающая. Изъ 31 русскихъ и прусскихъ орудій 22 уже были приведены въ негодность. Ясно сознавая, что отступленіе съ этой позиціи до прибытія резервовъ невозможно безъ вреда для общаго хода сраженія, герцогъ удерживаетъ свои войска, не взирая на огромныя потери. На орудійный громъ подъ Вахау изъ Крёберна черезъ Кростевицъ по направленію къ Маркклеебергу и къ холмамъ между этой деревней и Вахау, двинулась колонна Клейста. Одному лѣвому боковому отряду, состоящему изъ двухъ прусскихъ батальоновъ, удалось, несмотря на удачный обстрѣлъ артиллерійскимъ огнемъ французовъ Келлерберга, постепенно занять болѣе выгодное положеніе по отношенію къ Понятовскому и проникнуть въ Маркклеебергъ, въ то время какъ направо отъ него дивизія Гельфрейха продвинулась по направленію къ лугу, западнѣе Вахау.

Въ Маркклееберге между противниками, засѣвшими въ домахъ, завязалась ожесточенная битва, продолжавшаяся далеко за полдень, при чемъ на правомъ флангѣ бой принялъ характеръ непрерывной схватки. Положеніе слабой дивизіи Гельфрейха становилось все болѣе критическимъ, такъ что Клейстъ весьма скоро былъ вынужденъ пустить въ ходъ свои резервы—бригаду принца Августа. Отчаянной атакой удалось очистить лугъ, завладѣть холмами и удержать ихъ за собой на нѣсколько часовъ, несмотря на тяжелыя потери и неоднократно предпринимаемыя французами кавалерійскія атаки. Всетаки положеніе Клейста въ 11 часовъ было чрезвычайно опасно. Самъ онъ пріостановилъ наступленіе, а въ слу-

чаѣ возобновленія штурма непріятелемъ, можно было выставить противъ него всего только три свѣжихъ батальона.

Между тѣмъ вторая колонна Горчакова, которой было предписано вмѣстѣ съ Кленау напасть на Либертвольквицъ, вступила въ битву у долины Штерна. Такъ какъ колонна Кленау еще не прибыла, то Горчаковъ прежде всего развернулъ свою артиллерію, которая открыла мѣткій огонь по французскимъ батареямъ на Гальгенбергѣ; пѣхота же, принужденная бездѣйствовать, несла при этомъ большія потери. То же случилось и съ кавалерійскимъ корпусомъ Палена, который скоро долженъ былъ прекратить наступленіе на Гальгенбергъ и ограничился тѣмъ, что ввелъ три конныя батареи въ артиллерійскую битву. Въ 10 часовъ Паленъ по просьбѣ Кленау послалъ двѣ бригады, изъ находившихся въ его распоряженіи, на правое крыло колонны. Колонна Кленау только около 10 часовъ оказалась между дер. Зейфертсгайнъ и рощей Нидергольцъ. Либертвольквицъ, казалось, былъ плохо занятъ; господствующая вершина Кольмбергъ была еще не занята непріятелемъ; однако были замѣтны густыя колонны пѣхоты и кавалеріи, надвигающіяся по направленію изъ Гольцхаузена и Бальсдорфа. Поэтому Кленау рѣшилъ немедленно занять Кольмбергъ и напасть на Либертвольквицъ. Деревня, еще 14-го числа представлявшая изъ себя кучу дымящихся развалинъ, была взята послѣ перваго штурма, но французы укрѣпились въ сѣверной части деревни и внутри кладбища, расположеннаго на возвышенномъ мѣстѣ, а подоспѣвшія подкрѣпленія скоро понемногу оттѣснили австрійцевъ назадъ. На правомъ берегу Плейсе картина сраженія въ 11 часовъ утра была такова: первоначально совмѣстное наступленіе четырехъ колоннъ Виттгенштейна было успѣшно, ибо противникъ

утромъ еще не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточныхъ силъ и очевидно былъ застигнутъ врасплохъ выступленіемъ союзниковъ. Но мало-по-малу непріятелю удалось вновь захватить всѣ потерянные имъ пункты. У союзниковъ не хватало силъ, чтобы удержать за собой захваченныя позиціи и предотвратить дальнѣйшія потери. Передовыя линіи, неся тяжелыя потери, еще держались, но подоспѣвшія къ противнику подкрѣпленія заставляли опасаться худшаго. Императоръ Александръ, съ 9 часовъ уже находившійся на возвышенности Вахтбергъ около Гюльденгоссы, видѣлъ, что слабыя силы союзниковъ въ этой безнадежной борьбѣ съ превосходящимъ численностью непріятелемъ истощаются. Онъ былъ крайне озабоченъ. Ясно было, что выставленныхъ силъ было совершенно недостаточно и что эти войска будутъ смяты непріятелемъ, если они не будетъ скоро подкрѣплены сильными резервами. Тогда Императоръ отдалъ приказаніе гренадерскому корпусу Раевскаго немедленно начать наступленіе отъ мѣстечка Грюна на Ауенгайнъ, а русско-прусской гвардіи на дер. Крёбернъ и Гюльденгосса; Шварценбергу же онъ послалъ предписаніе возможно скорѣе переправить австрійскіе резервы съ лѣваго берега Плейсе на правый, чтобы предотвратить угрожающее арміи пораженіе. Между тѣмъ Мервельдтъ на лѣвомъ берегу Плейсе тщетно пытался завладѣть переходомъ черезъ эту рѣку. Одну часть своихъ силъ онъ развернулъ противъ Конневица, другую противъ Лёсснига и Делица. Но и здѣсь и тамъ условія мѣстности были настолько неблагопріятны, что о наступленіи нечего было и думать. Взять забаррикадированный мостъ около Конневица представлялось совершенно невозможнымъ, не удалась также попытка навести мостъ черезъ Плейсе между Конневицемъ и Лёсснигомъ. Невозможность

выдвинуть орудія и развернуть войска въ сторонѣ отъ дороги усугубляла затруднительность положенія. Къ счастью, ловкимъ и неожиданнымъ нападеніемъ по крайней мѣрѣ удалось завладѣть делицкимъ замкомъ и отсюда открыть артиллерійскій огонь по французскимъ стрѣлкамъ, расположившимся по правому берегу. И это было все, чего удалось достигнуть. Между тѣмъ Шварценбергъ, подъ впечатлѣніемъ неблагопріятнаго хода сраженія, сталъ колебаться. Ему стало казаться, что сосредоточеніе боевыхъ силъ по совѣту Лангенау является большой ошибкой. Когда около 11 часовъ прибылъ адъютантъ Императора Александра съ требованіемъ стянуть австрійскіе резервы на правый берегъ Плейсе, князь послѣ нѣкотораго колебанія согласился и распорядился, чтобы около 12 часовъ дивизія Біанхи и Вейсенвольфа выступила по направленію черезъ Гашвицъ и Дэубенъ; кавалерійская дивизія Ностица должна была обогнать пѣхоту...

Наполеонъ въ самомъ началѣ 10-го часа прибылъ на Гальгенбергъ, къ востоку отъ Вахау, и здѣсь принялъ отъ Мюрата докладъ о ходѣ сраженія. Повидимому, онъ былъ разстроенъ тѣмъ, что союзники предупредили наступленіе и что еще не всѣ корпуса были на мѣстѣ.

Онъ понялъ, что прежде всего до выступленія главныхъ силъ надо успѣть укрѣпить оставшимися резервами слабо защищенные пункты своей позиціи. Такимъ образомъ, когда положеніе нѣсколько выяснилось, Наполеонъ рѣшилъ подкрѣпить корпусъ Виктора и Лористона молодой гвардіей, а корпусъ Ожеро́, послѣ того какъ около $9^1/_2$ часовъ слабый отрядъ Понятовскаго былъ сильно стѣсненъ колонной Клейста, передвинулъ отъ Цукельгаузена на правое крыло. Дивизію старой гвардіи Куріала и всю пѣхоту новой—придвинулъ къ

Либертвольквицу, помѣстивъ дивизію Фріана изъ старой гвардіи у овчарни Мейсдорфа. Когда подъ Вахау завязалось съ перемѣннымъ успѣхомъ упорное сраженіе, Наполеонъ приказалъ двумъ дивизіямъ молодой гвардіи, предводительствуемой Удино, и многочисленной кавалеріи занять мѣсто позади Вахау. Потери со стороны французовъ были такъ велики, что императоръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія еще недостающихъ корпусовъ. Прояснившаяся погода расширила поле зрѣнія императора. То, что онъ увидѣлъ, привело его къ убѣжденію, что передъ нимъ только частичныя силы противника. Его желаніе возможно скорѣе перейти въ наступленіе было, поэтому, вполнѣ понятно.

Онъ только ждалъ, пока Макдональдъ займетъ весьма важную вершину Кольмбергъ и черезъ Зейфертсгайнъ обойдетъ правый флангъ непріятеля. Въ случаѣ удачи этого маневра, Наполеонъ намѣревался затѣмъ со своими центральными силами пробиться на линію: Ауэнгайнъ — Гюльденгосса — Университетскій лѣсъ. Этимъ онъ надѣялся разстроить и разъединить другъ отъ друга непріятельскія позиціи, отбросить главную часть непріятеля за Плейсе или по крайней мѣрѣ принудить его пройти черезъ Плейсе и Эльстеръ подъ огнемъ побѣдителя.

Первую часть этого плана—наступленіе Макдональда, удалось привести въ исполненіе. Въ то время, какъ маршалъ послалъ двѣ дивизіи въ обходъ на Клейнпёсну и Зейфертсгайнъ, третья дивизія съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами двинулась на Кольмбергъ и заставила отступить стоявшіе здѣсь австрійскіе батальоны. При этомъ было захвачено нѣсколько орудій. Французы наступали съ такой силою и стремительностью, что даже приближающаяся австрійская бригада, находившаяся въ отдаленіи, была вовлечена въ общее

отступленіе. Только благодаря храброму выступленію нѣсколькихъ прусскихъ кавалерійскихъ эскадроновъ удалось остановить наступленіе французовъ и вновь отнять три потерянныхъ австрійцами орудія и пробиться назадъ.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ вступилъ въ схватку кавалерійскій полкъ Себастіани и послѣ битвы, проходившей съ перемѣннымъ успѣхомъ, въ концѣ концовъ отбросилъ стоящую здѣсь австрійскую конницу. Къ счастью, въ самый рѣшительный моментъ подоспѣли высланныя Паленомъ обѣ бригады прусскихъ кавалерійскихъ резервовъ и казаки Платова, поставленные съ праваго фланга для поддержанія связи съ приближающейся арміей Беннигсена; смѣло ударили они на лѣвый флангъ Себастіани, такъ что послѣдній, несмотря на превосходство своихъ силъ, прекратилъ дальнѣйшее наступленіе. Такимъ образомъ австрійская конница выиграла время для того, чтобы вновь собраться между деревнями Гросспёсна и Фуксгайнъ. Между тѣмъ Либертвольквицъ вновь былъ потерянъ и австрійцы были отброшены назадъ къ рощѣ Нидергольцъ, энергично обстрѣливаемые съ Кольмберга Баденской батареей и преслѣдуемые сильной стрѣлковой линіей корпуса Лористона, которая проникла за медленно-отступающими австрійцами въ Нидергольцъ.

Если не считать оживленной канонады, то сраженіе послѣ часа дня было на нѣкоторое, довольно, впрочемъ, незначительное время прекращено, вѣроятно, потому, что Макдональдъ хотѣлъ подождать результатовъ наступленія своей обходной колонны. Въ центрѣ союзники съ 11 часовъ были рѣшительно принуждены къ оборонительной тактикѣ. Событія въ корпусѣ Кленау имѣли своимъ послѣдствіемъ отступленіе колонны Горчакова на линію Гюльденгосса—Университетскій лѣсъ

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Битва народовъ подъ Лейпцигомъ.

и принудили Палена искать себѣ позиціи еще дальше назадъ. Только батальоны герцога Вюртембергскаго, потерявшіе половину людей, какъ и прежде спокойно и геройски держались на своихъ позиціяхъ. Противъ Клейста, который все еще удерживалъ въ своихъ рукахъ Маркклееебергъ и разсчитывалъ продолжать наступленіе на вершины при Вахау, Наполеонъ выставилъ корпусъ Ожеро́. Благодаря превосходству силъ послѣдняго, д. Маркклееебергъ была почти совсѣмъ потеряна для союзниковъ, когда въ отдаленіи показался гренадерскій корпусъ Раевскаго, направляющійся къ Ауэнгайну; это заставило Клейста выставить 3 свои послѣдніе батальоны и еще разъ попытаться штурмовать вершины подъ Вахау, — однако новый натискъ Ожеро́ и Понятовскаго остановилъ рѣдѣющіе ряды полуразбитаго отряда и принудилъ ихъ медленно отступить на Крёбернъ; только въ Маркклееебергѣ удалось оттѣснить непріятеля къ сѣверной части деревни. На лѣвомъ берегу Плейсе условія не измѣнились. Слѣдовательно, въ 2 часа пополудни всѣ колонны союзной арміи, за единственнымъ исключеніемъ колонны Клейста, были оттѣснены къ своимъ первоначальнымъ позиціямъ. Грозныя массы французской пѣхоты соединились за безпрерывно грохочущей артиллеріей въ ожиданіи общаго наступленія. Хорошо, что къ союзникамъ со всѣхъ сторонъ стягивались подкрѣпленія, но подоспѣютъ ли они во-время, чтобы отразить предстоящее нападеніе— это оставалось подъ вопросомъ!..

Наполеонъ съ чувствомъ удовлетворенія слѣдилъ съ Гальгенберга за ходомъ сраженія. Послѣ того какъ вновь былъ взятъ Либертвольквицъ и произведено нападеніе на Кольмбергъ, онъ послалъ саксонскому королю извѣстіе: «дѣла идутъ хорошо»; въ то же время онъ

отдалъ приказаніе звонить въ Лейпцигѣ во всѣ колокола, «чтобы дать знать арміи о достигнутыхъ успѣхахъ».

Всѣ приготовленія къ рѣшительному сраженію были выполнены. Всѣ артиллерійскіе резервы продвинулись на боевую линію; на правомъ флангѣ сформировались готовые къ наступленію — корпусъ Виктора и обѣ дивизіи молодой гвардіи подъ начальствомъ Удино; на лѣвомъ—дивизіи Лористона и двѣ другія гвардейскія дивизіи подъ командой Мортье; позади собрались значительныя кавалерійскія силы. Недоставало только Мармона. Сомнительно, чтобы прибылъ Ней, ибо уже послѣ 11 часовъ было получено извѣстіе о томъ, что изъ Галле приближаются значительныя силы непріятеля; на корпусъ Бертрана вообще нельзя было больше разсчитывать, такъ какъ онъ долженъ быть посланъ для подкрѣпленія позицій подъ Линденау. Было два часа, но приближенія Мармона все еще не было замѣчено. Императоръ не захотѣлъ больше ждать и отдалъ приказъ начать общее наступленіе.

Въ то время какъ колонны праваго крыла, сообразно этому приказу, начали переходить по склону вершины около Вахау, немного южнѣе, именно тамъ, гдѣ находилась австрійская кавалерійская дивизія Ностица, завязался ожесточенный кавалерійскій бой.

Передовые полки прибыли какъ разъ въ самый нужный моментъ, чтобы предохранить слѣдующій сзади корпусъ Клейста отъ полной гибели. Они раздѣлились на двѣ колонны: одна изъ нихъ стремительнымъ натискомъ бросилась на французскую кавалерію, почти уже пробившуюся до Крёберна и послѣ горячей схватки обратила ее въ бѣгство.

Французы бросились бѣжать по направленію къ д. Пробстгейда, гдѣ нашли прикрытіе за надвигающимися впереди пѣхотными батальонами, энергично обстрѣли-

вавшими преслѣдователей; благодаря этому разбитая французская кавалерія могла вновь собраться и, подкрѣпленная саксонскимъ кирасирскимъ полкомъ, въ свою очередь отбросила назадъ разстроившихся австрійцевъ. Вторая австрійская колонна взяла направленіе на Ауэнгайнъ и съ успѣхомъ вступила въ схватку, завязавшуюся между русскими и французскими кавалеристами; въ результатѣ французская кавалерія прекратила дальнѣйшее наступленіе, тѣмъ болѣе что какъ разъ въ это время на поле сраженія подоспѣла остальная часть дивизіи Ностица, но чтобы не уступить противнику очень важнаго прохода отъ Крёберна, австрійская конница была вынуждена, неся тяжелыя потери, держаться въ продолженіе почти двухъ часовъ подъ ожесточеннымъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

Эти кавалерійскія схватки на правомъ флангѣ, само собою разумѣется, не остановили движенія наступающихъ французскихъ колоннъ. Въ самомъ началѣ 3-й корпусъ Виктора, а за нимъ обѣ гвардейскія дивизіи Удинó перешли по склону горы къ западу отъ Вахау и двинулись по направленію къ Ауэнгайну; справа отъ нихъ около Маркклеенберга надвигалась бригада изъ корпуса Ожерó. Немного позднѣе корпусъ Лористона двумя колоннами двинулся отъ Либертвольктвица на Гюльденгоссу и Университетскій лѣсъ, и въ это же время двѣ дивизіи Мортье проникли въ рощу Нидергольцъ, въ то время какъ Макдональдъ на самомъ лѣвомъ флангѣ вновь началъ наступленіе на Зейфертсгайнъ. Между Вахау и Либертвольквицемъ двигались, въ качествѣ подкрѣпленія для всѣхъ наступающихъ силъ, 84 орудія изъ резерва. Чтобы облегчить положеніе пѣхотныхъ корпусовъ Виктора и Лористона, приходилось сильно страдать отъ огня расположенныхъ противъ нихъ русскихъ батарей. Генералъ Бордезулъ, дивизія, котораго,

въ качествѣ аванпоста 1-го кавалерійскаго корпуса, находилась позади возвышенности при Вахау, около $2^1/_2$ часовъ рѣшилъ атаковать непріятельскія орудія. Въ его дивизіи послѣ нѣсколькихъ командировокъ оставалось еще 18 эскадроновъ, т.-е. не болѣе 2500 человѣкъ. Первый отрядъ бросился на разстроенные батальоны герцога Вюртембергскаго, опрокинулъ ихъ одинъ за другимъ и взялъ батарею съ 26 орудіями. Слѣдующая бригада двинулась по направленію на Гюльденгоссу противъ русской гвардейской кавалерійской дивизіи Шевича, состоящей изъ 18 эскадроновъ, — которая какъ разъ достигнула поля сраженія. Эта дивизія, прежде чѣмъ получить возможность продолжать наступленіе, была смята и отброшена въ болотистую луговую низменность западнѣе Гюльденгосса. Побѣдители преслѣдовали и пытались по насыпи, идущей черезъ лугъ, пробиться къ Вахтбергу, ибо виднѣвшаяся тамъ блестящая группа офицеровъ порождала предположеніе, что здѣсь находится Монархъ. Къ счастью, въ это время ударилъ на непріятельскій флангъ русскій кирасирскій полкъ, двигавшійся подъ личнымъ предводительствомъ герцога Евгенія отъ Ауэнгайна и одновременно съ этимъ личное прикрытіе Монарха—3 эскадрона лейбъ-гвардіи казаковъ очень ловко переправились черезъ насыпь и атаковали непріятеля съ фронта. Между тѣмъ двѣ опередившія батареи русской гвардіи, пробившіяся изъ деревни Гёры, открыли огонь и такимъ образомъ сраженіе постепенно опять затихло.

Положеніе улучшилось только когда подоспѣли 10 эскадроновъ прусской конницы, державшейся на лѣвомъ крылѣ кавалеріи Палена, и вмѣстѣ съ русскими послѣ сраженія съ колеблющимся то въ ту, то въ другую сторону успѣхомъ прогнали французскіе эскадроны назадъ до большой батареи.

Только огонь этой послѣдней прекратилъ преслѣдованіе. Около $3\frac{1}{2}$ часовъ послѣдніе эскадроны Бордезула опять скрылись по ту сторону возвышенности и орудійная пальба, которая должна была во время сраженія на нѣкоторое время замолкнуть, возобновилась съ новой силой. Въ то же время началось послѣднее рѣшающее сраженіе этого дня, такъ какъ наступающія французскія колонны двигались безостановочно и приблизились къ непріятельскимъ позиціямъ на разстояніе картечнаго выстрѣла.

Припомнимъ еще разъ положеніе союзныхъ войскъ при началѣ сраженія.

На правомъ флангѣ войска Кленау отступали на возвышенности между д. Госспёсна и Фуксгайнъ, а также на Зейфертсгайнъ; одна бригада еще стояла въ рощѣ Нидергольцъ; колонна Горчакова отступила на линіи Университетскій лѣсъ — Гюльденгосса; незначительные остатки отъ колонны герцога Евгенія плотно стояли западнѣе д. Гюльденгосса; бригада Клюкса медленно отступала по направленію къ овчарнѣ Ауэнгайна. Изъ прибывшихъ резервовъ гренадерскій корпусъ Раевскаго приблизился къ Ауэнгайну и Гюльденгосса, русская резервная артиллерія стояла на вершинахъ позади Гюльденгосса, куда направлялась также русско-прусская гвардія.

На лѣвомъ флангѣ д. Маркклееебергъ была еще удержана союзниками; кавалерійская дивизія Ностица стояла впереди Крёберна, а изъ австрійскихъ резервовъ дивизія Біанхи выступала изъ Крёберна. Макдональдъ, завладѣвъ Кольмбергомъ, продолжалъ съ тремя дивизіями наступленіе на д. Клейнпёсна, Зейфертсгайнъ и на рощу Нидергольцъ. Клейнпёсна безъ труда оказалась въ его рукахъ, наоборотъ, около д. Зейфертсгайна, входъ въ которую австрійцы забаррикадировали и за-

щищали съ большимъ упорствомъ, началась продолжительная борьба, въ которой союзники въ концѣ-концовъ, благодаря энергичной контръ-атакѣ, одержали верхъ.

Съ наступленіемъ ночи Макдональдъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ, отступилъ на линію Кольмбергъ—Клейнпёсна; только его правому крылу удалось завладѣть рощей Нидергольцъ. Обѣ дивизіи Мортье поддерживали наступленіе Макдональда на Нидергольцъ. Онѣ направились противъ части войскъ Горчакова, стоящей въ Университетскомъ лѣсу, но, однако, не могли сюда пробиться. Дальше—правѣе дивизія Мезона, изъ корпуса Лористона, штурмовала имѣющую важное значеніе деревню Гюльденгосса, занятую тремя батальонами прусской бригады Пирха. Съ помощью подоспѣвшаго въ рѣшительный моментъ свѣжаго батальона удалось вновь отбросить далеко проникнувшихъ французовъ. Новое нападеніе, предпринятое съ двойной энергіей, также было отражено, такъ какъ въ это время подоспѣло нѣсколько русскихъ батальоновъ и остатокъ бригады Пирха. Успѣшно обстрѣливаемые съ фланга конной батареей Палена, французы были прогнаны въ полномъ разстройствѣ. Но и на правомъ крылѣ французовъ корпусъ Виктора и обѣ гвардейскія дивизіи Удино добились самыхъ незначительныхъ результатовъ. Виктору удалось оттѣснить далеко назадъ слабые остатки бригады Клюкса и колонны Клейста и, наконецъ, завладѣть овчарней Ауэнгайна, но пруссаки все еще удерживали МаркклееберГъ, и когда одни за другими подошли 2 русскія гренадерскія дивизіи и русско-прусская гвардія, когда затѣмъ прибыли также первые батальоны австрійскихъ резервовъ, то и въ этой части поля сраженія всѣ успѣхи французовъ были сведены къ нулю. Съ необычайной трудностью и напряженіемъ удалось диви-

зіи Біанхи, подвигающейся позади австрійскихъ резервовъ, черезъ бродъ около Грос-Деубена, перейти разлившуюся рѣку Плейсе, а затѣмъ проложить себѣ дорогу черезъ Крёбернъ, запруженный войскомъ, ранеными и повозками. Немедля двинулись отъ Крёберна двумя колоннами по направленію къ Вахау и Маркклеебергу.... Въ гвардіи Удино и въ корпусѣ Ожеро была замѣтна нерѣшительность. Взятый между тѣмъ врагомъ Маркклеебергъ былъ вновь отнятъ, а врагъ отброшенъ къ Дёлицу.

Дивизія Вейсенвольфа слѣдовала по пятамъ за Біанхи. Согласно приказанію Шварценберга, цѣль ея состояла въ томъ, чтобы достигнуть высокой равнины между Кростевицемъ и Ауэнгайномъ, для чего необходимо было отнять ауенгайнскую овчарню. Съ героической храбростью овчарня была атакована и, несмотря на большія потери, взята; однако, проникнуть за нее, благодаря превосходству французскихъ силъ, оказалось невозможнымъ. Одновременно бригада Вейсенвольфа дѣятельно поддерживала наступленіе Біанхи на Маркклееبергъ. Поэтому положеніе праваго французскаго крыла въ этомъ мѣстѣ было настолько критическимъ, что Наполеонъ нашелъ необходимымъ послать на помощь сначала часть старой гвардіи, а затѣмъ еще двѣ дивизіи прибывшаго, наконецъ, корпуса Сухама.

На лѣвомъ берегу Плейсе дѣйствія австрійцевъ продолжались, но такъ же неудачно, какъ и прежде. Несмотря на всю храбрость, не удалось ни взять приступомъ Конневицкій мостъ, ни перейти рѣчку между Конневицемъ и Лёссницомъ. Уничтожающій огонь французовъ останавливалъ, разстраивалъ всѣ попытки. Густыми рядами лежали передъ мостомъ убитые австрійцы и лѣсъ былъ полонъ мертвыми и ранеными. Только около Дёлица удалось поставить нѣсколько орудій и такимъ об-

разомъ принудить поляковъ очистить мѣстность по ту сторону рѣки. Успѣхи Біанхи на правомъ берегу около $5^1/_2$ часовъ нѣсколько облегчили положеніе сильно разстроенныхъ войскъ Мервольда. Была сдѣлана попытка перейти черезъ Плейсе, такъ какъ австрійцы, введенные въ заблужденіе сходствомъ бѣлой формы одного саксонскаго батальона, полагали, что на томъ берегу находятся австрійскія войска. Самъ графъ Мервольдъ былъ одинъ изъ первыхъ, ступившихъ на правый берегъ. Его встрѣтилъ залпъ французскихъ гвардейцевъ, лошадь была убита, а самъ онъ раненъ. Такъ попалъ онъ въ плѣнъ къ французамъ. Австрійскія войска, переходившія рѣку, быстро были опять отброшены назадъ; французамъ удалось даже, хотя, правда, ненадолго, проникнуть въ дёлицкій замокъ; удержать же его за собой они не могли, отступивъ передъ австрійскими штыками. Первоначальные результаты наступленія кавалеріи Бордезула, занятіе маршаломъ Викторомъ Ауэнгайна и проникновеніе дивизіи Мезона, хотя ненадолго, въ д. Гюльденгосса, окрылили Наполеона радостными надеждами; его свита, казалось, тоже раздѣляла съ нимъ эти надежды. Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, когда кирасиры бѣжали въ полномъ разстройствѣ, когда нападеніе Мезона на д. Гюльденгосса было отбито и остальныя колонны ничуть не подвинулись впередъ.

Около 5 часовъ вечера Наполеона занималъ вопросъ, не пустить ли въ ходъ для новой атаки послѣднія имѣющіяся въ распоряженіи силы, именно около 9 тысячъ старой французской гвардіи и кавалерію. Однако, достовѣрное извѣстіе о прибытіи русскихъ и австрійскихъ резервовъ внушало мало надежды на успѣхъ.

Необходимость послать часть старой гвардіи къ Дёлицу, въ концѣ концовъ избавила императора отъ сомнѣнія въ томъ, какое же именно рѣшеніе ему пред-

принять. Сраженіе на фронтѣ, благодаря недостатку силъ, могло быть окончательно проиграно. Битва окончилась вмѣстѣ съ быстро наступившими сумерками. Только ружейный огонь форпостовъ не умолкалъ и ночью. Пламя горящихъ деревень Лёсснигъ, Крёбернъ, Дёлицъ, Вахау и Гюльденгосса озаряло багрянымъ свѣтомъ темное небо, простиравшееся надъ Лейпцигской низменностью, и освѣщало ужасную картину, которую во всей ея полнотѣ невозможно и описать. Съ обѣихъ сторонъ войска, до крайности истощенныя, въ общемъ остались на тѣхъ позиціяхъ, которыя были ими заняты во время послѣдней фазы сраженія. Линія, занятая союзниками, простиралась отъ Зейфертсгайна и южной части Нидергольца черезъ Университетскій лѣсъ, д. Гюльденгосса и Ауэнгаймъ, по направленію къ Маркклееебергу, по лѣвому берегу Плейсе, вдоль ея теченія. Противъ нихъ располагались боевыя силы французовъ по фронту: Клейнпёсна—Кольмбергъ, Нидергольцъ, Либертвольквицъ—Вахау, а затѣмъ вдоль праваго берега Плейсе. Если сравнимъ это положеніе съ положеніемъ, которое было занято утромъ, то увидимъ, что въ общемъ и цѣломъ ни одна изъ борющихся сторонъ ничего не пріобрѣла и не потеряла.

Одновременно съ началомъ битвы при Вахау, часть союзной арміи, подъ начальствомъ Гіулая, на лѣвомъ берегу Эльстера стремилась къ тому, чтобы закрыть французской арміи единственный выходъ на западъ—дорогу на Линденау. Такъ какъ взять Лейпцигъ съ этой стороны было невозможно, то Гіулай видѣлъ свою задачу единственно въ томъ, чтобы взять Линденау, и постоянной угрозой нападенія на Лейпцигъ отвлечь къ себѣ возможно больше непріятельскихъ силъ.

Гіулай образовалъ изъ своего войска три наступательныхъ колонны, изъ которыхъ одна должна была,

описавъ дугу, итти на Леучъ, чтобы напасть на Линденау съ сѣвера, въ то время какъ двѣ остальныя черезъ Шёнау и Клейнъ-Чохеръ должны были пойти на Линденау съ юго-запада и съ юга. Всѣ три колонны въ 7 часовъ прибыли на предназначенныя имъ мѣста, однако, Гіулай медлилъ съ наступленіемъ, пока въ 8 часовъ пушечная канонада не возвѣстила ему, что сраженіе подъ Вахау началось.

Слабыя силы Моргарона были размѣщены по линіи Линденау—Плагвицъ. Превосходящей числомъ австрійской кавалеріи легко удалось оттѣснить французовъ за артиллерійскую линію; д. Клейнъ-Чохеръ также скоро была взята. Наоборотъ, всѣ нападенія на Плагвицъ не имѣли успѣха, благодаря энергичному огню противника. Счастливѣе оказалась колонна, наступающая съ Леуча. Она пробилась, несмотря на всѣ затрудненія, представляемыя мѣстностью и несмотря на артиллерійскій огонь, дѣйствующій съ другого берега рѣки Люппе до Линденау, и проникла даже, хотя не надолго, въ самую деревню.

Но генералъ Бертранъ, прибывшій въ 11 часовъ съ 2 дивизіями и 26 орудіями, положилъ конецъ всѣмъ этимъ успѣхамъ. Орудійный огонь справа отъ Люппе и со стороны большой дороги былъ до такой степени губителенъ, что австрійцы не были въ состояніи утвердиться въ Линденау и должны были отступить на Леучъ.

Въ 5 часовъ французы сдѣлали попытку перейти въ наступленіе, но эта попытка кончилась неудачей. Тѣмъ и кончилась битва. Гіулай расположился съ главными своими силами около Маркклонштедта, а форпосты—около Клейнъ-Чохера, Шёнау и Леуча.

Обратимся теперь къ тому, что дѣлалось на сѣверѣ отъ Лейпцига.

Маршалъ Мармонъ 14-го получилъ отъ Наполеона приказаніе выбрать позицію между Галле и Лейпцигомъ

и такъ укрѣпить ее, чтобы можно было въ продолженіе 24 часовъ держаться противъ возможнаго нападенія силезской арміи. Онъ выбралъ позицію на линіи: Брейтенфельдъ—Линденталь—Варенъ. Позиція была превосходная, только размѣры ея по отношенію къ общей численности имѣющихся въ распоряженіи войскъ были слишкомъ велики. На просьбу Мармона о подкрѣпленіи императоръ обѣщалъ ему поддержку корпуса Сухама.

На основаніи полученныхъ непріятелемъ свѣдѣній, Мармонъ 16-го ожидалъ нападенія хотя бы со стороны части силезской арміи. Мы знаемъ причины, почему Наполеонъ не придавалъ никакой цѣны относящимся сюда свѣдѣніямъ. Поэтому, Мармонъ утромъ 16-го получилъ приказаніе держаться между Лейпцигомъ и Либертвольквицемъ, чтобы находиться въ распоряженіи императора. Но едва только онъ двинулся, какъ пришло извѣстіе о приближеніи силезской арміи. Между тѣмъ къ нему подоспѣлъ Ней, въ распоряженіе котораго высочайшимъ приказомъ были предоставлены всѣ боевыя силы, расположенныя къ сѣверу отъ Лейпцига. Что дѣлать? Передвинуть корпусъ въ тотъ пунктъ, куда было приказано императоромъ казалось также неосуществимымъ, какъ и возвратиться назадъ къ оставленнымъ позиціямъ.

Наконецъ, оба маршала порѣшили на томъ, что корпусъ Мармона сейчасъ же двинется въ путь, а корпусъ Сухама, поддерживая его, долженъ будетъ слѣдовать за нимъ справа, въ ожиданіи нападенія Блюхера. Соотвѣтственно этому плану колонны Мармона, находившіяся въ движеніи, остановились. Ней извѣстилъ императора о принятомъ рѣшеніи, однако, послѣдній не согласился съ нимъ, а приказалъ корпусу Сухама впредь оставаться въ качествѣ его резерва. Ней ограничился тѣмъ, что послалъ къ деревнѣ Видеричъ ка-

валерійскую дивизію Фурнье и Дефранса и слабую дивизію Домбровскаго. Позиція, вновь выбранная Мармономъ, съ праваго фланга оканчивалась около ручья Ричке, близъ Эвтрича, съ лѣваго—около Эльстера, близъ Мёкерна.

Позиція была, по сравненію съ выбранной въ первый разъ, не такъ хороша, но по размѣрамъ своимъ какъ разъ соотвѣтствовала боевымъ силамъ французовъ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ была деревня Мёкернъ, взятіе которой должно было рѣшить судьбу сраженія въ этотъ день. Въ общемъ Мармонъ располагалъ не болѣе чѣмъ 19.500 войска.

Со стороны союзниковъ уже на разсвѣтѣ въ 6 часовъ утра выступила по направленію къ Лейпцигу резервная кавалерія трехъ корпусовъ. Около Штамельна, Варена, Радефельда, Фрейроды и Линденталя она натолкнулась на непріятельскую пѣхоту. По полученнымъ извѣстіямъ большая часть силъ противника находилась подъ Дюбеномъ и на дюбенъ-лейпцигской дорогѣ. Блюхеръ заключилъ отсюда, что непріятель намѣренъ дать ему сраженіе на равнинѣ между Линденталемъ и Радефельдомъ или около Хоенъ-Оссига и Поделовица. Ему оставались только двѣ возможности,—или напасть на позиціи, занятыя противникомъ, или направиться къ Лейпцигу, не обращая вниманія на непріятеля. Послѣднее, конечно, было возможно только въ томъ случаѣ, если шведскій кронпринцъ съ своей стороны пробьется на делицъ-лейпцигскую дорогу и прикроетъ его лѣвый флангъ. Но когда, вскорѣ послѣ 8 часовъ, пришло извѣстіе, что сѣверная армія за этотъ день дошла только до Ландсберга, то эта надежда исчезла. Такимъ образомъ Блюхеръ, услыхавшій доносившуюся по направленію отъ Линденау и Вахау канонаду, рѣшилъ начать наступленіе, чтобы удержать вдали отъ главнаго поля

сраженія—къ югу отъ Лейпцига хоть часть французскихъ боевыхъ силъ. Онъ отдалъ приказъ Ланжерону двинуться на Фрейроду и Радефельдъ, Іорку на Линденталь; Сакенъ и Сенъ-При должны были слѣдовать за ними въ качествѣ резервовъ. Англійскій генералъ Стюартъ былъ посланъ къ кронпринцу, чтобы побудить его къ скорѣйшему наступленію.

Въ самомъ началѣ 11-го войска начали движеніе. Арріергардъ Мармона, стоящій еще у Радефельда, тотчасъ же началъ отступать, но, противъ ожиданія, не въ направленіи на Хоенъ-Оссигъ, а на Линдентальскую сосновую рощицу. Блюхеръ отдалъ приказъ слѣдовать за непріятелемъ въ этомъ направленіи. Достигши Люччены, Іоркъ двинулъ свои войска на Линденталь. Въ это время русскіе медленно двигались на Большой и Малый Видеричъ, тогда какъ на крайнемъ правомъ флангѣ вдоль Эльстера черезъ Штамельнъ и Варенъ наступалъ авангардъ Іорка подъ начальствомъ майора фонъ-Геллера.

Уже къ двумъ часамъ стало вполнѣ яснымъ расположеніе непріятеля. Іоркъ сейчасъ же понялъ все значеніе деревни Мёкернъ, но пока еще не были взяты Ланжерономъ Большой и Малый Видеричъ, нельзя было и думать о наступленіи развернутымъ фронтомъ. Скорѣе было необходимо удержать находящуюся на лѣвомъ крылѣ бригаду Гюнербейна, пока корпусъ Ланжерона не достигнетъ одной съ ней высоты, но такъ какъ непріятельскія позиціи были слишкомъ близки для того, чтобы можно еще было бездѣйствовать, то Іоркъ рѣшилъ напасть на деревню Мёкернъ и взять ее. Такимъ образомъ наступленіе началось съ праваго крыла, тогда какъ, несомнѣнно, было бы гораздо цѣлесообразнѣе начать его съ лѣваго и благодаря этому обойти самый сильный пунктъ непріятельской позиціи—деревню Мёкернъ.

Въ то время какъ начался артиллерійскій бой, передовыя пѣхотныя войска проникли въ Мёкернъ, но очень скоро были опять отброшены съ большимъ урономъ. Вторая попытка кончилась также неудачно, но и послѣ третьяго натиска, предпринятаго съ свѣжими войсками, надвигавшимися съ различныхъ сторонъ и деревень, удалось проникнуть, несмотря на всю храбрость, проявленную войсками, только до середины деревни; новыя колонны французовъ оттѣсняли сильно смѣшавшихся союзниковъ все дальше. Непріятель слѣдовалъ по пятамъ и его стрѣлки уже пытались отнять орудія, придвинутыя къ Мёкерну, когда, наконецъ, прибыли 4 батальона авангарда Гроса, при помощи которыхъ удалось очистить деревню отъ непріятеля, ожесточенно и шагъ за шагомъ защищавшаго ее.

Противника преслѣдовали до самой границы деревни, но непріятельская картечь положила предѣлъ дальнѣйшему наступленію. Передъ ея убійственнымъ огнемъ геройскіе батальоны Геллера должны были медленно отступить отъ Мёкерна...

Маршалъ Мармонъ, считавшій сперва наиболѣе опаснымъ положеніе своего лѣваго крыла, такъ какъ онъ полагалъ, что правый флангъ достаточно защищенъ болотистымъ ручьемъ Ричке и расположенными вокругъ Большого и Малаго Видерича дивизіями Домбровскаго и Фурнье, теперь все болѣе стягивалъ пѣхоту на лѣвый флангъ и приказалъ всему корпусу по-бригадно повернуться влѣво на $^1/_8$, чтобы имѣть возможность лучше отстаивать Мёкернъ, которому угрожалъ непріятель. Такимъ образомъ выходило, что наступленіе Іорка на Мёкернъ каждый разъ вновь наталкивалось на свѣжія силы непріятеля. Приблизительно въ одно время съ началомъ наступленія на Мёкернъ, корпусъ Ланжерона открылъ наступленіе на линію Видеричъ—Биркгольцъ.

Послѣ упорной битвы русскимъ удалось отбросить назадъ къ Эвтричу разстроенную дивизію Домбровскаго и захватить нѣсколько орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ, но затѣмъ случилось нѣчто поразительное: поляки вновь овладѣли фронтомъ, погнали русскихъ назадъ и вытѣснили изъ обѣихъ деревень Видеричъ. Въ ожесточенной битвѣ русскіе, пустивъ въ ходъ штыки, вторично завладѣли этой мѣстностью. Въ это время въ отдаленіи между Роделовицемъ и Гебшельвицемъ показалась новая непріятельская колонна, глубина которой заставила предполагать о ея значительныхъ размѣрахъ. Это былъ обозъ корпуса Сухама, который направлялся къ Шенфельду подъ прикрытіемъ дивизіи, состоявшей всего изъ 4700 человѣкъ при 14 орудіяхъ, и ошибочно былъ принятъ Ланжерономъ за вновь появившагося противника. Вслѣдствіе этой ошибки наступленіе было прервано и корпусъ Олсуфьева развернулъ свои силы передъ этимъ мнимымъ новымъ непріятелемъ. Дельма, ничего не знавшій о разыгрывающихся здѣсь событіяхъ, сначала оставался въ нерѣшительности, а затѣмъ ограничился тѣмъ, что выдвигалъ впередъ небольшіе отряды развѣдчиковъ, которые очень скоро были разсѣяны превосходившими силами русскихъ. Ему удалось, потерявъ 6 орудій и нѣсколько повозокъ, отступить черезъ Зеегаузенъ къ Плесену. Наступившая темнота и обоюдная усталость положили конецъ сраженію съ Домбровскимъ; передъ превосходными русскими силами французы отступили на Эвтричъ, между тѣмъ для Іорка стало ясно, что дальнѣйшее ожиданіе взятія Видерича поведетъ только къ безполезному кровопролитію въ его авангардѣ, сражающемся у Мёкерна. Поэтому онъ подкрѣпилъ свою артиллерію 88 орудіями, а бригаду Мекленбурга подвинулъ къ востоку отъ Мекерна для поддержки Гиллера. Въ то же время аван-

гардъ со взятыми на перевѣсъ штыками и барабаннымъ боемъ опять двинулся на Мекернъ. Вновь загорѣлась страшная борьба.

Бригадѣ Мекленбурга удалось отбросить непріятельскую пѣхоту и пробиться до артиллерійскихъ позицій Мармона; Мёкернъ вновь былъ взятъ, а защитники его оттѣснены назадъ къ самому выходу, но подоспѣвшія къ французамъ свѣжія силы опять свели на нѣтъ всѣ достигнутые результаты и дивизія Компана энергичнымъ натискомъ на флангъ непріятеля вновь оттѣснила съ вершины порѣдѣвшіе ряды 2-ой прусской бригады, начальникъ которой принцъ Карлъ Мекленбургскій, тяжело раненый, упалъ съ лошади. Съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ свирѣпствовала въ Мёкернѣ битва. Никому не было пощады, всѣ убивались безъ всякаго милосердія. И, однако, только очень медленно удавалось проникать впередъ...

Но и бригады Горна и Гюнербейна подвигались медленно. Хотя онѣ еще и не участвовали въ рукопашномъ бою съ непріятелемъ, но сильно потерпѣли отъ непріятельской артиллеріи.

Такимъ образомъ, изъ всего корпуса Іорка только бригада Штейнмеца оставалась еще нетронутой; въ 5 часовъ пополудни и она выступила на боевую линію. Рѣшительный для этого дня часъ приближался. Если бы это нападеніе не увѣнчалось успѣхомъ, то Іоркъ не смогъ бы больше выставить резервовъ.

Штейнмецъ сформировалъ два отряда и двинулся штурмомъ, частью мимо деревни, частью же на самую деревню.

Первый отрядъ, благодаря непріятельскому огню, дрогнулъ и обратился въ бѣгство; другой же, протискиваясь сквозь ряды и вновь увлекая за собой бѣгущихъ, попытался двинуться впередъ, но безрезультатно, хотя

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Союзные Монархи въ Теплицѣ 2 сентября н. с. 1813 г.

въ Мёкернѣ и удалось укрѣпиться; зато внѣ деревни остатки прусскихъ бригадъ подъ дѣйствіемъ непріятельскаго артиллерійскаго огня повсюду были вынуждены вновь отступить.

Единственное средство, которое оставалось у Іорка — это пустить въ ходъ всю кавалерію. Іоркъ отдалъ приказаніе начать общую атаку. Полки по отдѣльности, какъ они были разбросаны за линіей пѣхоты, бросились на врага. Описать отдѣльные моменты этой атаки невозможно. Дѣйствіе ея оказалось, во всякомъ случаѣ, рѣшающимъ. Батальоны Мармона были оттиснуты другъ отъ друга; тѣ, кто были на пути наступленія, бросились назадъ, гдѣ въ концѣ концовъ образовалась такая давка, что кавалерія совсѣмъ не въ состояніи была пробиться впередъ, въ то время какъ французы стрѣляли поодиночкѣ, пруссаки поодиночкѣ били и прикалывали. Судьба этого дня рѣшилась послѣ того, какъ французская кавалерія, поспѣшно приближавшаяся къ этому мѣсту, обратилась въ бѣгство. Побѣдителямъ досталось 35 орудій, 2 знамени, 5 фуръ и 400 плѣнныхъ. Побѣдоносная конница заняла Вальштадтъ; за нею по пятамъ слѣдовала пѣхота, теперь уже окончательно завладѣвшая Мёкерномъ и оттѣснявшая противника назадъ къ Голису. Противъ все еще держащагося непріятельскаго центра и его праваго крыла направились бригады Горна и Гюнербейна; раздалось громкое «ура», и здѣсь непріятельская линія была прорвана, а непріятель вынужденъ отступить къ Эвтричу. И на правомъ флангѣ кровавый пиръ этого дня окончился натискомъ прусской кавалеріи.

Такъ какъ уставшій противникъ, благодаря темнотѣ, не продолжалъ преслѣдованія, то Мармону удалось отступить съ этой позиціи въ полномъ порядкѣ. Вечеромъ остатки его арміи собрались на лѣвомъ берегу ручья

Ричке между Голисомъ и Эвтричемъ; противъ него на полѣ сраженія, насыщенномъ кровью, расположился бивакомъ корпусъ Іорка. Послѣ того какъ миновала опасность неожиданнаго появленія непріятеля, Блюхеръ двинулъ Сакена и Сенъ-При для подкрѣпленія Іорка и Ланжерона, однако и тотъ и другой прибыли слишкомъ поздно, чтобы принять участіе въ сраженіи. Такимъ образомъ, слава побѣды этого дня принадлежитъ исключительно корпусу Іорка. Съ чувствомъ гордости можно было смотрѣть на достигнутые результаты. Противникъ, равный по численности, храбрости, и предводительствуемый отличными полководцами, былъ разбитъ, несмотря на превосходство своихъ позицій; 2000 человѣкъ было взято въ плѣнъ. Были отняты: 1 знамя съ орломъ, 2 простыхъ знамени, 40 орудій и цѣлая вереница фуръ.

Но побѣда была куплена дорогой цѣной: отъ 20.800 войска, съ которымъ Іоркъ выступилъ утромъ, осталось всего 15.200 человѣкъ; пѣхоты, численность которой утромъ была равна 16.120 чел., вечеромъ насчитывали не болѣе 11.000. Среди убитыхъ и раненыхъ было 112 офицеровъ; 8 штабъ-офицеровъ было убито; ранено: 2 бригадныхъ начальника, 5 бригадныхъ командировъ, 3 полковыхъ командира, 14 прочихъ штабъ-офицеровъ. Скорбное богослуженіе на полѣ битвы было совершено 17-го утромъ. Войска пришли сюда почти безъ офицеровъ, съ разорванными, истрепанными знаменами. Послѣ богослуженія изъ корпуса были сформированы 2 дивизіи, начальствованіе которыми принялъ на себя генералъ фонъ-Горнъ и фонъ-Гюнербейнъ.

Корпусъ Ланжерона потерялъ 1500 человѣкъ. Его трофеи состояли изъ 1 знамени, 13 орудій, изъ большого числа повозокъ и нѣсколькихъ сотенъ взятыхъ въ плѣнъ.

Относительно потерь французовъ мы не располагали точными данными. Самъ Мармонъ исчисляетъ ихъ въ

6—7 тысячъ человѣкъ; вѣроятно, потери были болѣе значительны; 184 офицера погибли; самъ маршалъ и дивизіонный генералъ Компанъ и Фридерикъ были ранены.

Бросивъ общій взглядъ на событія, разыгравшіяся 16-го октября, мы увидимъ, что если бы была въ точности выполнена первая диспозиція Шварценберга, то безъ сомнѣнія боевыя силы союзниковъ, находящіяся на правомъ берегу Плейсе, потерпѣли бы рѣшительное пораженіе. Только отдѣленіе русско-прусской гвардіи отъ австрійскихъ резервовъ и своевременное прибытіе послѣднихъ на правый берегъ Плейсе отклонило эту опасность. Несомнѣнно, что подобный оборотъ дѣла надо приписать могущественному вмѣшательству Государя. Мысль попытаться съ большими силами пройти около Конневица и, благодаря этому, достигнуть непріятельскаго тыла, сама по себѣ была правильна и могла имѣть большія послѣдствія, если бы условія мѣстности позволяли развернуть здѣсь болѣе значительныя силы. Но условія были таковы, что заранѣе становилась очевидной невозможность привесть эту мысль въ исполненіе. Обстоятельствомъ, извиняющимъ Шварценберга, можно признать только то, что мѣстность между Эльстеромъ и Плейсе не была ему знакома по личнымъ наблюденіямъ и что въ его рукахъ были только плохія карты того времени, а у генерала Лангенау,—прежняго шефа саксонскаго генеральнаго штаба—онъ предполагалъ такое знаніе мѣстности, котораго въ дѣйствительности не было.

Дѣйствія Виттгенштейна тоже не могутъ быть оправданы, ибо они совсѣмъ не имѣли цѣлью поддержать мѣропріятія главнокомандующаго. Если бы Виттгенштейнъ прежде всего съ большими силами энергично напалъ на Маркклееберг и Вахау, то можно было бы,

отбросивъ Виктора и Понятовскаго, сдѣлать сзади свободнымъ узкій проходъ отъ Конневица, а этимъ былъ-бы достигнутъ еще одинъ результатъ. Наполеонъ былъ бы принужденъ отступить къ Лейпцигу. Подобнымъ же образомъ, если бы Виттгенштейнъ еще до прибытія Макдональда, избралъ цѣлью нападенія слабое, плохо прикрытое лѣвое крыло французовъ и ударилъ бы на Кольмбергъ, обойдя лѣвый флангъ непріятеля, то позицію Вахау-Либертвольквицъ нельзя было бы удержать. Но ничего этого не случилось: разрозненныя, отдѣленныя другъ отъ друга большими пространствами, бросились двѣ лѣвыя колонны одна за другой на укрѣпленную позицію непріятеля, который, желая сохранить силы для отраженія неизбѣжнаго нападенія третьей и четвертой колоннъ на флангъ, медленно выжидалъ, пока лучшія силы лѣваго крыла и центра исчерпаются въ безнадежной борьбѣ и пока приближеніе корпуса Макдональда не приведетъ его въ бездѣйствіе. Такимъ образомъ только геройская стойкость войскъ, твердость начальниковъ и рядъ счастливыхъ случайностей спасли армію отъ пораженія. Критика дѣйствій Наполеона наталкивается на непреодолимыя затрудненія, такъ какъ намъ неизвѣстны ни сообщенія, полученныя императоромъ за этотъ день, ни его словесные приказы. Въ нашемъ распоряженіи также нѣтъ ни оффиціальныхъ донесеній начальниковъ войскъ, ни другихъ достовѣрныхъ опубликованныхъ свѣдѣній о лицахъ, руководившихъ сраженіемъ. Повидимому, императоръ былъ застигнутъ врасплохъ нападеніемъ союзниковъ. Онъ самъ имѣлъ намѣреніе открыть наступленіе, для чего хотѣлъ обойти правый флангъ противника.

Натискъ колоннъ Клейста и принца Вюртембергскаго, произведенный съ удивительной храбростью, прибытіе корпуса Макдональда совершенно разстроили

планъ Наполеона и очень скоро заставили его стянуть съ тылу къ центру и правому крылу изъ войскъ, предназначенныхъ для обхода, корпусъ Ожеро, а изъ войскъ, удержанныхъ для нанесенія рѣшительнаго удара—молодую гвардію. При такихъ условіяхъ обходъ могъ привести къ какимъ-либо результатамъ только въ случаѣ, если бы Мармонъ и Ней прибыли бы настолько своевременно, чтобы быть въ состояніи поддержать наступленіе Макдональда.

Послѣ того какъ первоначальные планы были измѣнены, императоръ выставилъ противъ трехъ лѣвыхъ колоннъ союзниковъ силы, настолько превосходящія непріятеля, что, если бы ему удалось начать наступленіе, то онъ безусловно долженъ былъ бы добиться побѣды. Если бы въ 11 часовъ, когда передовые корпуса союзниковъ были вынуждены ограничиться оборонительной тактикой, Наполеонъ выставилъ свою резервную артиллерію и сосредоточилъ кавалерійскія силы подъ Вахау, а Виктора, Лористона и молодую гвардію двинулъ на Ауэнгайнъ и Гюльденгосса, какъ онъ это сдѣлалъ тремя часами позже, то о серьезномъ сопротивленіи союзниковъ едва ли можно было думать. Три слабыя колонны ихъ, безъ сомнѣнія, были бы отброшены за Гезельбахъ, а приближающіеся резервы потерпѣли бы вмѣстѣ съ первыми пораженіе.

Кленау, энергичному наступленію котораго мѣшало угрожающее приближеніе Макдональда, очутился въ опасности быть совершенно отрѣзаннымъ отъ остальныхъ колоннъ. Безусловно со стороны императора было ошибкой сейчасъ-же не начать наступленія и ожидать прибытія Макдональда, Мармона и Сухама на лѣвое крыло. Это, въ связи съ неприбытіемъ вышеупомянутыхъ корпусовъ, надо признать главной причиной неудачи даннаго дня.

Около полудня Императоръ, повидимому, отказался отъ своего плана—обойти правое крыло непріятельской арміи и напасть на него.

Разрозненное наступленіе четырехъ слабыхъ колоннъ Виттгенштейна могло внушить ему мысль попытаться одержать побѣду, прорвавъ центръ непріятельской арміи. Если бы это удалось, тогда можно было бы уничтожить главную массу союзной арміи, окончательно отрѣзать ея правое крыло. Но замѣчательно, что Наполеонъ, который всегда мастерски умѣлъ найти удачный моментъ и воспользоваться имъ, непонятно долго медлилъ открывать движеніе. Горячая битва около Плейсе и отступленіе Мармона, казалось, удерживало его отъ сосредоточенія всѣхъ силъ на фронтѣ. Когда, наконецъ, въ 2 часа началось наступленіе, то обстоятельства ужъ сильно измѣнились не въ его пользу. Ядро союзной арміи отчасти уже находилось на полѣ сраженія, отчасти приближалось къ нему. Натискъ кавалеріи на правое крыло и центръ непріятеля, который часъ тому назадъ, несомнѣнно, увѣнчался бы успѣхомъ, былъ теперь встрѣченъ настолько превосходящими силами, что потерпѣлъ бы вѣрную неудачу и повредилъ бы нападенію пѣхоты, оказавъ на послѣднюю вредное моральное дѣйствіе.

Такимъ образомъ вечеромъ Наполеонъ удержалъ за собой поле битвы, но это была только половина достигнутой побѣды и такъ какъ въ подобной побѣдѣ онъ при данномъ положеніи не нуждался, то она была для него равносильна полному пораженію. Такимъ образомъ судьба наложила свою руку; съ точки зрѣнія военнаго искусства Наполеону оставалось только одно—немедленно отступить. Изъ характера мѣропріятій, предпринятыхъ Гіулаемъ подъ Линденау, и по исходу битвы ясно выступали послѣдствія неопредѣленно по-

ставленной задачи. Если бы ясно сознавали, что дѣлать, то можно было бы 16-го утромъ, имѣя передъ собой слабыя силы Маргорона, взять Линденаускій мостъ. Вмѣсто этого Гіулай дожидался канонады изъ-подъ Вахау и ужъ не былъ въ состояніи справиться съ подоспѣвшимъ вскорѣ корпусомъ Бертрана. Такимъ образомъ сраженіе оказалось безрезультатнымъ; единственная польза отъ этого сраженія заключалась въ удержаніи 19000 французовъ вдали отъ главнаго, рѣшающаго пункта сраженія. Союзники только при Мёкернѣ добились безспорно полнаго успѣха.

Успѣхъ былъ бы еще значительнѣе, если бы командиры силезской арміи, обычно дѣйствующіе такъ рѣшительно, не проявили въ этотъ день какой-то необыкновенной осторожности. Предположеніе, что лѣвому флангу арміи угрожаетъ опасность со стороны Дюбена и что эта опасность можетъ быть предупрежднеа задержаніемъ Сакена и Сенъ-При, вначалѣ, вѣроятно, имѣло за собой основаніе, но послѣ того какъ выяснилось, что непріятельскія позиціи расположились по линіи Эвтричъ—Мёкернъ, а канонада со стороны Вахау и Линденау обнаружила мѣсто сосредоточенія главныхъ силъ императора, Блюхеръ долженъ былъ двинуть въ битву Сакена и Сенъ-При, чтобы поддержать корпусъ Іорка и Ланжерона, которымъ угрожала опасность. Тогда развернувъ правое крыло Мармона, можно было бы избѣжать жестокой схватки при Мёкернѣ. Сильной кавалеріи было бы совершенно достаточно, чтобы не дать Дельма развернуть силы. Такимъ образомъ генералъ фонъ-Гюнербейнъ съ полнымъ правомъ могъ сказать въ своемъ донесеніи объ этой битвѣ.

«То, что происходило во время этой битвы, безконечно превосходитъ все, что поэзія говоритъ намъ о спартанцахъ и что кисть художника могла сказать намъ

о храбрости римлянъ»,—но плоды этихъ героическихъ усилій безъ сомнѣнія могли бы быть обрѣтены и съ меньшими жертвами...

Корпусъ Мармона бился, какъ и всегда, превосходно; поэтому и для французовъ битва подъ Мёкерномъ остается днемъ славы. Конечно, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы маршалъ двинулся рано утромъ 16-го, какъ и было приказано императоромъ, ибо тогда его 17 тысячъ отборнаго войска въ самый критическій моментъ около Вахау могли бы повлечь за собою для Наполеона болѣе благопріятный исходъ сраженія. А между тѣмъ корпусъ Сухама, отчасти корпусъ Бертрана и дивизія Домбровскаго, которые могли бы отыскать легко защитимую позицію на линіи Эвтричъ-Голисъ, были бы въ состояніи справиться съ силезской арміей. Несомнѣнно занятіе этой позиціи совсѣмъ отвлекло бы къ себѣ на 16-е число силы Блюхера, особенно, если бы нападеніе произвести не позднѣе полудня. Не понявъ всей важности быстраго передвиженія войскъ и значенія возможно болѣе ранняго прибытія къ Вахау, онъ этимъ самъ вызвалъ свое пораженіе и до 12 часовъ сдѣлалъ невозможнымъ рѣшительное наступленіе императора. Такимъ образомъ причиной неудачнаго для Наполеона исхода битвы является отчасти его собственное поведеніе, отчасти дѣйствія его маршаловъ. Онъ не опредѣлилъ рѣшительнаго момента битвы, а можетъ быть какія-то неизвѣстныя причины мѣшали ему использовать этотъ моментъ. Благодаря неправильнымъ дѣйствіямъ Мармона и Нея онъ лишился поддержки такихъ силъ, которыя, будучи расположены въ нужныхъ мѣстахъ, доставили бы ему побѣду; позднее прибытіе Макдональда довершило остальное. То, что императоръ не смогъ всѣ силы великой арміи соединить на боевомъ фронтѣ обширнаго поля сраженія, является заслугой Блю-

хера. Поэтому-то единственно ему одному мы должны приписать спасеніе главной арміи.

Ночная тѣнь опустилась надъ огромнымъ полемъ битвы вокругъ Лейпцига, но вынужденный перерывъ ожесточеннаго сраженія принесъ съ собою мало успокоенія. Во всемъ ощущался полный недостатокъ; отъ отсутствія медицинской помощи, отъ голода, холода и сырости погибли тысячи храбрецовъ, которые при иныхъ условіяхъ могли бы быть спасены...

Съ наступленіемъ темноты Наполеонъ направился къ Мейздорфу, гдѣ въ центрѣ лагеря старой гвардіи были разбиты его палатки. Здѣсь онъ принялъ плѣнныхъ графа Мервельда; здѣсь онъ ознакомился съ извѣстіями, поступавшими въ теченіе ночи съ различныхъ сторонъ поля сраженія. Мрачная картина развернулась передъ нимъ. Войска къ сѣверу отъ Лейпцига, состоящія подъ начальствованіемъ Мармона и Домбровскаго, страшно пострадали; корпусъ Понятовскаго потерялъ треть, а корпусъ Ожеро половину своихъ людей.

Ряды Виктора и Лористона сильно порѣдѣли; Бертранъ и Макдональдъ настойчиво просили подкрѣпленія, вездѣ не хватало снарядовъ; войска были до крайности истощены. Наоборотъ повсюду, будто грибы изъ земли, появлялись новыя силы противника. Положеніе императора было ясно или по крайней мѣрѣ должно было сдѣлаться для него яснымъ 17-го утромъ. Подъ Вахау онъ отразилъ нападеніе противника, въ нѣкоторыхъ пунктахъ достигъ небольшихъ благопріятныхъ результатовъ, но подъ Мёкерномъ онъ былъ рѣшительно разбитъ.

Не могъ Наполеонъ надѣяться, что обезкураженные союзники прекратятъ битву, также какъ подъ Дрезденомъ. Такимъ образомъ битва должна была начаться снова, но и въ случаѣ продолженія было, очевидно, мало надежды на улучшеніе положенія. Если Наполеонъ

едва ли могъ знать утромъ 17-го о приближенiи Беннигсена, Колоредо и шведскаго кронпринца, то одного появленiя силезской армiи было достаточно, чтобы соотношенiе численности обѣихъ армiй стало таково, что нельзя уже было больше разсчитывать на значительные, имѣющiе рѣшающее значенiе военные успѣхи, а послѣднее было безусловно необходимо въ его положенiи, тѣмъ болѣе, что изъ свѣжихъ силъ онъ могъ разсчитывать только на корпусъ Ренье и такимъ образомъ въ его распоряженiи оставались войска, уже бывшiя 16-го въ дѣйствiи, истощенныя и нравственно и физически.

Итакъ сражаться было безполезно и безнадежно, единственнымъ выходомъ являлось немедленное отступленiе. Если бы французы сейчасъ же начали отступленiе, а армiя въ теченiе этого дня была собрана вокругъ Лейпцига, то кавалерiя и пѣхота могли бы еще до разсвѣта 18-го достигнуть другого берега Эльстера; три четверти войска слѣдовали бы за нимъ, прежде чѣмъ союзники достигнули бы Лейпцига. Аррiергардъ, достаточный для того, чтобы занять старый лейпцигскiй валъ, могъ бы удерживать натискъ врага до того времени, пока и остальныя войска не покинутъ также правый берегъ рѣки; наконецъ, взорвавъ мостъ подъ Линденау, можно было сдѣлать неосуществимымъ всякое быстрое преслѣдованiе и около рѣки Заале война могла бы возобновиться. Но кто поставитъ Наполеону въ вину то обстоятельство, что онъ не могъ немедленно же рѣшиться прибѣгнуть къ этому единственно вѣрному средству. Безъ сомнѣнiя, его армiя не чувствовала пораженiя.

Необходимо было не изъ стратегическихъ только, но изъ политическихъ соображенiй поддержать это убѣжденiе передъ армiей и всѣмъ мiромъ. Отступить въ данный моментъ—это значило обнаружить тяжелое по-

ложеніе арміи, побѣду обратить въ пораженіе. Конечно, это оскорбляло гордость Наполеона, но кромѣ того были и другія причины, чтобы признать отступленіе за Заале опаснымъ. Отступивъ, онъ облегчилъ бы соединеніе трехъ непріятельскихъ армій; тогда уже нельзя было бы удержать и Заале, а отступить за правый берегъ Рейна, — это было бы вопросомъ цѣлой недѣли. Что бы стали тогда дѣлать 14 отысячъ французовъ, покинувшихъ нѣмецкія крѣпости? Можетъ быть они, соединившись, могли бы проложить себѣ дорогу во Францію? Едва ли. Пожертвовать ими, это значило сейчасъ же отказаться отъ единственнаго средства, которое внушало надежду на то, что защита рейнской линіи будетъ удачна. Наполеону не съ кѣмъ было совѣтоваться!..

Но можетъ быть, вступивъ въ переговоры, можно было добиться больше, чѣмъ дѣйствуя оружіемъ. Быть можетъ громадныя потери 16-го числа сильно повліяли на полководцевъ союзнаго войска; быть можетъ волшебныя чары его имени, его военнаго генія, страхъ, порожденный многочисленными побѣдами, былъ настолько еще великъ, чтобы побудить монарховъ дать ему возможность провести свою армію за рѣку Заале и такимъ образомъ дать ей новый аттракціонный базисъ?

Въ надеждѣ на это Наполеонъ поручилъ взятому въ плѣнъ графу Мервельду склонить монарховъ къ заключенію перемирія. Онъ отказывался отъ Ганновера, ганзейскихъ городовъ, Польши, Испаніи и Илляріи; на этой почвѣ и должны были вестись мирные переговоры. Дѣйствительно ли Наполенъ надѣялся этими уступками купить себѣ безпрепятственное отступленіе?

Вѣдь все время шли подготовленія къ возможному возобновленію войны. Вся армія рано утромъ 17-го сигналомъ генеральнаго марша была призвана къ оружію и заняла свою старую позицію. Подъ проливнымъ

дождемъ она ждала нападенія непріятеля, который въ свою очередь тоже медлилъ, находясь въ ожиданіи: полученныя послѣ полудня точныя извѣстія о вчерашнихъ потеряхъ и повсемѣстномъ недостаткѣ снарядовъ, о приближеніи съ тыла арміи Беннигсена и баварскаго войска побудили императора принять мѣры къ отступленію. Поэтому вечеромъ Наполеонъ приказалъ корпусу Бертрана, подкрѣпленному дивизіей Гиллемино и кавалерійской бригадой Кинета, двинуться на Вейсенфельсъ. Въ этомъ направленіи еще ночью должны были также двинуться всѣ лишніе обозы. Маршалъ Мортье получилъ вмѣсто Бертрана порученіе защищать Линденау съ двумя своими дивизіями молодой гвардіи. Почему-то ничего не было предпринято для того, чтобы увелить число понтоновъ черезъ рѣки Плейсе и Эльстеръ.

18-го числа въ ожиданіи битвы всѣ войска, расположенныя вокругъ Лейпцига, ночью были стянуты къ окрестностямъ города. Небольшіе отряды оставались на линіи Вахау—Либертвольквицъ и поддерживали сторожевые огни, чтобы по возможности дольше скрыть отъ непріятеля отступленіе французскихъ войскъ. Новая позиція тянулась отъ Конневица до Делица вдоль теченія рѣки Плейсе, отсюда шла черезъ деревню Пробстгейда, Цукельгаузенъ и Гольцгаузенъ по направленію къ Цвейнаундорфу, затѣмъ черезъ Паунсдорфъ и Шёнфельдъ поворачивала къ рѣкѣ Парте и тянулась вдоль Парте черезъ Пфаффендорфъ къ Голису.

Распредѣленіе войскъ на этой позиціи было таково: правое крыло, подъ командованіемъ Мюрата, состояло изъ корпуса Понятовскаго, Ожерó и Виктора, расположенныхъ между деревнями Конневицъ и Пробстгейда. Сзади, около деревни Штёттерицъ находилась гвардія и большая часть кавалеріи.

Центръ, подъ командованіемъ Макдональда, состоялъ

изъ, XI корпуса, расположившагося по линіи Цукельгаузенъ — Гольцгаузенъ — вершины Штейнбергъ; позади между деревнями Штёттерицъ и Пробстгейда, а отчасти также въ деревняхъ Цвейнаундорфъ и Мёльнау, корпусъ Лористона и кавалерійскій корпусъ Себастьяни.

Лѣвое крыло, подъ командованіемъ Нея: въ деревнѣ Паунсдорфъ и около нея дивизія Сакена; слѣва къ ней примыкала дивизія Дюрюта и корпусъ Мармона. Сзади во второй линіи расположились между деревнями Шёнфельдъ и Фолькмарсдорфъ корпусъ Сухама и полторы дивизіи кавалерійскаго корпуса Арриги. Въ Лейпцигѣ въ галлійскомъ предмѣстьѣ и вдоль рѣки Плейсе до Голиса расположились: дивизія Домбровскаго, лейпцигскій гарнизонъ и кавалерійская дивизія Лоржа.

Въ Линденау находились двѣ дивизіи молодой гвардіи подъ начальствованіемъ Мортье. Въ общемъ, въ распоряженіи Наполеона за приблизительнымъ вычетомъ потерь 16-го числа, оставалось еще около 160,000 войскъ при 630 орудіяхъ.

Въ лагерѣ союзниковъ вечеромъ 16-го господствовало бодрое настроеніе. Имѣя въ виду ожидаемыя еще армейскія части подъ командованіемъ Беннигсена, Колоредо и Бубна, они считали несомнѣннымъ успѣшный исходъ войны.

По приказанію Шварценберга войска оставались въ прежнемъ боевомъ порядкѣ; Колоредо долженъ былъ занять позиціи позади деревни Магдеборы, а Беннигсенъ около деревни Раунгофа. Такъ какъ послѣднія передвиженія не были еще выполнены, то Шварценбергъ отложилъ задуманное нападеніе до 2 часовъ пополудни.

Въ это время на вершинѣ позади деревни Гюльденгосса собрался военный совѣтъ. Имѣя въ виду то, что во французскомъ лагерѣ все было спокойно, а прибывшій въ 10 часовъ корпусъ Колоредо былъ сильно утом-

ленъ, что Беннигсена еще не было на мѣстѣ, а на кронпринца шведскаго въ этотъ день, вообще говорятъ, нельзя было разсчитывать — въ виду всего этого было рѣшено перенести предполагавшееся нападеніе на утро 18-го числа.

Въ силезской арміи были безусловно убѣждены въ томъ, что 17-го сраженіе будетъ продолжено, такъ какъ изъ главной арміи не было никакихъ приказаній; Блюхеръ рѣшилъ, отбросивъ назадъ тѣ части французовъ, которыя еще находились къ сѣверу отъ рѣки Парте, соединиться съ главной арміей.

И это было осуществлено. Въ 10 часовъ вся мѣстность къ сѣверу отъ рѣки Парте до самыхъ наружныхъ укрѣпленій деревни Пфаффендорфъ была очищена отъ непріятеля. Блюхеръ намѣревался пробиться еще дальше и принудить непріятеля къ трудной переправѣ черезъ Парте, но получилъ извѣстіе, что Шварценбергъ отложилъ нападеніе. Это побудило его воздержаться въ данный день отъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Со стороны французской арміи корпусъ Ренье, выйдя рано утромъ изъ-подъ Эйленбурга, прибылъ къ деревнѣ Тауха и прогналъ отсюда кавалерію Винценгероде, а затѣмъ продолжилъ путь къ укрѣпленіямъ на возвышенности Гейстереръ—Бликъ. Въ полдень онъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Пфаффендорфа; дивизія Гиллемино передвинулась къ Линденау, чтобы здѣсь соединиться съ корпусомъ Бертрана.

Сѣверная армія 16-го числа достигла мѣстности около Ландсберга. Вслѣдствіе того, что англійскій военный уполномоченный Стюартъ угрожалъ отказаться отъ уплаты обѣщанныхъ добавочныхъ денегъ, шведскій кронпринцъ продолжалъ путь до мѣстности, расположенной подъ Брейтенфельдомъ. Какъ видно изъ его приказовъ, онъ былъ все еще убѣжденъ, что можно было ожидать

нападенія французовъ со стороны Дюбена. Въ полдень онъ отправилъ Блюхеру донесеніе, въ которомъ выражалъ свою готовность принять участіе въ ближайшемъ сраженіи и желаніе сражаться на правомъ крылѣ силезской арміи. Подобное требованіе обосновывалось предположеніемъ, что Наполеонъ 18-го отступитъ по направленію къ Эльбѣ, а въ такомъ случаѣ кронпринцъ съ сѣверной арміей могъ бы выдержать на лѣвомъ крылѣ главный ударъ непріятеля и выставить здѣсь всѣхъ своихъ шведовъ. Но подобное перемѣщеніе войскъ Блюхеръ совершенно справедливо отклонилъ, также какъ и послѣдовавшее позднѣе предложеніе начать личные переговоры, отъ которыхъ онъ не ожидалъ для себя никакой пользы. И только послѣ вторичнаго предложенія онъ утромъ 18-го отправился въ Брейтенфельдъ.

Долго оба полководца не могли притти къ соглашенію. Для кронпринца не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы дѣйствовать на правомъ крылѣ, но теперь онъ требовалъ, чтобы ему позволили слѣдовать за правымъ крыломъ силезской арміи въ качествѣ эшелона, чтобы попытку Наполеона прорваться къ Эльбѣ сейчасъ же можно было парализовать, ударивъ на непріятельскій флангъ. Когда Блюхеръ сталъ упорно отстаивать требованіе по возможности скорѣе перебраться черезъ Парте, то кронпринцъ выразилъ готовность немедленно выполнить это требованіе, если Блюхеръ передастъ въ его распоряженіе 30.000 силезской арміи и тѣмъ дастъ возможность его войску, сильно ослабѣвшему отъ перехода Тацентинъ — Тюменъ, выполнить это отважное предпріятіе съ должной энергіей. Такъ какъ главная задача заключалась въ томъ, чтобы поскорѣе доставить сѣверную армію на поле сраженія и такъ какъ, по соображеніямъ Блюхера, силезская армія, если не удовлетворить требованію кронпринца, едва ли могла принести

какую-либо пользу, то Блюхеръ, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе на это предложеніе, послѣ чего въ его распоряженіи остались только слабые корпуса Іорка и Сакена.

Историческая критика въ требованіяхъ кронпринца видитъ новое доказательство его стремленія уклониться отъ выполненія союзныхъ обязательствъ и въ интересахъ Наполеона сдѣлать безполезными ввѣренныя ему боевыя силы союзниковъ.

Но этотъ взглядъ не соотвѣтствуетъ истинѣ: кронпринцъ зналъ, что 16-го Гіулаю было поручено занять узкую дорогу отъ Линденау. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о результатахъ сраженія подъ Линденау и разсчитывалъ, что можетъ быть удастся загородить единственную дорогу, дающую возможность французской арміи отступить къ западу. Онъ считалъ невозможнымъ, чтобы Наполеонъ, который несомнѣнно былъ освѣдомленъ о наступленіи Бенниксена и Колоредо, отважился 18-го дать второе сраженіе и полагая, что императоръ попытается въ этотъ день пробиться сквозь окружающее его кольцо союзниковъ, чтобы направиться по единственной оставшейся у него дорогѣ черезъ Эйленбергъ по направленію къ Торгау и Магдебургу. Этотъ взглядъ, какъ можно убѣдиться, раздѣлялся въ то время многими генералами.

Онъ считалъ сумасброднымъ выставить армію, располагающую всего 65000 войскомъ, противъ натиска арміи приблизительно въ 200.000 человѣкъ и притомъ отчаянно сражающейся за свое существованіе. Онъ былъ убѣжденъ, что его опрокинутъ, прежде чѣмъ отъ главной арміи ему пришлютъ помощь. Исходя изъ подобнаго взгляда на положеніе вещей, кронпринцъ думалъ отказаться отъ нападенія на фронтъ непріятеля, а предпочиталъ энергичное нападеніе съ фланга на французскія

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Пятидесятилѣтній юбилей Лейпцигской битвы.

колонны, которыя, какъ онъ предполагалъ, двигались по направленію на востокъ.

Онъ выразилъ готовность выполнить послѣднее и у насъ нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ сомнѣваться въ его честности. При этихъ условіяхъ и его требованіе 30.000 силезской арміи для подкрѣпленія вполнѣ можетъ оправдать тѣмъ болѣе, что въ случаѣ предполагаемой попытки французовъ прорваться по направленію къ Эльбѣ, вся силезская армія къ сѣверу отъ Парте становилась совсѣмъ лишней. Здѣсь мы опять-таки имѣемъ дѣло съ тѣмъ проявленіемъ крайней осторожности, къ которой былъ склоненъ шведскій полководецъ, съ тѣмъ недостаткомъ смѣлости и отваги, которыя красной нитью проходятъ черезъ всю дѣятельность этого человѣка какъ въ области политики, такъ и на военномъ поприщѣ. Никакой другой моментъ не могъ яснѣе обнаружить всю разницу въ характерѣ и образѣ мыслей кронпринца и Блюхера: одинъ по какимъ-то соображеніямъ хочетъ отодвинуть 65000 армію на второй планъ и такимъ образомъ можетъ быть воспрепятствовать ихъ участію въ рѣшительномъ сраженіи, другой, твердо убѣжденный въ своевременной помощи со стороны главной арміи, не медля ни минуты, намѣревается двинуться съ своими болѣе слабыми силами на слабый пунктъ окружающихъ войскъ, чтобы окончательно заключить Наполеона въ кольцо и такимъ образомъ сдѣлать невозможной для него всякую попытку прорваться; одинъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, кропотливо взвѣшиваетъ всѣ данныя на успѣхъ и готовъ, чтобы дѣйствовать навѣрняка, удовольствоваться небольшими результатами; другой стремится достигнуть наибольшаго,—уничтожить противника окончательно и готовъ для этого поставить на карту какъ себя, такъ и существованіе своей арміи. Но, сравнивая

этихъ людей, мы не должны забывать одного, что Блюхеръ, подобно Наполеону у французовъ, въ лагерѣ союзниковъ былъ единственнымъ человѣкомъ, обладавшимъ такой рѣшительностью, самоувѣренностью и такой неутомимой энергіей; подавляющая же часть генераловъ того времени думала, чувствовала и дѣйствовала совершенно такъ же, какъ и кронпринцъ.

Обратимся опять къ главной арміи. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ точнаго приказа къ нападенію, отданнаго Шварценбергомъ 18-го числа, однако намѣренія главнокомандующаго ясно обнаруживаются изъ расположенія арміи утромъ 18-го. Изъ этого расположенія арміи мы видимъ, что нападеніе на французовъ должно было быть выполнено 6-ю колоннами.

I-я колонна, подъ командованіемъ наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго, состояла изъ корпуса Колоредо и Мервельда, дивизіи Біанхи и Вейсенвольфа и кавалерійской дивизіи Ностица.

Изъ этой колонны дивизія Ледерера и часть дивизіи Лихтенштейна должны были взять на себя защиту со стороны Конневица и по возможности поддерживать наступленіе съ лѣваго берега Плейсе, всѣ же остальныя части должны были пробиться вдоль большой дороги къ Лейпцигу. 2-я колонна—корпусъ Клейста и Виттгенштейна, русская и прусская гвардія и резервы—подъ начальствомъ генерала Барклая должны были направиться противъ фронта Вахау—Либертвольквицъ и, взявъ эти деревни, пробиться по направленію на Пробстгейда.

3-я колонна подъ начальствомъ генерала фонъ-Беннигсена состояла изъ польской резервной арміи, дивизіи Бубна, корпуса Кленау, прусской бригады Цитена и отряда казаковъ подъ командой Платова. Эта колонна должна была обойти лѣвое крыло французовъ и про-

никнуть отъ Фуксгайна и Зейфертсгайна до Цукельгаузена и Гольцгаузена.

4-я колонна состояла изъ сѣверной арміи, подкрѣпленной корпусами Ланжерона и Сенъ-При. Она должна была около деревни Тауха переправиться черезъ Парте и стараться постепенно соединиться съ главной арміей. 5-я колонна,—остатокъ силезской арміи,—была предназначена для того, чтобы напасть на сѣверо-восточный фронтъ Наполеона со стороны Лейпцига.

6-я колонна съ полководцемъ графомъ Гіулаемъ во главѣ, состоящая изъ корпуса самого Гіулая, дивизіи Морица Лихтенштейна и отрядовъ Менсдорфа и Тильмана, должна была направиться отъ Клейнъ-Чохера на Линденау.

Если мы примемъ, что потери союзниковъ 16-го октября, какъ думаетъ большинство, равняются въ общемъ 35.000—40.000 человѣкъ и 100 орудіямъ, то у нихъ къ рѣшительному дню оставалось еще 295.000 войска и около 1360 орудій.

18-го, около 9 часовъ утра, послѣ безконечныхъ дождливыхъ дней послѣднихъ недѣль изъ-за тучъ блеснуло солнце. Еще до разсвѣта колонны союзниковъ стояли въ полной готовности къ выступленію. Посольство прибывшаго утромъ графа Мервфельда не могло уже больше оказать никакого вліянія на рѣшеніе главной квартиры: всѣ были согласны, что теперь не время вести переговоры, что поэтому излишне давать какой-либо отвѣтъ императору Наполеону.

Къ тому моменту, когда войска союзниковъ возобновили движеніе, Наполеонъ кончилъ свою пятичасовую дѣятельность. Задолго до разсвѣта онъ выѣхалъ изъ своей главной квартиры Штёттерицъ къ деревнѣ Пробстгейда, чтобы лично наблюдать за тѣмъ, какъ укрѣпляютъ этотъ важный стратегическій пунктъ. От-

сюда онъ направился къ Реудницу, гдѣ онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Неемъ; затѣмъ въ Линденау къ Бертрану, чтобы обсудить съ нимъ планъ его движенія по направленію къ рѣкѣ Заале. Къ 8 часамъ императоръ возвратился въ Штёттерицъ, объѣхалъ занятыя въ это время войсками позиціи и направился къ кванченской табачной мельницѣ неподалеку отъ д. Пробстгейда, гдѣ онъ и оставался почти весь день. Между тѣмъ наслѣдный принцъ Гессенъ-Гомбургскій, получивъ извѣстіе объ отступленіи противника изъ Вахау, продвинулся со своимъ авангардомъ—дивизіей Гардена—на деревню Дезенъ. Дорога черезъ вершину между деревнями Дезенъ и Вахау была еще слабо занята французами. Благодаря перевѣсу силъ наступающихъ, французы должны были отступить къ своимъ главнымъ позиціямъ. Дезенъ послѣ горячей схватки осталась въ рукахъ австрійцевъ.

Изъ главныхъ силъ наслѣднаго принца—правое крыло—дивизія Вимпфена двигалась по направленію черезъ Вахау. На вершинахъ къ сѣверу и востоку отъ этой деревни Вимпфенъ сдѣлалъ привалъ, чтобы дождаться прибытія сосѣднихъ колоннъ: здѣсь произошли только незначительныя стычки съ французскимъ арріергардомъ, отступающимъ по всей линіи. Лѣвое крыло—дивизія Біанхи—между тѣмъ достигла вершины около Марклееберга, а затѣмъ продвинулась далѣе на Делицъ и здѣсь столкнулась съ частью корпуса Ожеро. Эта дивизія, смѣло ударивъ въ штыки, отбросила противника черезъ Делицъ къ Лесснигу, но здѣсь французы встрѣтили наступающихъ съ такой стойкостью, что пробиться дальше было невозможно.

Части дивизій Біанхи и Лихтенштейна—изъ центра 1-ой колонны—слѣдовали за авангардомъ по направленію къ деревнѣ Дезенъ и ободренныя успѣхами лѣваго кры-

ла, не задумываясь, напали на рощу къ сѣверо-востоку отъ д. Дезенъ; несмотря на крайне тяжелыя препятствія въ этомъ мѣстѣ, послѣ горячей схватки, сопровождавшейся большими потерями, въ концѣ концовъ, удалось занять рощу. Эти успѣхи союзниковъ противъ праваго крыла непріятеля возбудили у Наполеона опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ рѣки Плейсе; поэтому онъ послалъ маршала Удино съ дивизіей Деку изъ молодой гвардіи къ Лесснигскимъ прудамъ, поручивъ ему вновь взять Лесснигъ и потерянныя позиціи. Прибытіе молодой гвардіи было сигналомъ къ общему наступленію. Противъ совмѣстнаго натиска гвардіи корпуса Понятовскаго и Ожеро, батальоны принца Гессенъ-Гомбургскаго не могли держаться и должны были отступить. Самъ принцъ былъ тяжело раненъ, и команду принялъ на себя Колоредо. Дер. Делицъ опять была потеряна, а французы сильными колоннами пробились даже дальше къ Дезену. Положеніе было настолько угрожающимъ, что Шварценбергъ, прибывшій въ это время къ Делицу, пославъ на лѣвое крыло русскій гренадерскій корпусъ Раевскаго и 3 кирасирскія дивизіи, вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ приказъ Гіулаю двинуться со своимъ корпусомъ отъ Линденау на Кребернъ. До прибытія этихъ войскъ дивизія Вейсенвольфа, составленная изъ резервовъ, должна была попытаться поддерживать битву.

Батальонами дивизія бросилась на Делицъ. И дѣйствительно послѣ горячей битвы, стоившей ей огромныхъ потерь, удалось вновь отнять деревню, но попытка пробиться за Лессиигъ оказалась безплодной, какъ и прежде.

Не лучше обстояли дѣла и на правомъ крылѣ 1-ой колонны. Гвардія Удино и здѣсь привела союзниковъ въ замѣшательство. Австрійская артиллерія, благодаря фланговому непріятельскому огню, была вынуждена ото-

двинуться назадъ; деревня Дезенъ была очищена. Къ счастію, въ этотъ моментъ подоспѣли резервы. Вновь началось сраженіе и въ результатѣ вся плоская возвышенность между вершиной «Монаршій холмъ» и деревней Делицъ осталась за австрійцами. Съ полудня французы, исчерпавъ, повидимому, всѣ свои силы, воздерживались отъ наступленія въ большемъ масштабѣ и дальнѣйшая битва велась съ обѣихъ сторонъ исключительно артиллеріей.

Битва эта, причинивъ обѣимъ сторонамъ еще большія потери, не могла, однако, измѣнить взаимнаго положенія сторонъ.

Часть арміи Гіулая только около полудня остановилась вблизи поля сраженія, не вступая пока въ битву; русскія войска, вытребованныя для поддержки, послѣ полудня опять возвратились на свои прежнія позиціи.

Если мы посмотримъ, въ какомъ состояніи находилась 1-ая колонна въ 2 часа пополудни, то увидимъ, что, хотя она сумѣла выйти изъ критическаго положенія, вызваннаго около полудня необдуманнымъ наступленіемъ, и отбросить французовъ назадъ къ ихъ главнымъ позиціямъ; но, съ другой стороны—нигдѣ не удалось добиться мало-мальски значительныхъ успѣховъ противъ главной линіи непріятельскихъ позицій.

2-ая колонна Барклая около 8 часовъ выступила съ позиціи Гюльденгосса—Университетскій лѣсъ. Корпуса Клейста и Виттгенштейна двигались вблизи на Вахау и Либертвольквицъ. Вскорѣ удалось соединиться съ австрійцами; въ это время съ правой стороны русскіе взяли слабо защищенную д. Либертвольквицъ. Колонна Барклая остановилась около деревни Пробстгейда на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ нея, чтобы подождать прибытія 3-ьей колонны. 3-ья колонна, которой было поручено обойти личное крыло непріятеля, прекратила дальнѣйшее движеніе;

на ея долю выпала также задача до прибытія сѣверной арміи поддерживать связь съ Блюхеромъ. Беннигсенъ раздѣлилъ всѣ подчиненныя ему войска на 4 колонны, изъ которыхъ первая должна была отбросить назадъ лѣвое крыло непріятеля, по предположеніямъ находящееся около деревни Клейнпесна; вторая и третья—напасть на Кольмбергъ съ сѣвера и съ юга; наконецъ четвертая должна была очистить Нидергольцъ, а затѣмъ возстановить связь съ колонной Барклая. Когда пришло извѣстіе, что дивизія Бубна двигается на д. Клейнпесна, то началось общее наступленіе. Но вскорѣ обнаружилось, что положеніе вещей совсѣмъ не таково, какъ предполагали раньше. Французы уже очистили Клейнпесну и Кольмбергъ; Клейнпесна и Бальсдорфъ были отданы русскимъ безъ серьезнаго сопротивленія. Такимъ образомъ всѣ тѣ пункты, захватить которые разсчитывали только съ большими жертвами, были заняты безъ труда. Однако, несмотря на это, наступленіе продолжалось съ прежней энергіей, чтобы по возможности раньше добиться связи съ сѣверной арміей. Около 10 часовъ Беннигсенъ расположился приблизительно передъ линіей Цукельгаузенъ—Гольцгаузенъ—Бальсдорфъ—Энгельсдорфъ—Заммерфельдъ. Чтобы привести лѣвое крыло въ равновѣсіе съ правымъ и поддержать наступленіе Барклая на д. Пробстгейда, обѣ лѣвыя колонны Беннигсена, подъ начальствомъ Кленау и Цитена, рѣшились напасть на сильно укрѣпленныя деревни Гольцгаузенъ и Цукельгаузенъ.

Артиллерія подготовила штурмъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ австрійцы, поддержанные справа натискомъ русскихъ, взяли Гольцгаузенъ, а послѣ горячей битвы и Цукельгаузенъ.

Далѣе была расположена вершина Штейнбергъ, занятая дивизіей Жерара. Рѣшительная атака кавалерійскаго корпуса Себастьяни и гвардейской кавалерійской

дивизіи Вальтера разбилась о твердую стойкость русскихъ полковъ и русскую конницу, ударившую какъ разъ во-время. Такимъ образомъ французы не были въ состояніи удержать и Штейнбергъ.

Дивизія Жерара, преслѣдуемая корпусомъ Палена, отступила къ деревнѣ Пробстгейда. Русская кавалерія продолжала преслѣдованіе до самой д. Штёттерицъ и Пробстгейда. Было взято нѣсколько орудій. На занятую вершину Штейнбергъ сейчасъ же взобралась сильная артиллерія союзниковъ, открывшая огонь противъ позицій Макдональда, между деревнями Пробстгейда и Цвейнаундорфъ.

Между тѣмъ на правомъ крылѣ Беннигсена дивизія Бубна достигла сильно укрѣпленной деревни Паунсдорфъ. Послѣ двухчасового обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ, Бубна двинулся въ атаку, окончившуюся послѣ жестокаго сраженія занятіемъ деревни. Его противникъ Ренье отступилъ на Зеллергаузенъ, но около полудня самъ вмѣстѣ съ дивизіей Дюрюта энергично ударилъ на врага, вновь вырвалъ Паунсдорфъ изъ рукъ австрійцевъ, оставивъ послѣднихъ въ очень тяжеломъ положеніи. Только прибытіе Бюлова немного улучшило дѣло. Такимъ образомъ около 2 часовъ колонна Беннигсена хотя отчасти оттѣснила непріятеля съ занятыхъ имъ позицій, однако деревни Цвейнаундорфъ, Мелькау и Паунсдорфъ все еще были заняты французами. Напасть на послѣднихъ Беннигсенъ, повидимому, не рѣшался, прежде чѣмъ сѣверная армія не вступитъ въ промежутокъ между его колонной и силезской арміей. Между тѣмъ сѣверная армія приближалась къ полю сраженія. По приказу кронпринца корпусъ Бюлова долженъ былъ переправиться черезъ Парте около деревень Тауха и Грасдорфъ, а Ланжеронъ далѣе къ западу; Винценгероде и шведская армія должны были слѣдовать во второй линіи. Около

2 часовъ дивизія принца Гессенъ-Гомбургскаго остановилась противъ Паунсдорфа; остальныя части арміи еще двигались отъ деревни Тауха и по направленію къ ней. Когда Блюхеръ вернулся съ совѣщанія въ Брейтенфельдѣ, то уже на югѣ отъ Лейпцига начался артиллерійскій бой.

Онъ опасался, какъ бы сѣверная армія, направившись черезъ деревню Тауха, не потеряла много времени и потому не вступила бы въ битву слишкомъ поздно; поэтому онъ приказалъ графу Ланжерону, получившему отъ кронпринца устный приказъ, сначала, для прикрытія движенія сѣверной арміи находиться около Мокау и Плёзена, немедленно перейти рѣку около Мокау. Вслѣдствіе этого Ланжеронъ уже около 9 часовъ подошелъ къ противнику. Его артиллерія очень скоро заставила замолчать орудія Мармона, расположившіяся на возвышенности около церкви св. Ѳеклы, и принудила французскую пѣхоту отступить къ Шенфельду. Онъ переправился въ этомъ мѣстѣ черезъ Парте и занялъ позицію между Мокау и церковью св. Ѳеклы, чтобы дождаться здѣсь прибытія сѣверной арміи.

Между тѣмъ начала битву часть силезской арміи, находившаяся передъ Галленскимъ предмѣстьемъ. Блюхеръ отдалъ приказаніе генералу Сакену атаковать мѣстность передъ Галленскими воротами, все еще занятую дивизіей Домбровскаго, и двинуться отъ д. Голисъ на Розенталь. Поляки защищались съ обычной для нихъ стойкостью.

Однако находившійся здѣсь ординарецъ Наполеона, полковникъ Гурго сознавалъ, что дивизія, едва насчитывающая въ своихъ рядахъ 1500 человѣкъ, не можетъ держаться долгое время противъ превосходящихъ силъ непріятеля. Наполеонъ, получивъ извѣстіе объ угрожающемъ положеніи, послалъ для подкрѣпленіи дивизію

Пактода изъ молодой гвардіи. Когда въ 11 часовъ прибыла эта дивизія, то силы борющихся сторонъ сравнялись и дальнѣйшее движеніе впередъ для русскихъ стало невозможнымъ. Французскій маршалъ Ней, угрожаемый одновременно со стороны Паунсдорфа дивизіей Бубна, со стороны Мокау корпусомъ Ланжерона и отъ деревни Тауха кавалеріей Винценгероде, былъ принужденъ оставить линію рѣки Парте и поставить корпусъ Мармона и Ренье по фронту: Шенфельдъ—Паунсдорфъ; позади, около Фольксмарсдорфа, стоялъ корпусъ Сухама, а часть 3-го кавалерійскаго корпуса находилась около д. Шенфельдъ и Штюнцъ.

Между часомъ и двумя артиллерія Ланжерона начала обстрѣлъ Шенфельда со стороны Абтнаундорфа, а немного позднѣе кронпринцъ послалъ и Ланжерону приказъ взять Шенфельдъ «во что бы ни стало». Такимъ образомъ въ сѣверной части поля сраженія силезской арміи не удалось завладѣть ни одной пядью широкой долины, наоборотъ, корпусъ Ланжерона перешелъ Парте и готовился отнять у противника Шенфельдъ, этотъ опорный пунктъ его лѣваго крыла.

На разсвѣтѣ французы неожиданно атаковали Гіулая, находившагося на лѣвомъ берегу Эльстера. Это Бертранъ, по приказу Наполеона, намѣревался прорвать непріятельскую линію, что ему и удалось здѣсь выполнить.

Вслѣдствіе густого тумана, силы нападавшихъ нельзя было опредѣлить и Гіулай значительно переоцѣнилъ ихъ. Такъ какъ его передовые отряды въ самомъ началѣ потерпѣли чувствительное пораженіе, то онъ стянулъ на правое крыло свои главныя силы, расположенныя на высотахъ между Клейнъ-Чохеръ и Шенау. Едва только онъ соединилъ свои силы, какъ былъ полученъ приказъ отъ Шварценберга двинуться со всѣмъ корпусомъ къ Креберну. Это было выполнено. Хотя Гіулай

получилъ приказъ пока остановиться около Кнаутгайна, ибо положеніе на правомъ берегу Плейсе становилось какъ будто болѣе благопріятнымъ, но дорога на Вейсенфельсъ была открыта французамъ, такъ какъ одни оставшіеся на лѣвомъ берегу Эльстера отряды Лихтенштейна, Тильмана и Менсдорфа, само собой разумѣется, не были въ состояніи остановить движеніе Бертрана. Если мы обратимъ вниманіе на общее положеніе союзниковъ въ 2 часа дня, то увидимъ, что до полудня они не добились никакихъ существенныхъ результатовъ. Хотя французы были отброшены назадъ съ занятыхъ ими позицій, однако, Лесснигъ, Пробстгейда, Мелькау, Цвейнаундорфъ, Паунсдорфъ и Шенфельдъ все еще находились въ ихъ рухахъ, а на сѣверѣ всѣ атаки были отражены; подъ Линденау же Гіулай потерпѣлъ пораженіе. Главныя позиціи французовъ нигдѣ еще не были тронуты и путь для отступленія на Вейсенфельсъ свободенъ.

Всѣ попытки первой колонны послѣ полудня пробиться къ Конневицу оказались безрезультатными. Дезенъ и Делицъ, а также нѣсколько разъ уже упомянутый переходъ черезъ возвышенность между этими деревнями, послѣ сраженія, протекавшаго съ перемѣннымъ счастьемъ, наконецъ, были взяты и укрѣплены; прогнать же французовъ за Лесснигскій прудъ оказалось невозможнымъ. На лѣвомъ крылѣ обстоятельства сложились нѣсколько лучше; послѣ отчаянной битвы деревня Лесснигъ все-таки была взята.

Однако пробиться за деревню, благодаря храбрости и стойкости солдатъ Ожеро и Понятовскаго, было невозможно. На лѣвомъ берегу Эльстера Ледереръ тоже не подвинулся впередъ. Такимъ образомъ и послѣ полудня результаты, достигнутые 1-ой колонной, несмотря на превосходство ея силъ, также были незначительны.

Наполеонъ правильно опредѣлилъ значеніе Конневица для отступленія арміи и во-время стянулъ сюда такія силы, что для австрійцевъ оказалось невозможнымъ проникнуть къ этому мѣсту. Благодаря всеобщему утомленію, битва смѣнилась продолжительной орудійной канонадой, которая, постепенно ослабѣвая, съ наступленіемъ темноты совсѣмъ затихла.

На пути наступленія 2-ой колонны до полудня оказалась деревня Пробстгейда. Многочисленныя батареи, расположенныя по обѣимъ сторонамъ деревни, и сильныя пѣхотныя и кавалерійскія колонны, виднѣвшіяся за деревней, доказывали, что Наполеонъ думаетъ защищать этотъ важный спорный пунктъ до послѣдней крайности. Деревня была въ высшей степени удобна для защиты. Она представляла изъ себя продолговатый четыреугольникъ, почти сплошь окруженный глиняной стѣной, высотой въ человѣческій ростъ и толщиной въ футъ. Стѣна представляла изъ себя тѣмъ болѣе сильное препятствіе, что съ фланговъ она была защищена нѣсколькими хорошо разставленными батареями. Обойти ее было невозможно, такъ какъ въ селѣ съ каждой стороны было только по одному входу. Генералъ Барклай, отлично сознавая эти затрудненія, намѣревался атаковать д. Пробстгейда только въ случаѣ, если обѣ сосѣднія колонны достаточно продвинутся впередъ, чтобы быть въ состояніи напасть на деревню, предварительно окруживъ ее.

Въ 2 часа пополудни онъ, однако, получилъ отъ Императора Александра приказаніе начать штурмъ, вѣроятно съ цѣлью облегчить этимъ нападеніе Беннигсена на Штёттерицъ. Барклай назначилъ для нападенія бригады Пирха и принца Августа; для поддержки ихъ долженъ былъ стоять наготовѣ 2-ой русскій пѣхотный корпусъ.

Со стрѣлками передъ фронтомъ батальоны бригады Пирха двинулись на деревню съ юга. Нападающіе перелѣзли черезъ стѣны, въ которыхъ артиллерія тщетно пыталась пробить бреши; защитники послѣ горячей схватки были отброшены съ занятаго ими мѣста, но подоспѣвшій въ это время корпусъ Виктора, послѣ жестокой рукопашной схватки, принудилъ вновь отступить нападающихъ, совершенно истощенныхъ этой битвой. У бригады принца Августа, пробивающейся съ востока, дѣла обстояли не лучше. Уже достигнувъ входа въ деревню, она была встрѣчена настолько сильнымъ картечнымъ огнемъ, что была вынуждена отступить назадъ и черезъ нѣкоторое время выстраиваться вновь, а затѣмъ съ принцемъ Августомъ Прусскимъ во главѣ снова двинулась впередъ. Хотя ей и удалось проникнуть въ деревню и наполовину взять послѣднюю, но сильная пѣхотная колонна корпуса Лористона, подъ командой генерала Рохамбо, принудила ее во второй разъ оставить деревню. Чтобы снова взять ее, были двинуты оставшіяся слабыя части корпуса герцога Евгенія, но опять-таки напрасно: та же участь постигла и эти войска, такъ какъ Наполеонъ, кромѣ корпуса Лористона, стянулъ сюда также дивизію Фріана изъ старой гвардіи. По приказу Императора дальнѣйшее наступленіе было пріостановлено, ибо полученныя извѣстія объ успѣхахъ въ другихъ пунктахъ поля сраженія внушали надежду, что Пробстгейда можетъ быть взята безъ дальнѣйшихъ жертвъ; въ дальнѣйшемъ ограничились тѣмъ, что отразили попытки противника начать наступленіе. Такимъ образомъ и вторая колонна не смогла достигнуть никакихъ результатовъ, несмотря на героизмъ союзныхъ войскъ.

Между тѣмъ 3-ья колонна Беннигсена, линія фронта которой, вслѣдствіе чрезмѣрной растянутости въ правую сторону, становилась все тоньше, съ нетерпѣніемъ ожи-

дала прибытія кронпринца. Наконецъ около 2-хъ часовъ передовые отряды Бюлова и дивизія Гессенъ-Гомбурга прибыли къ деревнѣ Паунсдорфъ; остальные отряды слѣдовали за ними.

Скоро командиры пришли къ соглашенію относительно порядка наступленія колоннъ, для которыхъ границей должна быть деревня Паунсдорфъ, такъ что Беннигсенъ могъ тѣснѣе сосредоточить свои силы въ виду деревень Цвейнаундорфъ и Мелькау. Немного спустя, Паунсдорфъ была занята общими силами австрійцевъ подъ начальствомъ Бубна и пруссаковъ; въ полномъ безпорядкѣ дивизія Дюрюта отступила на Зеллергаузенъ.

Еще раньше вюртембергская кавалерійская бригада Нормана перешла на сторону союзниковъ; теперь же обѣ саксонскія бригады Ренье воспользовались благопріятнымъ моментомъ, чтобы измѣнить французскому знамени. Этотъ шагъ не былъ неожиданнымъ. Еще до полудня командующій дивизіей генералъ фонъ-Цешау, который уже не былъ увѣренъ въ своихъ войскахъ, испросилъ у своего короля соотвѣтствующихъ инструкцій. Отвѣтъ короля былъ истолкованъ двояко. Офицеры саксонской арміи, имѣя въ виду, что король среди французовъ не былъ хозяиномъ своей воли, рѣшили, что самое лучшее, что они могутъ сдѣлать, это отвернуться отъ проиграннаго дѣла и тѣмъ попытаться спасти для отечества хотя остатки своей арміи, противъ воли Цешау, которому удалось удержать отъ измѣны всего только 600 солдатъ; 3000 человѣкъ при 19 орудіяхъ перешли на сторону союзниковъ. Однако въ дальнѣйшемъ ходѣ битвы эти послѣдніе не принимали никакого участія, чтобы не ухудшить еще болѣе затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился король.

Между тѣмъ сраженіе передъ деревнями Мелькау и Цвейнаундорфъ затихло; все-таки удалось отразить атаку

французской гвардейской кавалеріи, которая съ особенной храбростью бросилась впередъ. Наконецъ около 5 часовъ результаты наступленія сѣверной арміи стали дѣлаться осязательными. Части дивизій Гессенъ-Гомбурга и Бубна послѣ стремительнаго натиска взяли Паунсдорфъ и Мелькау; послѣ жестокой борьбы была также взята деревня Унтеръ-Цвейнаундорфъ. Пробиться дальше помѣшала горячая кавалерійская схватка между кавалеріей Себастьяни, гвардейской кавалерійской дивизіей Вальтера и кавалеріей Беннигсена. Послѣ того какъ Себастьяни очистилъ поле сраженія, французская пѣхота была принуждена отступить на Штёттерицъ. Въ то время какъ русскіе захватили Унтеръ-Цвейнаундорфъ, а Бубна—Мелькау, австрійцы, подъ начальствомъ Кленау, завладѣли Оберъ-Цвейнаундорфомъ. Взять эту деревню, повидимому, не стоило особеннаго труда. Тѣмъ большія затрудненія представились около деревни Штёттерицъ, противъ которой направился теперь Кленау. Положеніе д. Штёттерицъ въ смыслѣ удобства защиты было чрезвычайно благопріятнымъ. Мѣстность противъ Штёттерица съ фланга была защищена деревней Пробстгейдой; деревня съ юга и востока была окружена глинобитными стѣнами, кустарникомъ и канавами; благодаря своему важному значенію, она была хорошо укрѣплена; здѣсь была сосредоточена сильная артиллерія. Но такъ какъ только занявъ Штёттерицъ, можно было взять Пробстгейду, то Кленау не остановился передъ всѣми этими препятствіями. Онъ самъ лично повелъ колонну на штурмъ, но при этомъ попалъ съ фронта и фланговъ подъ такой уничтожающій картечный огонь непріятеля, что принужденъ былъ тотчасъ же отступить на Цвейнаундорфъ. Французы этимъ не удовлетворились, а двинулись въ контръ-атаку, при чемъ французская артиллерія предварительно подожгла Цвейнаундорфъ; эта

контръ-атака, по всей вѣроятности, вслѣдствіе наступающей темноты, оказалась безрезультатной. Поздно вечеромъ Кленау соединилъ свои войска между д. Цвейнаундорфъ и Цукельгаузенъ. Такимъ образомъ и 3-ая колонна не добилась рѣшительныхъ успѣховъ. Непріятель утвердился на своихъ позиціяхъ противъ нея и очистилъ форпосты; но и это было сдѣлано лишь послѣ сопротивленія французовъ, достойнаго всякаго уваженія.

Только сѣверная армія постепенно продвинулась впередъ. Послѣ взятія Паунсдорфа, правое крыло Мармона оказалось неприкрытымъ; вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ отступить на линію Зеллергаузенъ—Шенфельдъ, но и Зеллергаузенъ, благодаря неослабѣвающему натиску противника, нельзя было удержать и въ результатѣ французы должны были очистить деревню. Это ставило въ опасное положеніе правый флангъ новой позиціи Мармона, поэтому для французовъ было крайне необходимо вновь взять Зеллергаузенъ. Ней поручилъ выполнить это дивизіямъ Дельма и Дюрюта. Благодаря перевѣсу силъ французамъ удалось оттѣснить назадъ слабыя силы союзниковъ и вновь занять Зеллергаузенъ и Штюнцъ. Но постепенно и остальныя части сѣверной арміи вступили въ пространство между деревней Паунсдорфъ и рѣкой Парте, первою—дивизія Барштеля, за нею дивизія Крафта, кавалерія Винценгероде и, наконецъ, во второй линіи—шведская армія, такъ что въ 4 часа пополудни кольцо вокругъ Лейпцига было замкнуто. Между тѣмъ началось жаркое сраженіе изъ-за деревни Шенфельдъ. Корпусъ Ланжерона при взятіи ея столкнулся съ неменьшими затрудненіями, чѣмъ тѣ, которые пришлось преодолѣть около д. Пробстгейда. Справа деревня была защищена топкой долиной рѣки Парте; она имѣла всего нѣсколько сильно укрѣпленныхъ входовъ; вокругъ деревни шли густые кустарники и глинобитныя стѣны,

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

Въѣздъ Союзныхъ Монарховъ въ Парижъ.

въ которыхъ были пробиты амбразуры; благодаря отдѣльнымъ выступающимъ массивнымъ зданіямъ, она была хорошо защищена съ фланга; на всѣхъ удобныхъ мѣстахъ стояли орудія, затрудняющія возможность приблизиться. Несмотря на это, въ самомъ началѣ 3-го часа корпусу Капцевича удалось проникнуть почти до середины деревни, однако удержаться противъ контръ-атаки болѣе значительныхъ силъ французовъ союзники не могли. Только по взятіи Паунсдорфа стало возможно начать обстрѣлъ деревни съ фланга и напасть на нее одновременно съ разныхъ сторонъ. Ланжеронъ выдвинулъ свѣжія войска, усилилъ артиллерійскій огонь и въ $4^1/_2$ часа, ударивъ въ штыки, отбросилъ дивизію Мармона изъ Шенфельда, пылающаго со всѣхъ сторонъ, назадъ на Реудницъ. Однако у Нея оставалось еще въ резервѣ $1^1/_2$ дивизіи III корпуса. Немедленно онъ выдвинулъ ихъ. Послѣ штурма удалось еще разъ вырвать Шенфельдъ изъ рукъ русскихъ, хотя и Ней и Сухамъ въ самомъ началѣ были тяжело ранены. Этотъ внезапный поворотъ въ положеніи дѣла продолжался недолго. По приказу кронпринца на позиціи было выставлено 80 орудій Винценгероде и Штединка; Ланжеронъ, поддерживаемый огнемъ этихъ орудій, еще разъ двинулъ цѣликомъ весь свой корпусъ на непріятеля. Въ виду такого перевѣса силъ союзниковъ, французы не могли удержать Шенфельдъ и III корпусъ въ 6 часовъ бросился въ бѣгство на Реудницъ, потерявъ свыше 5.000 человѣкъ. Только къ 9 часамъ битва постепенно прекратилась.

При Паунсдорфѣ около 5 часовъ артиллерія Бюлова стала пересиливать непріятельскую, такъ что въ $5^1/_2$ часовъ, одновременно съ штурмомъ Беннигсеномъ деревень Мелькау и Цвейнаундорфъ, стало возможно произвести нападеніе на Штюнцъ и Зеллергаузенъ и взять ихъ. Съ наступленіемъ темноты французы отступили

назадъ до развѣтвленія дорогъ, идущихъ на д. Тауха и д. Вурценъ. Несмотря на подавляющій перевѣсъ силъ, которыми располагалъ шведскій кронпринцъ, результаты, достигнутые имъ, были сравнительно невелики. Въ общемъ и цѣломъ они выразились въ томъ, что непріятель былъ оттѣсненъ назадъ на нѣсколько тысячъ метровъ и были взяты деревни Шенфельдъ, Зеллергаузенъ и Штюнцъ. На сѣверъ отъ Лейпцига Сакенъ безплодно пытался вновь напасть на Розенталь и Пфаффендорфъ. Хотя деревня Пфаффендорфъ временно и была взята, но затѣмъ вновь была потеряна битва, склонявшаяся то въ пользу одной, то въ пользу другой стороны, окончилась уже въ темнотѣ, не измѣнивъ взаимнаго положенія борющихся сторонъ. Когда подъ вечеръ изъ главной арміи было получено извѣстіе, что непріятель, повидимому, двинулся на Мерзебургъ и Вейсенфельсъ, Блюхеръ приказалъ корпусу Іорка, сдѣлавъ ночной переходъ, завладѣть дорогами отъ Мерзебурга и Галле, по возможности вредить непріятелю во время его отступленія. Въ 8 часовъ корпусъ Бюлова, подкрѣпленный двумя казацкими полками Сакена и перешедшей на сторону союзниковъ саксонской кавалерійской бригадой, выступилъ на Шкеудицъ. Корпусъ шелъ всю ночь и въ 7 часовъ утра резервная кавалерія и дивизія Горна прибыли къ Галле, дивизія же Гюнербейна къ Брукдорфу и Бурглибенау. Узнавъ, что французская армія отступила на Мерзебуръ и Вейсенфельсъ, слабые австрійскіе отряды изъ арміи Гіулая, остававшіеся въ Вейсенфельсѣ, тотчасъ же очистили городъ. Самъ Гіулай ограничился тѣмъ, что предписалъ кавалеріи Менсдорфа и Тильмана слѣдовать по возможности ближе за подвигающимися французскими колоннами; со своими собственными войсками онъ выступилъ въ 2 часа ночи по направленію на Пегау. На этомъ мы кончаемъ описа-

ніе событій 18-го октября. Если попытаться выразить въ краткихъ словахъ результаты всего сраженія, то получится слѣдующая картина: на линіи Конневицъ—Пробстгейда Наполеонъ 18-го числа отбилъ всѣ нападенія и удержалъ свои позиціи почти всѣ безъ исключенія. Въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ онъ потерялъ свои форпосты,—деревни: Цукельгаузенъ, Гольцгаузенъ, Цвейнаундорфъ, Мелькау, Паунсдорфъ, Штюнцъ, Зеллергаузенъ и Шенфельдъ и былъ принужденъ отступить къ главной позиціи Зеллергаузенъ — Гроттендорфъ—Реудницъ; къ сѣверу отъ Лейпцига положеніе совершенно измѣнилось; наконецъ подъ Линденау союзники были разбиты и для французовъ была свободна дорога къ рѣкѣ Заале; рѣшительный моментъ, такимъ образомъ, еще не наступилъ.

Большую часть дня Наполеонъ пробылъ на возвышенности Тонбергъ неподалеку отъ кванченской табачной мельницы, продырявленной ядрами. Какія мысли, надежды и опасенія волновали его въ различные моменты битвы,—это, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Два раза онъ отправлялся къ деревнѣ Пробстгейда—главному пункту позиціи. Когда въ 2 часа изъ-за этой деревни закипѣла жаркая битва, онъ находился почти въ передовой линіи, ободряя свои войска, ведя за собой подкрѣпленія и пополняя тающіе ряды. Получивъ извѣстіе о томъ, что саксонцы перешли на сторону противника, онъ поспѣшилъ на лѣвое крыло. По его настоянію гвардейская кавалерія была здѣсь двинута въ генеральную атаку.

Уже въ 11 часовъ утра имъ были отданы предварительныя распоряженія къ отступленію.

Около 5 часовъ, усталый отъ безсонной ночи и треволненій этого дня, онъ заснулъ на деревянной скамьѣ около сторожевого огня. Проснувшись отъ ядра, кото-

рое съ шипѣніемъ ударилось въ огонь, онъ съ обычнымъ спокойствіемъ продиктовалъ приказъ объ отступленіи, а затѣмъ около $6^1/_2$ часовъ въ сопровожденіи Мюрата отправился въ Лейпцигъ, гдѣ и переночевалъ въ «Hôtel de Prune» на площади Коннаго рынка.

Русскій и прусскій государи, къ которымъ послѣ обѣда присоединился также и австрійскій императоръ, весь день пробыли вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ на небольшомъ пригоркѣ около Мейсдорфа, отнынѣ получившемъ названіе «Монаршій холмъ»; отсюда они могли обозрѣвать большую часть поля сраженія. Около 6 часовъ вечера Шварценбергъ собралъ всѣхъ генераловъ, находящихся поблизости, чтобы отдать имъ приказанія на слѣдующій день. Въ это время императоръ Францъ отъѣхалъ назадъ къ деревнѣ Рета, тогда какъ Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ оставались на полѣ битвы до 8 часовъ. Широко распространенная легенда, будто бы вечеромъ три императора, преклонивъ колѣни, молились о дарованіи побѣды, а всѣ находившіяся вблизи войска послѣдовали ихъ примѣру, не имѣетъ за собою никакихъ подтверждаемыхъ историческими данными основаній.

Величайшая въ міровой исторіи битва окончилась. Въ продолженіе 12 часовъ полмилліона бойцовъ, собранныхъ сюда почти со всѣхъ европейскихъ государствъ, сражались другъ съ другомъ въ жесточайшей битвѣ. Болѣе 50 тысячъ храбрецовъ обагрили своей кровью землю, которую вечеромъ озаряло пламя двѣнадцати пылающихъ деревень, и все-таки рѣшительный моментъ не наступилъ, а только приблизился.

Если мы припомнимъ, что на сторонѣ союзниковъ 18-го октября было преимущество, заключающееся въ

томъ, что они могли напасть на окруженнаго почти со всѣхъ сторонъ непріятеля, что они располагали излишкомъ войска въ 135000 человѣкъ, что они были въ состояніи выставить противъ 650 французскихъ пушекъ почти вдвое большее количество орудій, то намъ станетъ ясно, что только грубыя ошибки и упущенія полководцевъ могли повести за собой для союзниковъ столь неудовлетворительные результаты сраженія. Еще три дня назадъ, именно 16-го октября, Наполеонъ велъ наступательную тактику, 18-го онъ уже былъ вынужденъ къ полному отступленію и теперь же онъ боролся, только чтобы обезпечить себѣ отступленіе. Связь французской арміи съ Эльбой, поддерживаемая еще 17-го, утромъ 18-го уже была порвана, путь отступленія къ дорогѣ на Эрфуртъ потерянъ. Такъ какъ въ этомъ направленіи въ распоряженіи Наполеона оставалась только единственная дорога черезъ Линденау, то ему, имѣя въ виду близость непріятеля къ длинному узкому проходу, предназначенному для отступленія, не оставалось ничего другого, какъ только по возможности отражать опасность захвата непріятелемъ и этого пути отступленія, растянувъ свою армію по соотвѣтственно длинному фронту почти въ двѣ мили. Его позиція, вслѣдствіе численнаго превосходства противника, должна была постепенно принять форму круга. Если бы союзникамъ удалось хотя въ одномъ мѣстѣ прорвать этотъ кругъ, то тѣмъ самымъ возможность отступленія французской арміи была бы подъ большимъ сомнѣніемъ.

Если мы уяснимъ себѣ описанное положеніе Наполеона, то отсюда само собою станетъ понятно, почему союзники 18-го выступили противъ непріятеля. Они должны были бы, воспользовавшись своимъ значительнымъ численнымъ превосходствомъ, подавляющими силами пробиться къ наиболѣе слабымъ пунктамъ на

пути отступленія непріятеля; въ то же время въ остальныхъ мѣстахъ круговой линіи надо было такъ повести сраженіе, чтобы для Наполеона стало невозможнымъ отвлеченіе силы къ мѣстамъ, которымъ угрожалъ непріятель. Съ 17-го числа было достаточно времени для того, чтобы уяснить себѣ, гдѣ именно были наиболѣе уязвимые пункты непріятельской позиціи; 17-го октября французы все еще были расположены противъ главной арміи союзниковъ на линіи Делицъ — Вахау — Либервольквицъ—Кольмбергъ; но къ сѣверу отъ Лейпцига — силезская армія уже, можно сказать, стучалась въ ворота галленскаго предмѣстья и такимъ образомъ находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дорогою, по которой отступали французы. Если князь Шварценбергъ, составляя диспозицію нападенія, опубликованную имъ 18-го числа, не принялъ во вниманіе послѣдняго обстоятельства, то это объясняется тѣмъ, что въ командованіи совокупными силами арміи не было строгаго единства и что сами монархи не подумали объ этомъ или не осмѣливались опредѣленно указать кронпринцу шведскому на необходимость по возможности скорѣе и кратчайшимъ путемъ двинуться противъ пунктовъ, наиболѣе опасныхъ для французовъ.

Если бы кронпринцъ выступилъ отъ Брейтенфельда часовъ въ 5 утра и переправился черезъ Парте не около деревни Тауха, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приказанію Блюхера перешелъ рѣку корпусъ Ланжерона, то силезская и сѣверная арміи уже около 11 часовъ могли бы вступить въ битву съ войсками Нея. Союзники могли бы тогда выставить 90000 войска противъ какихъ-нибудь 36000 Нея; при такомъ численномъ соотношеніи Наполеонъ очень скоро былъ бы принужденъ перебросить черезъ Парте всѣ свои резервы. Благодаря этому обстоятельству, кронпринцъ во всякомъ случаѣ могъ бы

продвинуться впередъ, а это сильно облегчило бы для главной арміи нападеніе на позиціи Лесснигъ—Пробстгейда и повело бы къ меньшимъ жертвамъ. Если бы удалось прорвать французскую позицію около д. Пробстгейда, то едва ли послѣ этого было бы возможно отступленіе арміи на Линденау и Наполеону оставался бы единственный выходъ—прорваться по направленію къ деревнѣ Тауха.

При наличности значительнаго превосходства силъ у союзниковъ Наполеонъ едва ли могъ серьезно надѣяться провести свою 100-тысячную армію между двумя сильными арміями противника. Диспозиція нападенія, выработанная Шварценбергомъ для главной арміи, просто имѣла въ виду то положеніе, которое заняли отдѣльныя части войскъ 17-го числа вечеромъ. Это было естественно, а потому и вполнѣ понятно. Конечно и въ данномъ случаѣ можно было бы больше имѣть въ виду и главную конечную цѣль, и непосредственное воздѣйствіе на линію отступленія непріятеля. Если бы, напримѣръ, колонну наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго подкрѣпить всей русско-прусской гвардіей, то возможно, что непріятель былъ бы прогнанъ съ его позиціи за Лесснигскій прудъ и такимъ образомъ союзники стали бы серьезно угрожать Конневицу. Наполеонъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы упорнѣйшее сопротивленіе всякой попыткѣ союзниковъ прорваться по направленію на Конневицъ, но онъ опять-таки былъ бы принужденъ стянуть къ этому мѣсту свои резервы отъ деревни Пробстгейда, что облегчило бы корпусамъ Виттгенштейна и Клейста возможность взять Пробстгейду и ослабило бы французскія позиціи.

Вполнѣ понятно, что при такомъ обширномъ полѣ сраженія командиры отдѣльныхъ колоннъ должны были дѣйствовать по своему усмотрѣнію и что вслѣдствіе

этого часто не было взаимной согласованности въ передвиженіяхъ войскъ союзной арміи. И это не можетъ быть поставлено въ вину лицу, стоящему во главѣ. Такъ нападеніе наслѣднаго принца Гессенъ-Гомбургскаго на линію Дезенъ—Делицъ надо рѣшительно признать преждевременнымъ; въ результатѣ этого выступленія лѣвое крыло союзниковъ очутилось въ такомъ затруднительномъ положеніи, что Шварценбергъ еще въ самомъ началѣ былъ принужденъ поспѣшно открыть военныя дѣйствія. Съ стратегической точки зрѣнія невозможно оправдать отозваніе Гіулая изъ-подъ Линденау. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ впечатлѣніемъ этихъ необдуманныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ условій даннаго момента, позднѣе было высказано то мнѣніе, будто здѣсь играли роль высшія политическія соображенія и будто сознательно хотѣли оставить для Наполеона открытымъ путь для отступленія къ Рейну; взглядъ, подтвержденія которому мы не находимъ ни въ чемъ. Въ то время какъ на лѣвомъ флангѣ начало битвы не было особенно многообѣщающимъ, въ центрѣ около д. Пробстгейда въ это время союзники натолкнулись на непреодолимое сопротивленіе. Пробстгейда была какъ бы ключомъ всѣхъ французскихъ позицій. Попади она въ руки союзниковъ,—тогда оба крыла французской арміи были бы обойдены съ фланговъ и должны были бы отступить къ Лейпцигу. Условія мѣстности около д. Пробстгейда были настолько благопріятны въ смыслѣ защиты, а Наполеонъ затратилъ столько усилій для того, чтобы повысить ея природныя удобства для защиты, что взять деревню можно было только въ случаѣ безошибочныхъ съ точки зрѣнія тактики дѣйствій. Если бы союзники воспользовались превосходствомъ своей артиллеріи и сконцентрировали артиллерійскій огонь не только на непріятель-

скихъ орудіяхъ, но также и на резервахъ, плотно стоящихъ позади деревни, то резервы попали бы подъ перекрестный огонь и едва ли были бы въ состояніи продержаться долгое время. Если бы далѣе, послѣ того какъ артиллерія одержитъ верхъ, пойти въ атаку, только не съ двумя слабыми колоннами и не противъ одной деревни, а съ нѣсколькими сильными колоннами и противъ тѣхъ частей изъ корпусовъ Виктора и Лористона, которыя стояли по обѣимъ сторонамъ деревни и позади ея, то успѣхъ, если принять во вниманіе перевѣсъ силъ, которыя могли бы развернуть союзники, былъ не только мыслимымъ, но даже и вѣроятнымъ. Но ничего этого не случилось и такимъ образомъ битва, обѣщавшая побѣду, оказалась безплодной, а Пробстгейда осталась въ рукахъ французовъ. 2-ая колонна могла значительно облегчить нападеніе на Пробстгейду; непріятеля можно было принудить даже добровольно очистить деревню, если бы колоннѣ Беннигсена, по взятіи деревень Цукельгаузенъ и Гольцгаузенъ, удалось также занять и дер. Цвейнаундорфъ, продвинуться затѣмъ къ д. Штёттерицъ и отсюда напасть на Пробстгейду съ фланга. Но для этого Беннигсену надо было удержать свои силы въ одномъ мѣстѣ, а не разбрасывать ихъ до самой дер. Паунсдорфъ. Мы уже знаемъ, что, благодаря позднему прибытію сѣверной арміи, онъ былъ принужденъ сдѣлать то же самое и считалъ необходимымъ загородить единственный для французской арміи выходъ къ Эльбѣ,— соображеніе хотя и поспѣшное, но извинительлое. Такимъ образомъ мы опять-таки приходимъ къ тому выводу, что незначительность успѣховъ союзниковъ за этотъ день надо предписать исключительно тому, что кронпринцъ слишкомъ поздно вступилъ въ битву. Несмотря на всѣ эти ошибки, къ вечеру лѣвое крыло. французовъ было разбито и оттиснуто къ самому Лейп-

цигу; правое же и центръ держались только съ крайнимъ напряженіемъ. Такимъ образомъ до полной побѣды оставалось немного. Высчитано, что у союзниковъ во время битвы находились въ бездѣйствіи около 100.000 войска и свыше 100 орудій, тогда какъ у Наполеона такихъ бездѣйствующихъ войскъ было по большей мѣрѣ отъ 10—12 тысячъ. Если бы союзники умѣло воспользовались этими силами, то Наполеонъ уже 18-го числа былъ бы отброшенъ къ Лейпцигу.

Что касается дѣйствій Наполеона, то о нихъ мы скажемъ здѣсь немного. Мы попытались дать психологическое объясненіе рѣшенію императора продолжать битву 18-го числа. Если имѣть въ виду упорное стремленіе Наполеона не уступать союзникамъ ни пяди земли до тѣхъ поръ, пока онъ хоть гдѣ-нибудь не добьется успѣха, то это рѣшеніе станетъ для насъ понятнымъ; если же его разсматривать съ точки зрѣнія военной тактики, то оно должно быть признано не безошибочнымъ. Если бы вечеромъ 17-го Наполеонъ подготовилъ отступленіе, то утромъ 18-го значительная часть арміи уже могла бы сосредоточиться на лѣвомъ берегу Эльстера, а остальная часть слѣдовала бы за ней, не обременяя ея, подъ защитой сильнаго арріергарда, занимающаго Лейпцигъ. Храбрость его войска и страхъ передъ его именемъ открыли бы ему свободную дорогу, отступленіе было бы произведено въ большемъ порядкѣ и Наполеонъ достигъ бы рѣки Заале, сохранивъ 50.000 войскъ, которыхъ стоила ему эта битва, не будучи въ то же время стѣсненъ непріятелемъ и оставаясь все еще достаточно внушительнымъ для врага. Такимъ образомъ рѣшиться на битву 18-го октября можно было только въ силу ослѣпленія, которое можно объяснить развѣ только тѣмъ, что Наполеонъ, фатально вѣря въ свою звѣзду, разсчитывалъ на какую-нибудь непредвидѣнную счаст-

ливую случайность или на то, что союзники примутъ предложеніе о перемиріи, которое онъ сдѣлалъ имъ черезъ Меервельда.

Отдѣльныя распоряженія Наполеона еще разъ доказали его исключительное мастерство руководить битвой. Выбранная имъ позиція была превосходна. Преимущества, представляемыя мѣстностью, блестящимъ образомъ были использованы.

Прекрасно выбранныя артиллеріей позиціи, мѣткость ея стрѣльбы доказываютъ, насколько болѣе совершенно было поставлено артиллерійское дѣло у французовъ по сравненію съ союзниками. Несмотря на свою немногочисленность, французская артиллерія не покидала поля сраженія; ей главнымъ образомъ, надо приписать то, что штурмы союзниковъ на Конневицъ, Пробстгейду и Штёттерицъ кончился неудачей. Защищая деревню, французская пѣхота вновь выказала свое обычное превосходство. Кавалерія, несмотря на плохое качество лошадей, тоже развила необыкновенно энергичную дѣятельность, которая имѣла тѣмъ большіе результаты, что союзники нигдѣ не воспользовались своимъ превосходствомъ этого рода оружія. Такимъ образомъ битва подъ Лейпцигомъ была днемъ славы также и для французской арміи; даже самъ непріятель съ чувствомъ уваженія и удивленія взиралъ на эти обезсиленныя войска, измученныя переходами; войска, которыя, понимая значеніе битвы, сомнѣваясь въ побѣдѣ, но вспоминая о своей прежней военной славѣ, въ чаду какого-то опьяненія бросались на противника, сражаясь за каждую пядь земли.

Но уже заранѣе было ясно, что при данномъ соотношеніи силъ борющихся сторонъ всѣ эти геройскія усилія должны оказаться безрезультатными. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется, что и до сихъ поръ еще во французскихъ историческихъ трудахъ неудачный исходъ

битвы объясняется исключительно измѣной саксонцевъ и вюртембержцевъ и недостаткомъ боевыхъ припасовъ, какъ будто въ борьбѣ такихъ массъ войска, которыя были сосредоточены подъ Лейпцигомъ, могли имѣть какое-либо значеніе лишнихъ 3—4 тысячи человѣкъ или потеря 20 орудій, или какъ будто обладаніе большими запасами боевыхъ снарядовъ могло улучшить положеніе въ битвѣ.

Съ наступленіемъ темноты окончилась битва народовъ, а съ ней походъ въ Германію и борьба за господство въ Европѣ. Германія освободилась отъ ига французовъ, какъ годъ тому назадъ освободилась отъ нихъ Россія.

Въ приказахъ, отданныхъ княземъ Шварценбергомъ, просто говорилось, что армія должна двинуться на Лейпцигъ пятью колоннами и штурмовать городъ. Помѣшать отступленію непріятеля удалось только въ незначительной степени. Обрадованные достигнутой побѣдой и ожидая навѣрняка третьяго кроваваго сраженія, союзники отложили до слѣдующаго дня преслѣдованіе непріятеля и полагали, что пока будетъ совершенно достаточно, если Іорка двинуть по направленіи на Галле и Мерзебургъ; Гіулая, Лихтенштейна, Тильмана, Менсдорфа и резервный корпусъ, которымъ командовалъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Ледереръ—на Пегау. Общее истощеніе войскъ можетъ служить извиненіемъ этой бездѣятельности, понятной съ точки зрѣнія житейской, но непростительной съ точки зрѣнія военнаго искусства. Выполняя приказъ Шварценберга, войска, назначенныя направиться на Пегау, двинулись ночью; другія же необходимыя приготовленія были отложены до слѣдующаго дня. Темная ночь и смѣнившее ее туманное утро, а также и прекрасно организованная сторожевая служба у французовъ—все это облегчило не-

пріятелю незамѣтное отступленіе, такъ что только подъ утро было обнаружено, что позиціи Пробстгейда, Штёттерицъ и Конневицъ уже оставлены французами.

Наполеонъ, прибывъ въ Лейпцигъ, сейчасъ же принялся оканчивать необходимыя для отступленія приготовленія. Теперь онъ могъ убѣдиться, что съ его стороны было необдуманно не отступить днемъ раньше. Онъ оказался въ большомъ затрудненіи, такъ какъ на наиболѣе удобной дорогѣ, бывшей въ его распоряженіи, можетъ быть, уже угрожала Баварская армія. Во всякомъ случаѣ время было дорого; нельзя было терять ни минуты. Въ штабы разныхъ корпусовъ были отправлены адъютанты съ приказомъ по возможности ускорить въ эту ночь передвиженіе войскъ, артиллеріи и раненыхъ, которыхъ можно было захватить съ собой. Еще разъ были даны точныя указанія о соблюденіи внутренняго порядка и порядка движенія войскъ; назначены корпуса, которые должны были принять на себя защиту Лейпцига. Какъ только позволятъ обстоятельства,—эти корпуса должны были также двинуться, слѣдуя другъ за другомъ; маршалъ Макдональдъ долженъ былъ съ 7, 8 и 9 корпусами образовать арріергардъ и попытаться удержать за собой городъ еще въ теченіе 24 часовъ. Послѣ того какъ отступятъ послѣднія части арміи, французы должны были взорвать мостъ, ведущій къ Линденау. Когда были сдѣланы эти необходимыя въ данный моментъ ближайшія распоряженія, взоръ императора обратился къ дальнѣйшему. Къ генералу Бертрану, который долженъ былъ вечеромъ достигнуть Вейсенфельса, былъ отправленъ курьеръ съ приказомъ охранять переходъ черезъ рѣку Заале и заготовить для арміи на всѣхъ удобныхъ для этого пунктахъ по пути отступленія провіантъ. Тотъ же самый курьеръ долженъ былъ доставить въ Майнцъ маршалу Келлерману

извѣстія о положеніи арміи, а также приказъ отозвать обратно всѣ запасныя войска, направлявшіяся къ арміи, вмѣстѣ съ тѣмъ и директивы—немедленно мобилизовать національную гвардію и организовать защиту Франціи. Комендантамъ Эрфурта и Вюрцбурга было отдано приказаніе по возможности скорѣе запастись провіантомъ. Маршалъ Сенъ-Сиръ въ Дрезденѣ получилъ полномочіе «какимъ-либо образомъ выйти изъ своего положенія, заставить Торгау и Виттенбергъ капитулировать, но только при условіи свободнаго выхода всѣхъ войскъ вмѣстѣ съ ранеными». Коменданты Виттенберга и Торгау получили предписаніе выждать, что произойдетъ съ войсками, оставшимися въ Дрезденѣ, такъ какъ маршалъ Сенъ-Сиръ имѣлъ приказаніе включить въ условія капитуляціи также и вопросъ о гарнизонѣ ихъ крѣпостей. Если бы они были принуждены дѣйствовать самостоятельно, то они потребовали бы свободнаго выхода съ оружіемъ и боевыми припасами и въ случаѣ отказа стали бы согласно съ воинскими обычаями защищаться до послѣдней крайности. Предписанія подобнаго содержанія были посланы маршалу Даву въ Гамбургъ и комендантамъ всѣхъ крѣпостей, расположенныхъ по Вислѣ и Одеру. Мы видимъ, что императоръ все предусмотрѣлъ, и мы не можемъ и здѣсь не удивляться спокойствію духа, съ которымъ онъ среди крушенія его славы въ Германіи отдаетъ приказанія, чтобы спасти по крайней мѣрѣ то, что еще можно было спасти. Съ наступленіемъ темноты началось отступленіе арміи къ Лейпцигу и по пути изъ него. Потоки войскъ вливались въ городъ черезъ всѣ четверо воротъ, выходить же изъ него войска должны были черезъ одни ворота. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при этомъ не всегда могъ поддерживаться должный порядокъ. Благодаря темнотѣ колонны, поспѣшно двигавшіяся по разнымъ дорогамъ къ

Ранштетскимъ воротамъ, нѣсколько разъ сталкивались и задерживали другъ друга. Поломанныя повозки, павшія лошади, оставленные экипажи и другія препятствія, неизбѣжныя при поспѣшномъ отступленіи, увеличивали смятеніе, превратившееся далѣе, когда двинулась кавалерія и артиллерія, въ полнѣйшій безпорядокъ; ни на что не обращая вниманія, переѣзжали черезъ всѣ препятствія, встрѣчающіяся на дорогѣ.

Когда подъ утро двинулась пѣхота, то по крайней мѣрѣ хоть мѣсяцъ освѣщалъ дорогу и поэтому остатки корпусовъ Виктора, Ожеро и Лористона могли отступать безпрепятственно. Разрозненныя части различныхъ полковъ и многіе отставшіе отъ истощенія и голода съ наступленіемъ дня присоединялись поодиночкѣ или безпорядочными кучами къ двигающимся войскамъ и придавали всему движенію страшно безпорядочный видъ. Ужасна была судьба раненыхъ, исчисляемыхъ тысячами, лежавшихъ безпорядочными кучами, на открытыхъ площадяхъ или сваленныхъ вмѣстѣ вдоль улицы. Безъ перевязки и безъ пищи провели они ночь; многіе изъ нихъ въ темнотѣ и суматохѣ безъ всякаго сожалѣнія были раздавлены. Въ 2 часа утра корпуса, которые должны были защищать городъ, начали покидать передовыя позиціи и отступать къ Лейпцигскимъ предмѣстьямъ. Едва забрезжилъ день, какъ все пришло въ движеніе, чтобы по возможности лучше, насколько это позволяло время, укрѣпить городъ. Окрайны города въ общемъ были очень удобны для защиты. Однако не удалось избѣжать того, что при отсутствіи единства въ работахъ, а также благодаря темнотѣ и поспѣшности, въ которой должны были производиться работы, нѣкоторые важные пункты были заняты очень слабо, а въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ не было матеріаловъ, необходимыхъ для возведенія укрѣпленій.

Когда союзники открыли наступленіе, то подъ начальствомъ маршаловъ Мармона, Макдональда и Понятовскаго стояли въ галленскомъ предмѣстьѣ — дивизіи Дюрюта изъ 7-го корпуса, Дельма и Брайера изъ 3-го и лейпцигскій гарнизонъ; справа до Зандскихъ воротъ расположилась дивизія Рикара изъ 3-го и дивизія Фридриха изъ 6 корпуса; отъ Гриммайскихъ до Виндмюленскихъ воротъ — дивизія Ледрю и Жерара изъ 11 корпуса; за ними въ качествѣ резерва — дивизіи Шерпантье и Маршана, вправо отъ послѣдней за Басешскимъ садомъ стояла баденская бригада; гессенская бригада расположилась передъ внутренними Гриммайскими воротами; отъ Виндмюленскихъ до Мюнцскихъ воротъ у канала Флесграбенъ бригада Роттенберга изъ старой гвардіи, корпусъ Понятовскаго и дивизія Домбровскаго. Внутри города находились подъ командой баденскаго графа фонъ-Гохберга еще 2 баденскихъ батальона и 1 итальянскій, а также около 1200 саксонцевъ. Всего-на-всего войскъ, предназначенныхъ для защиты города, было около 30.000.

По приказу Шварценберга союзники около 7 часовъ двинулись на Лейпцигъ наступательными колоннами; колонна Колоредо направилась противъ Петровскихъ воротъ, Барклай — противъ Виндмюленскихъ и Зандскихъ воротъ, Беннигсенъ противъ Госпитальныхъ воротъ, сѣверная армія противъ Гриммайскихъ воротъ; саксонская армія противъ Галленскихъ воротъ.

На правомъ крылѣ въ арміи Блюхера медлили наступленіемъ до 10 часовъ, такъ какъ сначала надо было дождаться прибытія корпуса Ланжерона съ того берега Парте. Изъ двухъ дорогъ, ведущихъ къ Лейпцигу, одна шла черезъ мостъ рѣки Парте по направленію къ Галленскимъ воротамъ, другая—черезъ Плейсе въ Розенталь. Блюхеръ для нападенія избралъ первую дорогу,

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

«ПРОЩАЙ» ПАРИЖЪ!

чтобы избѣжать необходимости переходить через второй рукавъ рѣки. Въ то время какъ онъ нетерпѣливо ожидалъ прибытія русскихъ, корпусъ Бюлова взялъ деревни Гроттендорфъ, Фолькмарсдорфъ, Ангеръ и Реудницъ, еще занятыя французами, и со своими передовыми отрядами достигнулъ почти до вершины Гохгерихта. Это было около $9^1/_2$ часовъ. Беннигсенъ, продвинувшись далѣе, достигъ въ это время со своей пѣхотой мѣстности между Гроттендорфомъ и домами, тянущимися вдоль дороги; артиллерія же его, прибывшая какъ разъ въ это время, пыталась пробить брешь въ стѣнѣ Базешскаго сада. Корпусъ Виттгенштейна — изъ колонны Барклая — занялъ позицію къ востоку отъ домовъ, расположенныхъ по дорогѣ, и около 9 часовъ открылъ огонь по непріятельскимъ батареямъ около Зандскихъ и Виндмюленскихъ воротъ. Немного спустя Клейстъ продвинулся впередъ до Квандтской мельницы. Колонна Колоредо наконецъ вышла на дорогу, ведущую въ Пегау, причемъ двѣ бригады остановились восточнѣе д. Пробстгейда, а третья около Борнаерской дороги. Такимъ образомъ около 9 часовъ вся мѣстность передъ Лейпцигомъ была очищена отъ французовъ и около 10 всѣ корпуса союзниковъ были готовы начать наступленіе. Въ это время отъ русскаго Императора былъ полученъ приказъ, предписывающій пріостановить всякія дѣйствія на полчаса. Къ монархамъ, находившимся на Тонбергѣ, около десяти часовъ прибыла депутація отъ магистрата города Лейпцига, а немного позднѣе посланный отъ саксонскаго короля полковникъ Ф. Риссель; и депутація и посланный вручали городъ милосердію побѣдителя и пытались завязать переговоры о сдачѣ города подъ условіемъ свободнаго выхода войскъ. Императоръ Александръ тотчасъ же выразилъ свою готовность по мѣрѣ возможности щадить городъ и послѣ короткаго совѣщанія съ

прусскимъ королемъ, отправилъ къ саксонскому королю генерала фонъ-Толля и подполковника ф.-Нацмера. Однако, эти посланные не добились никакихъ результатовъ. Оба офицера съ большимъ трудомъ, проложивъ себѣ дорогу черезъ улицы Лейпцига, запруженныя войсками, добрались до короля, но, къ своему удивленію, должны были убѣдиться, что онъ за это время успѣлъ повидаться съ Наполеономъ и держится совсѣмъ другого образа мыслей. По вопросу относительно соглашенія о пощадѣ города, онъ отослалъ переговорщиковъ къ французскому коменданту и отвергнулъ даже предложеніе о сложеніи оружія саксонской арміей. Такъ какъ установленный для переговоровъ срокъ давно уже миновалъ, а звукъ сигнальнаго рожка въ прусскихъ войскахъ свидѣтельствовалъ о возобновленіи битвы, то безплодные переговоры были прерваны.

Между тѣмъ союзники начали нападеніе на городскія предмѣстья. Прослѣдимъ, какъ оно протекало—какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ флангѣ. Когда около 11 часовъ ружейный огонь, раздавшійся со стороны восточныхъ предмѣстій, возвѣстилъ, что войска Бюлова уже начали сраженіе, то двинулся и Блюхеръ, не дожидаясь прибытія Ланжерона. Сакенъ получилъ приказаніе прежде всего атаковать укрѣпленія д. Пфаффендорфъ. Его атаки нѣсколько разъ были отбиты; успѣхъ послѣдовалъ только, когда ружейный огонь, раздавшійся въ тылу французовъ, заставилъ ихъ перейти обратно на лѣвый берегъ Парте, послѣ чего Сакенъ направился къ мосту черезъ Парте. Противникъ защищался отчаянно; корпуса Капцевича и Сенъ-При, находившіеся въ этомъ мѣстѣ, несмотря на геройское мужество, не смогли взять моста. И только когда Бюловъ пробился въ самый городъ, то это, а также и то обстоятельство, что французы отступили на лѣвый берегъ Парте, развязало

русскимъ руки и дало имъ возможность перейти рѣку и штурмовать мостъ и ворота. Около $12^1/_2$ они съ Блюхеромъ во главѣ проникли въ городъ; въ то же время войска Сакена завладѣли пространствомъ отъ Галле до Розенталя и почти достигли Ренштедтскаго шоссе, по которому французская армія густыми колоннами направлялась къ Линденау. Сѣверная армія была развернута, когда было получено приказаніе царя прервать битву. Послѣ того, какъ слѣва отъ нея двинулась впередъ колонна Беннигсена, шведскій кронпринцъ рѣшилъ пустить въ дѣло первый свой отрядъ—дивизію Борштеля. Съ большими потерями ея стрѣлки понемногу продвинулись до окрайны городскаго предмѣстья; нѣкоторымъ отрядамъ удалось проникнуть въ сады. Здѣсь завязалась ожесточенная рукопашная битва съ войсками Мармона, въ которой пруссаки могли держаться только съ крайнимъ напряженіемъ. Остальныя части слѣдовали сзади плотными колоннами. Изъ нихъ батальонъ Мирбаха направился противъ Гриммайскихъ воротъ. Ворота состояли изъ двухъ каменныхъ столбовъ и для прохода имѣли съ каждой стороны боковыя двери. Всѣ входы были забаррикадированы. Несмотря на оживленный фланговый огонь изъ зданій, расположенныхъ по сторонамъ, постепенно удалось настолько оттѣснить непріятеля отъ боковыхъ воротъ, что люди поодиночкѣ могли пролѣзть сквозь нихъ. Понемногу батальонъ собрался въ предмѣстьѣ. Но для того, чтобы занять пространство по ту сторону воротъ, силъ было недостаточно, тѣмъ болѣе, что тѣснимыя и обстрѣливаемыя со всѣхъ сторонъ войска тотчасъ же вынуждены были раздробиться. Въ виду упорнаго сопротивленія противника, кронпринцъ двинулъ впередъ для поддержки три батальона изъ дивизіи Гессенъ-Гомбурга. Главныя ворота все еще были заперты; сосѣднія постройки и кладбище были заняты

большими силами непріятеля. Въ концѣ концовъ баталъону ополченцевъ Фрикціуса удалось сдѣлать отверстіе въ слабомъ мѣстѣ стѣны, постепенно пробиться впередъ и занять все предмѣстье, а также, наконецъ, открыть изнутри главныя ворота. Прибывшіе французскіе резервы еще разъ не надолго измѣнили было положеніе вещей и послѣ ожесточенной рукопашной битвы, завязавшейся на площади Іоганна, союзники опять должны были отступать къ воротамъ; но къ счастью прибылъ шведскій егерскій батальонъ съ двумя орудіями и отнялъ у врага площадь Іоганна. Подоспѣли шведскіе отряды и два русскихъ орудія, такъ что вторичная контръ-атака французовъ оказалась безрезультатной и Гриммайскія ворота окончательно остались за союзниками. Дальше къ сѣверу до Георгіевскаго укрѣпленія войска Бюлова также оказались въ тяжеломъ положеніи и на короткое время принуждены были вновь отступить къ Пурцельграбену. Борштель, который, замѣнивъ тяжело раненаго принца Гессенъ-Гомбургскаго, руководилъ бригадой, пославъ подкрѣпленіе изъ 4 батальоновъ, которые отбросили войска Мармона назадъ къ переулку. Послѣ этой неустойчивой битвы, картину которой въ подробностяхъ невозможно возстановить, постепенно удалось по всей линіи пробиться впередъ и, наконецъ, разстроенными массами достигнуть аллеи между Гриммайскимъ шоссе и улицей Гинтергассе. Такія же горячія битвы имѣли мѣста около Мильхинзеля и Зандскихъ воротъ. Только благодаря успѣхамъ на лѣвомъ крылѣ здѣсь было возможно пробиться впередъ.

Чтобы облегчить битву на Гриммайскомъ шоссе и въ переулкѣ, кронпринцъ послалъ къ Госпитальнымъ воротамъ 5 батальоновъ Винценгероде. Къ нимъ примыкалъ батальонъ Бюлова. Удалось проникнуть впередъ черезъ незащищенныя Госпитальныя ворота, а отсюда

по улицѣ Іоганна къ аллеѣ. Между тѣмъ кавалерійской атакой русскія штурмующія колонны вновь были отброшены въ полномъ разстройствѣ назадъ къ воротамъ и только благодаря стойкой поддержкѣ слѣдовавшихъ сзади прусскихъ батальоновъ, удалось вновь овладѣть фронтомъ и опять достигнуть аллеи.

Колонна Беннигсена слѣдовала лѣвѣе и направилась къ Зандскимъ воротамъ, Виндмюленской рощѣ и Петровскимъ воротамъ. Эта колонна дѣйствовала по всей линіи успѣшно; въ короткое время три русскихъ дивизіи, изъ которыхъ только одна встрѣтила стойкое сопротивленіе на Виндмюленской улицѣ, очутились внутри города около аллеи, Конной площади и эспланады. Часть поляковъ сложила передъ ними оружіе. Благодаря тому, что Беннигсенъ продвинулся впередъ съ лѣвой стороны, войскамъ Барклая и Колоредо совсѣмъ негдѣ было развернуть свои силы; поэтому они больше не принимали участія въ битвѣ. Вслѣдствіе этого Клейстъ и Виттгенштейнъ въ 2 часа расположились бивакомъ передъ Петровскими воротами, а Колоредо двинулся по направленію къ Пегау.

Такимъ образомъ около $12\frac{1}{2}$ часовъ борьба за городскія предмѣстья окончилась и нападающіе повсюду достигли самаго города.

Опасеніе Наполеона, что союзники, передвинувъ значительныя силы на лѣвый берегъ Эльстера, весьма серьезно смогутъ повредить отступленію арміи, понемногу исчезало. Около 7 часовъ онъ узналъ, что Бертранъ благополучно достигъ Вейсенфельса. Побудивши магистратъ начать переговоры съ царемъ, дабы задержать наступленіе союзниковъ, онъ въ 9 часовъ простился съ саксонскимъ королемъ. Содержаніе ихъ бесѣды намъ неизвѣстно, но изъ послѣдующаго поведенія короля съ очевидностью явствуетъ, что Наполеонъ не постыдился лжи-

выми увѣреніями обмануть своего вѣрнѣйшаго союзника насчетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Императоръ со своей свитой направился къ Ранштетскимъ воротамъ, съ громаднымъ трудомъ пробираясь сквозь войска, стиснувшія другъ друга, а отсюда по направленію къ Линденау. Извѣстіе о томъ, будто бы въ это время онъ имѣлъ видъ человѣка, впавшаго въ отчаяніе,—несомнѣнный плодъ фантазіи. Человѣкъ, никогда, въ самыхъ безвыходныхъ случаяхъ своей жизни не терявшій присутствія духа, смотрѣвшій съ желѣзнымъ неподвижнымъ лицомъ на ужасную картину переправы черезъ Березину, и здѣсь сохранилъ самообладаніе, затаивъ въ себѣ несомнѣнно мучившія его думы и заботы. Между тѣмъ, какъ командиры, такъ и солдаты предводительствовали войсками и, насколько это было возможно при господствующей сумятицѣ, вполнѣ добросовѣстно исполняли свой долгъ. Но когда послѣ битвы, мѣстами принявшей очень ожесточенный характеръ, предмѣстья были взяты союзниками, исчезъ всякій порядокъ; теперь всѣми овладѣла мысль—скорѣе добраться до спасительной деревни Линденау. Это, естественно, повело къ нѣсколькимъ стычкамъ съ наступающимъ противникомъ, о которыхъ нельзя себѣ составить яснаго представленія.

Войска Бюлова, взявъ Георгіевское укрѣпленіе, встрѣтили около Дровяного рынка непреодолимое сопротивленіе. Только послѣ того какъ русскіе (изъ силезской арміи) удачно провели штурмъ моста черезъ Парте, а также проникли на Дровяную площадь, удалось окружить французовъ съ двухъ сторонъ и отбросить къ Ранштетскимъ воротамъ. Многіе уже здѣсь сложили оружіе. Передъ внутренними Гриммайскими воротами завязалась отчаянная борьба между остатками дивизій Шарпантье и Маршана и войсками Бюлова, наступающими со всѣхъ улицъ, домовъ и садовъ. Гессенской бригадѣ, стоящей

между улицами Гинтергассе и Новой, удалось послѣ сопротивленія, оказаннаго съ необычайной храбростью, проникнуть черезъ малыя Георгіевскія ворота внутрь города; другая же часть натолкнулась на запертыя внутреннія Гриммайскія ворота, гдѣ, перемѣшавшись съ французами, выдерживала уничтожающій ружейный и картечный огонь непріятеля. Ужасный ревъ, проклятія и шумъ огласили воздухъ передъ запертыми воротами. Послѣ отчаяннаго натиска ворота должны были уступить силѣ и массы войска ринулись въ городъ. Съ огромнымъ трудомъ баденскому отряду, охранявшему ворота, удалось опять запереть и забаррикадировать ихъ, а также занять стѣны и бойницы, раньше чѣмъ преслѣдующіе, которымъ орудія и повозки мѣшали быстро продвинуться впередъ, были въ состояніи пробиться. Но войска все болѣе стягивались отовсюду къ аллеѣ; всѣ вмѣстѣ ринулись на ворота, которыя наконецъ во второй разъ поддались. Такимъ образомъ былъ открытъ свободный входъ внутрь города и своимъ и чужимъ. Въ результатѣ французы, которыхъ побѣдители пруссаки преслѣдовали по пятамъ и по всѣмъ направленіямъ, были окончательно сломлены. Около церкви св. Николая остатки гессенской бригады сложили оружіе, а саксонскія и баденскія войска, все еще державшіяся на рыночной площади, отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Другой баденской бригадѣ, метавшейся впередъ и назадъ между Петровскими и Гриммайскими воротами, благодаря постоянно мѣнявшимся приказамъ удалось не надолго оттѣснить колонну Винценгероде, проникнувшую въ переулокъ Іоганна; но затѣмъ эта колонна попала въ общій безпорядочный потокъ бѣгущихъ. Только около фонтана, гдѣ Понятовскій выставилъ часть своего корпуса, удалось задержать русскихъ, преслѣдующихъ непріятеля. Въ то время какъ вблизи отъ упомянутаго фонтана

ожесточенно дрались другъ съ другомъ давнишніе національные враги — поляки и русскіе, батальоны Бюлова направлялись различными путями по улицамъ города къ западному выходу, а на сѣверѣ — передъ Галленскими воротами войска Блюхера готовились къ послѣднему рѣшительному натиску, вдругъ дрогнула земля и сотряся воздухъ отъ глухого взрыва. Функебургскій мостъ на улицѣ, ведущей къ Линденау, взлетѣлъ на воздухъ...

Припомнимъ, что нѣкоторые слабые отряды корпуса Сакена черезъ Розенталь продвинулись къ Ранштетскому шоссе. Очень скоро они остановились всего въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ улицы, ведущей къ Линденау, по которой двигались густыя массы французской арміи, направляясь къ спасительному правому берегу Эльстера; войска Сакена немедленно открыли огонь по удаляющемуся противнику. Съ восточнаго конца моста были сдѣланы приготовленія для взрыва; инженеръ полковникъ Монфоръ получилъ приказаніе уничтожить мостъ, какъ только послѣдніе французскіе отряды перейдутъ его. Монфоръ, не освѣдомленный въ достаточной степени о порядкѣ отступленія, отправился къ окрестностямъ Линденау, чтобы разузнать обо всемъ лично у Бертье, но вслѣдствіе невѣроятной сутолоки не могъ пробиться назадъ къ мѣсту, которое было ему довѣрено. Капралъ, оставленный съ нѣсколькими саперами около мины и получившій отъ Монфора приказаніе взорвать мостъ, какъ только покажется непріятель съ цѣлью завладѣть мостомъ, при приближеніи саксонскихъ егерей рѣшилъ, что моментъ наступилъ, и зажегъ фитиль. Картина получилась неописуемо ужасная: камни, балки, повозки, лошади и множество людей были разорваны въ куски, разбросаны и съ грохотомъ падали въ сосѣдніе сады и на улицы города.

Бѣгущіе остановились. На тѣхъ, кто былъ впереди, посыпались градомъ раскаленные камни и цѣлая масса изуродованныхъ человѣческихъ тѣлъ; войска же, слѣдующія сзади, отъ которыхъ густое облако дыма на нѣсколько минутъ скрыло это зрѣлище, бѣшено бросились впередъ, пока наконецъ собственными глазами не увидѣли эту невѣроятную картину. Надо было выбрать одно изъ двухъ: или броситься въ рѣку и спастись вплавь, или сложить оружіе передъ преслѣдующими союзниками.

Между тѣмъ на аллеѣ и около фонтана битва продолжалось съ неослабѣвающей силою. Окончилась она только послѣ того, какъ нѣсколькимъ прусскимъ батальонамъ удалось изъ центра города черезъ малыя ворота Ѳомы проложить себѣ дорогу къ аллеѣ и такимъ образомъ около фонтана отрѣзать сражающимся французамъ и полякамъ отступленіе. Теперь у побѣжденныхъ оставался единственный выходъ: перебраться черезъ Плейсе и Эльстеръ. Черезъ первую рѣку было положено нѣсколько небольшихъ мостиковъ, ведущихъ къ парку Рудольфа и Рейхальскому саду; наоборотъ, черезъ Эльстеръ не было никакихъ переходовъ. Отрѣзанные отъ спасительнаго берега многочисленными развѣтвленіями рѣки, французы тысячами сдавались союзникамъ, тѣснящимъ ихъ сзади; другіе пытались вплавь добраться до противоположнаго берега. Нѣкоторымъ, какъ напримѣръ маршалу Макдональду, это удалось; сотни же, среди нихъ и князь Понятовскій, погибли въ рѣкѣ. Подобныя сцены разыгрались и далѣе къ сѣверу на Флейшерской площади. Здѣсь столпилась масса войскъ, отступающихъ по направленію отъ Галленскихъ воротъ и изъ центра города, а двигающіяся по разнымъ направленіямъ повозки образовали непроходимый хаосъ. И здѣсь надо было переходить рѣку по мосткамъ подъ

уничтожающимъ огнемъ ботальоновъ Ланжерона, Сакена и Бюлова, густой массой слѣдующихъ за непріятелемъ. Тысячи солдатъ и здѣсь попытались спастись вплавь. Не успѣвшіе же перейти на ту сторону, а такихъ была большая часть—около часу дня сложили оружіе. Еще не замолкъ громъ битвы, когда въ завоеванный городъ съ блестящей свитой прибыли Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Союзныя и непріятельскія войска, взятыя въ плѣнъ, выстроились шпалерами и солдатское «ура» слилось съ радостными криками жителей Лейпцига. На Рыночной площади къ монархамъ присоединились шведскій кронпринцъ, Беннигсенъ, Блюхеръ и Гнейзенау. Они попробовали было пробраться къ Ранштетскимъ воротамъ, — однако улицы были такъ загромождены трупами и повозками, что скоро пришлось вернуться обратно. Встрѣтивъ императора Франца, прибывшаго изъ дер. Рета, они затѣмъ произвели смотръ шведской арміи, выстроившейся парадомъ около Реудница. Вообще побѣдное ликованіе заставило совершенно забыть о томъ, что надо принять необходимыя мѣры для преслѣдованія разбитаго противника... Съ общечеловѣческой точки зрѣнія это понятно, но съ точки зрѣнія военнаго искусства это было непростительной ошибкой. Только Блюхеръ въ 11 часовъ двинулъ вслѣдъ французамъ по направленію черезъ Шкеудицъ кавалерію Ланжерона и Сакена; пѣхота, возстановивъ порядокъ, сейчасъ же должна была слѣдовать за кавалеріей. Изъ арміи Беннигсена до вечера черезъ Эльстеръ перешла только кавалерія и дивизія Паскевича.

Такимъ образомъ, наконецъ, союзники добились цѣли. Но это стоило имъ тяжелыхъ потерь. За нѣсколько дней между 14-мъ и 19-мъ октября союзники потеряли около 1800 офицеровъ и 52000 солдатъ. Изъ этого числа на долю пруссаковъ приходится 498 офицеровъ и 15535

солдатъ; на долю русскихъ—865 офицеровъ и 21740 солдатъ; австрійцы потеряли 420 офицеровъ и 14538 солдатъ; шведы же—всего 9 офицеровъ и 169 солдатъ. Понятно, что французы меньше потеряли убитыми и ранеными и гораздо больше плѣнными.

По наиболѣе вѣроятнымъ подсчетамъ потери французовъ составляли: убитыми и ранеными 37000 человѣкъ, взятыми въ плѣнъ 15000, больными и ранеными (въ лазаретахъ Лейпцига) 15000; перебѣжчиковъ, растерявшихся и дезертировъ было 5000,—такимъ образомъ всего было потеряно 72000 человѣкъ. Союзникамъ досталось 28 знаменъ, простыхъ и съ орлами, 325 орудій, 900 повозокъ съ военными снарядами и 40000 ружей. 6 французскихъ генераловъ было убито, 12 ранено, 36 взято въ плѣнъ; 19-го и 20-го числа черезъ рѣку Заале перешло всего только 80000 войска.

Саксонскій король попалъ въ плѣнъ; 23-го октября онъ былъ отправленъ въ Берлинъ.

Ужасна была судьба раненыхъ. Недостатокъ ощущался буквально во всемъ необходимомъ: въ помѣщеніи, пищѣ, перевязочномъ матеріалѣ, медицинскомъ персоналѣ. Бѣдствія, претерпѣваемыя всѣми, превосходили всякія описанія и тысячи людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ могли бы сохранить жизнь, должны погибнуть отъ холода, голода и отсутствія ухода.

«18-го числа величайшій полководецъ того времени не смогъ бы найти выхода изъ своего положенія, если бы ему не помогли противники. Не его заслуга, что вновь не повторился Седанъ» *), пишетъ историкъ. Съ этими словами необходимо согласиться. Для того, чтобы нанести французской арміи 19-го и 20-го числа смертельный ударъ, нужна была только добрая воля. Опе-

*) V. Quistorp. Geschichte der Nordarmee. II 307.

редить французовъ до рѣки Заале, конечно, было нельзя, такъ какъ генералъ Бертранъ уже вечеромъ 18-го достигнулъ Вейсенфельса, откуда было всего $2^1/_2$ мили до Наумбурга, въ то время какъ ближайшій корпусъ союзниковъ, именно корпусъ Гіулая, двигался отъ Гауча по направленію черезъ Пегау, въ 6—7 миляхъ отъ послѣдняго. Но ни разу даже и не было сдѣлано попытки напасть на французовъ; австрійскимъ войскамъ подъ начальствомъ генерала Муррея, командированнымъ къ рѣкѣ Заале, позабыли даже во-время приказать занять проходъ отъ д. Кезенъ, разрушить и защищать мосты черезъ Заале и Унштрутъ!

Князя Шварценберга упрекали, почему онъ еще вечеромъ 18-го не двинулся съ главной арміей влѣво и при наличности благопріятныхъ условій вновь не произвелъ маневра отъ Гросъ-Гершене, т.-е. что онъ не напалъ съ фланга на французскую армію, отступающую одной колонной по Лейпцигъ—Вейсенфельской дорогѣ; въ это время часть силезской арміи могла бы перейти Эльстеръ и Люппе и открыть дѣйствія противъ другого фланга съ противоположной стороны. Но подобный упрекъ несправедливъ. Такой маневръ съ войсками, сражавшимися по большей части до самаго вечера, былъ немыслимъ, т. к., во-первыхъ, необходимо было совершить ночной переходъ до Пегау, приблизительно въ $3^1/_2$ мили, а затѣмъ утромъ еще пройти 2—3 мили. Болѣе возможнымъ представлялось, выдѣливъ изъ главной арміи достаточное количество кавалеріи и артиллеріи, двинуть эти силы въ ночь на 19 число на Цвекау и Пегау, не трогая однако резервовъ, а отсюда съ утра слѣдующаго дня начать безпокоить французовъ, нападая на нихъ при удобномъ случаѣ, задерживать ихъ и такимъ образомъ дать возможность главной арміи послѣ взятія Лейпцига догнать французскую армію. Подобнымъ же

образомъ кавалерія силезской арміи могла бы дѣйствовать со стороны нижняго Эльстера. Если бы 19-го можно знать, что французы въ дѣйствительности уже покинули поле сраженія, тогда было бы болѣе цѣлесообразно двинуть всю главную армію, резервы и всю силезскую армію вслѣдъ за корпусомъ Іорка; штурмъ Лейпцига надо было поручить отряду Беннигсена и сѣверной арміи.

Почему не поступили именно такъ, намъ неизвѣстно. Нѣсколько разъ высказывали предположеніе, что здѣсь главную роль сыграли дипломатическія соображенія, что союзники сознательно хотѣли открыть Наполеону путь отступленія къ Рейну. Если въ пользу этого соображенія имѣются достаточныя основанія, то тѣмъ самымъ создаются и извиняющія обстоятельства для «полководца» Шварценберга, который въ данномъ случаѣ былъ только исполнителемъ высшихъ предначертаній. Но такихъ доказательствъ нѣтъ и до настоящаго времени, поэтому будетъ болѣе правильнымъ искать причины упущеній, сдѣланныхъ союзниками 18-го и 19-го октября, въ личныхъ качествахъ высшаго командующаго персонала, въ тѣхъ намѣреніяхъ и взглядахъ на войну, которыхъ придерживались эти лица, а также и тѣ, кто окружалъ ихъ. «Не совсѣмъ безопасно доводить до отчаянія непріятеля, у котораго еще достаточно силъ» — такъ отвѣтилъ впослѣдствіи Шварценбергъ на вопросъ, почему союзники не воспрепятствовали отступленію непріятеля. Вообще большинство генераловъ того времени, повидимому, держалось такихъ же воззрѣній и было убѣждено въ необходимости открыть Наполеону свободный путь къ отступленію.

Если въ общемъ имѣется достаточно основаній для неблагопріятной оцѣнки общаго руководства арміей союзниковъ, то въ еще большей степени эта критика относится къ спеціальнымъ распоряженіямъ относительно

штурма Лейпцига. Въ данномъ случаѣ положеніе дѣлъ было какъ нельзя болѣе яснымъ. Когда утромъ 19-го взошедшее солнце разогнало туманъ, то отчетливо былъ замѣтенъ французскій корпусъ, направлявшійся къ предмѣстьямъ; въ отдаленіи виднѣлся непрерывный потокъ двигающихся колоннъ, направляющихся къ Линденау. Можно было предвидѣть, что арріергарду французской арміи придется защищать городъ съ величайшимъ упорствомъ.

Если бы захотѣли загородить непріятелю отступленіе и отрѣзать войска, защищающія городъ, отъ остальной арміи, то для этого необходимо было держаться сѣверной и восточной сторонъ города, а главный натискъ направить на Петровскія ворота и Розенталь. Если бы удалось пробиться въ эти мѣста, то можно было бы ударить прямо на ту дорогу, по которой отступала французская армія, а отступающія колонны обстрѣливать съ обоихъ фланговъ; всѣхъ же находившихся въ городѣ можно было отрѣзать отъ моста. Чѣмъ скорѣе завладѣли бы западной аллеей, тѣмъ большихъ результатовъ можно было бы достигнуть. Такъ какъ уже на разсвѣтѣ боевыя колонны были готовы, то ничто не мѣшало двинуть ихъ сейчасъ же, какъ только выяснилось положеніе дѣлъ.

Но, какъ мы видѣли, ничего подобнаго не было сдѣлано: съ наступленіемъ медлили безъ всякой видимой причины до 10 часовъ; главныя усилія направили не на западную часть города, а противъ Гриммайскихъ и Галленскихъ воротъ, которыя и безъ того были бы очищены, если бы удалось достигнуть западной аллеи. Даже въ тѣхъ мѣстахъ городскихъ окраинъ, гдѣ разгорѣлась кровавая битва, были выставлены совершенно недостаточныя силы; отъ мысли подготовить штурмъ превосходнѣйшими силами артиллеріи отказались со-

всѣмъ. Такимъ образомъ нападеніе на Лейпцигъ велось безъ всякаго плана; недоставало твердой власти одного высшаго руководителя, который опредѣленно указалъ бы каждой отдѣльной арміи ея задачу и слѣдилъ бы за осмысленнымъ исполненіемъ его приказаній. Можетъ-быть, отказавшись пустить въ ходъ всѣ силы главной арміи, разсчитывали сберечь войска? Можетъ-быть просто боялись дать поводъ врагу разрушить одинъ изъ лучшихъ городовъ Германіи? Можетъ-быть были политическія причины, препятствовавшія Шварценбергу выполнить свой военный долгъ? или, наконецъ, виной всему является, какъ думаютъ многіе, ужасающее обаяніе наполеоновскаго военнаго генія, которое еще не разсѣялось среди вождей-союзниковъ, поддерживая и порождая всеобщую безпомощность? Мы не знаемъ этого и все, что думали и писали по этому поводу, лежитъ въ области недоказуемыхъ предположеній.

Чаще всего Наполеона упрекаютъ въ томъ, что его могучій духъ, его энергія, его геній, благодаря которому онъ всегда легко выходилъ изъ всякаго затрудненія, все это обнаруживалось только тогда, когда дѣло шло о достиженіи какой-либо положительной цѣли, но что имъ постоянно овладѣвало эгоистическое равнодушіе, когда надо было позаботиться о сохраненіи войскъ, сослужившихъ ему свою службу и теперь пришедшихъ въ негодность.

Здѣсь при Лейпцигѣ, такъ же, какъ и послѣ сраженія при Березинѣ, движущая пружина его воли настолько ослабѣла, что онъ больше не былъ въ состояніи принять мѣры, необходимыя для отступленія арміи. Насколько подобное сужденіе о Наполеонѣ, вообще говоря, справедливо, остается недоказаннымъ; у насъ такъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній о дѣятельности его подъ Лейпцигомъ и о приказаніяхъ, отданныхъ имъ для отступленія ар-

міи, что мы не въ состояніи составить себѣ безусловно правильное мнѣніе по этому вопросу. Изъ всего того, что намъ извѣстно, мы заключаемъ, что Наполеонъ, установивъ порядокъ отступленія арміи и распредѣливъ корпуса, которымъ было предписано занять предмѣстья, 19-го числа прекратилъ всякую дѣятельность, предоставивъ маршаламъ опредѣлять всѣ конкретныя подробности дѣйствій. Самъ же, какъ мы видѣли, посвятилъ всю ночь дальнѣйшему, что должно было еще только случиться, но что, однако, было не менѣе важно. Въ результатѣ, такъ какъ армія привыкла къ тому, что императоръ всегда заботится о ней, самыя простыя мѣры для облегченія отступленія войскъ были упущены, а въ планѣ защиты города 19-го числа недоставало единства, которое въ данномъ случаѣ, когда арміей командовало нѣсколько маршаловъ, могъ внести только императоръ. Потому и бѣдствія французовъ оказались такъ велики, а потери такъ невознаградимы. Но они были бы еще болѣе значительны, если бы союзники лучше цѣнили время; наоборотъ, ихъ можно было бы уменьшить, если бы Наполеонъ узналъ о безсиліи высшихъ руководителей непріятельской арміи и сумѣлъ бы использовать это обстоятельство. Но подобный упрекъ можно сдѣлать одинаково, какъ князю Шварценбергу, такъ и королю.

Записки актрисы Фюзиль.

Я уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ, а когда вернулась въ Москву, нашла ее въ волненіи, а иностранцевъ въ большомъ безпокойствѣ. Взятіе Смоленска не способствовало успокоенію умовъ. Все дворянство удалилось, изъ Кремля и Воспитательнаго Дома вывозили сокровища и драгоцѣнности. Тянулась безпрерывная вереница экипажей и телѣгъ, нагруженныхъ мебелью, картинами и всевозможными вещами. Городъ сталъ уже пустыненъ, и по мѣрѣ приближенія французской арміи бѣгство усиливалось. Рожденная въ Вюртембергскомъ герцогствѣ, въ Штутгардтѣ, я надѣялась получить черезъ протекцію императрицы-матери, которая была оттуда же, паспортъ на выѣздъ въ Петербургъ, куда я хотѣла переѣхать. Несмотря на рекомендацію графа Маркова, бывшаго посланника во Франціи, мнѣ въ этомъ отказали. Хотя на сценѣ Московскаго Императорскаго театра уже съ нѣкоторыхъ поръ не давалось представленій, такъ какъ контрактъ съ нѣсколькими артистами кончился, и они не были еще замѣщены, никто изъ оставшихся не имѣлъ права уѣхать безъ личнаго разрѣшенія камергера, и даже безъ его разрѣшенія невозможно было получить почтовыхъ лошадей. Майковъ *) указывалъ, что

*) Директоръ Московскаго театра. П. Б.

онъ уже давалъ мнѣ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Если бы онъ могъ предположить, что отказъ въ новомъ отпускѣ принесетъ мнѣ такое большое несчастье, я думаю, что онъ не отказалъ бы мнѣ. Это погубило мое состояніе и разстроило мою будущность, лишивъ пенсіи.

Изъ боязни очутиться безъ съѣстныхъ припасовъ, каждый запасался провизіей. Безпокойство скоро овладѣло всѣми, такъ какъ говорили, что всѣ должны погибнуть подъ развалинами города. Прятались по отдаленнымъ кварталамъ Москвы, и какъ городъ очень великъ, то разсчитывали, что часть города, по которой пройдетъ армія, будетъ сожжена первою, а, можетъ-быть, и единственною: никто не могъ себѣ представить, что весь громадный городъ будетъ принесенъ въ жертву пламени; однако все же избѣгали жить въ деревянныхъ кварталахъ. Всѣ кеменные дворцы, покрытые желѣзомъ, казалось, не могли сгорѣть, и въ нихъ охотнѣе всего селились.

Я покинула домъ, въ которомъ жила, и поселилась съ семьей артистовъ, жившей въ громадномъ дворцѣ князя Голицына на Басманной, мѣстѣ уединенномъ и противоположномъ тому, черезъ которое должна была войти армія. Мужу моей пріятельницы, Вендрамини, князь поручилъ сдѣлать гравированные снимки съ его великолѣпной картинной галлереи. Онъ жилъ въ небольшомъ крылѣ дворца, выходящемъ въ обширный садъ, гдѣ можно было удобно спрятаться на случай, если бы народъ прибѣгнулъ къ насилію, а также и отъ огня.

Кромѣ нѣсколькихъ оранжерей, гдѣ мы могли найти убѣжище отъ поисковъ, у насъ былъ еще дворецъ, одинъ занимавшій всю сторону улицы, а напротивъ дворецъ князя Александра Куракина, въ которомъ мы также могли бы спрятаться: оба дворца были покинуты владѣльцами.

Итакъ, мы воображали себя въ неприступной крѣпости и, успокоенные, занялись пріобрѣтеніемъ необходимыхъ вещей. Я перевезла часть своихъ и безразсудно покинула домъ, чтобы переселиться въ другой, ставшій жертвою пламени. Но не одна я такъ жестоко ошиблась. Казалось, злой духъ заставлялъ меня видѣть опасность тамъ, гдѣ я могла обезпечить свое спокойствіе. Когда я проѣзжала городъ, чтобы соединиться съ своими друзьями на Басманной, улицы были пустынны, и едва можно было встрѣтить нѣсколько простолюдиновъ. Черезъ нѣсколько времени я вдругъ услыхала въ отдаленіи унылое пѣніе, и вскорѣ моимъ глазамъ представилось необычайное и трогательное зрѣлище. Громадная толпа, со священниками въ ризахъ во главѣ, несла иконы; мужчины, дѣти, всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Эта картина цѣлаго народа, покидающаго свой городъ и уносящаго святыни, раздирала сердце. Я стала на колѣни и начала вмѣстѣ съ ними плакать и молиться. Къ друзьямъ своимъ я пріѣхала совсѣмъ разстроенная этимъ умилительнымъ зрѣлищемъ.

Мы жили спокойно въ продолженіе 8—10 дней. Въ концѣ августа (по русскому счету) пришли намъ сказать, что армія приближается.

Каждую минуту взбирались мы на крышу дома, смотрѣли въ подзорную трубу и однажды вечеромъ замѣтили бивуачные огни. Испуганные слуги вошли къ намъ и сказали, что полиція стучалась ко всѣмъ и предлагала жителямъ выѣзжать, такъ какъ городъ будутъ жечь, и что уже увезли пожарныя трубы; «мы не хотимъ больше оставаться здѣсь», прибавили они. И, дѣйствительно, мы узнали, что полиція покинула городъ, что не могло служить къ успокоенію.

Кромѣ толстой служанки, которая пекла намъ хлѣбъ и напивалась, чтобы излѣчиться отъ страха, мы оста-

лись безъ прислуги. Эта женщина была намъ очень полезна впослѣдствіи. Такъ какъ моя пріятельница была очень пуглива, то я не ложилась всю ночь. Я не хотѣла сообщать ей мои соображенія, боясь ея нервныхъ припадковъ. Мѣстность наша была пустынна, и отъ времени до времени проходили пьяные, грубо ругавшіеся. И этотъ день провели мы въ большомъ безпокойствѣ, потому что до насъ дошелъ слухъ, что кабаки разбиты. Слѣдующую ночь шумъ усилился, и мнѣ послышались крики: «Французы». Я ждала каждую минуту, что къ намъ ворвутся.

Двѣ ночи провели мы въ ужасномъ состояніи; начиналась третья, не принеся намъ перемѣны въ нашемъ положеніи, потому что мы не знали, что происходитъ внутри города. Больная и уставшая, бросилась я спозаранку въ постель, а друзья пошли на крышу дома, какъ и въ предыдущіе дни. Вдругъ г-жа Вендрамини опрометью вбѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ: «Пойдите, пожалуйста, посмотрите на комету; она удивительна, точно огненный мечь: она, навѣрно, предвѣщаетъ намъ бѣду».

Зная, что она очень суевѣрна, я не особенно обезпокоилась; однако, увлеченная ею, я взошла на крышу и въ самомъ дѣлѣ увидала нѣчто необычайное. Поговоривъ о явленіи и ничего въ немъ не понимая, мы заснули. Въ шесть часовъ утра раздалось нѣсколько ударовъ въ наружную дверь. Я побѣжала въ комнату друзей: «Ну, теперь мы погибли,—сказала я,—дверь выламываютъ». Однако я услыхала, что вызываютъ по имени хозяина дома. Заглянувъ въ щель ставни, мы увидали своихъ знакомыхъ. Это былъ Торіакъ, эмигрантъ, бывшій офицеръ императорской арміи. «О, Боже, въ той мѣстности идетъ рѣзня, и онъ спасается къ намъ», воскликнула я.

Торіакъ разсказалъ, что пожаръ начался близъ его дома, и онъ, боясь, что его домъ сгоритъ, пришелъ просить у него пріюта для себя и еще для двухъ лицъ. Получивъ согласіе, онъ ушелъ за остальными. Вендрамини рискнулъ пройти до конца улицы и, вернувшись, сказалъ, что необычайное явленіе, замѣченное его женою, была бомба съ ракетою, упавшая на домъ князя Трубецкого на Покровкѣ (улица, близкая къ намъ), что онъ горитъ, такъ же, какъ и сосѣдніе дома. Онъ снова ушелъ собирать вѣстей, а мы рѣшились высунуться изъ окна. Я увидала коннаго солдата; онъ спрашивалъ по-французски: «Это сюда?» Судите о моемъ изумленіи. Менѣе трусливая, нежели моя пріятельница, я крикнула ему: «Господинъ солдатъ, вы—французъ?»—«Да, сударыня». «Значитъ, французы здѣсь?» — «Они вошли въ предмѣстья вчера, въ три часа».—«Всѣ».—«Всѣ». «Радоваться намъ или тревожиться?» сказала я пріятельницѣ. «Мы избавились отъ одной опасности, чтобы впасть, можетъ-быть, еще въ большую».

Размышленія наши были печальны, и событія показали, что это предчувствіе было вѣрно.

Тѣ, кто просилъ у насъ пріюта, прибыли, нагруженные вещами, которыя имъ удалось спасти. Они разсказывали, что огонь уже охватилъ различныя улицы, что старались его потушить, но, за неимѣніемъ пожарныхъ трубъ, это очень трудно сдѣлать. Меня подмывало пойти узнать, не случилось ли чего съ моими друзьями и домомъ, гдѣ оставалась мебель и тѣ вещи, которыя я не смогла перевезти. Меня предупредили, что безопаснѣе итти пѣшкомъ, такъ какъ, за недостаткомъ лошадей въ арміи, забирали всѣхъ попадавшихся. «Впрочемъ, — прибавилъ кто-то, — такъ какъ французы очень любезны, то, можетъ, вашихъ и не отнимутъ. Я лично не хочу рисковать своими:

они намъ очень будутъ нужны, если придется спасать вещи».

Казалось, онъ обладалъ даромъ пророчества.

Въ полдень я взяла дрожки у одного изъ знакомыхъ и отправилась въ городъ. Всѣ дома были полны военными, въ моемъ жили два жандармскихъ офицера; все было вверхъ дномъ. Такой безпорядокъ, по ихъ словамъ, нашли они, когда въѣхали въ домъ. Тамъ оставались только русскіе слуги, а такъ какъ офицеры ихъ не понимали, то и подумали, что квартира покинута. Они очень уговаривали меня опять переѣхать туда, увѣряя, что мнѣ больше нечего бояться. Это меня мало соблазняло, ибо сосѣдній огонь могъ каждую минуту охватить и мой домъ. Я вернулась къ друзьямъ при свѣтѣ пылающихъ зданій. Благодаря сильному вѣтру, пожаръ быстро распространялся; казалось, что стихіи сговорились сжечь до тла этотъ несчастный городъ.

Осень въ Россіи прекрасна, и было еще только 15-е сентября. Вечеръ былъ хорошъ, и мы пошли по сосѣднимъ съ дворцомъ князя Трубецкого улицамъ, посмотрѣть на пожаръ. Зрѣлище ужасающее и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Четыре ночи не зажигали мы огня: у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Отъ времени до времени слышались легкіе взрывы, какъ бы выстрѣлы изъ ружья, и тотчасъ же поднималось черное облако дыма. Черезъ нѣсколько минутъ оно краснѣло, становилось огненнымъ и скоро превращалось въ огненный потокъ. Черезъ нѣсколько часовъ дома сгорѣли до тла.

Вернувшись, я застала г-жу Вендрамини, разговаривающую съ раненымъ офицеромъ. «Я просила господина помѣститься у насъ,—сказала она;—домъ нашъ на пустынной улицѣ, мало ли что можетъ съ нами случиться. Онъ совѣтуетъ даже попросить караула».

На слѣдующее утро я снова вышла за свѣдѣніями. Одна сторона бульвара, который я пересѣкла, представляла собою громадный костеръ; нѣсколько польскихъ солдатъ рыскало по улицамъ, и получалось впечатлѣніе, что городъ отданъ на разграбленіе. Я пошла къ губернатору, но пріемная была биткомъ набита, и мнѣ не удалось съ нимъ поговорить.

Я направилась домой; молодой, очень вѣжливый офицеръ остановилъ меня, чтобы предупредить, что одной ходить опасно, и вызвался проводить. Положеніе было настолько опасно, что я не стала отказываться. Онъ хотѣлъ сойти съ лошади и итти со мною, но я воспротивилась. На поворотѣ одной улицы заплаканныя женщины умоляли защитить ихъ отъ солдатъ, которые грабили дома, и онъ разогналъ негодяевъ.

Я спѣшила вернуться, боясь, что у насъ грабятъ; но пока еще, благодаря нашей отдаленности, мы были избавлены отъ этого: офицеръ могъ бы еще нѣкоторое время удерживать ихъ. Мой молодой провожатый пообѣдалъ съ нами, былъ остроуменъ, говорилъ о модахъ и театрахъ, и я вскорѣ различила въ немъ, несмотря на военные усы, франта изъ Chaussée-d'Antin. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ штабъ и въ Петровское, и больше я его не видѣла. Мнѣ было бы жаль, если бъ съ нимъ случилось какое несчастіе, потому что онъ любилъ свою мать. Наполеонъ, узнавъ, что въ Кремлѣ заложены мины, переѣхалъ въ Петровское. Мы рѣшили, г-жа Вендрамини, я и раненый офицеръ, отправиться на слѣдующій день въ Петровское и попросить стражи.

День, въ который мы предприняли эту поѣздку, останется для меня памятнымъ. При отъѣздѣ домъ нашъ былъ еще цѣлъ, и не было признаковъ огня въ сосѣднихъ улицахъ. Дочь г-жи Вендрамини, дѣвочка лѣтъ тринадцати, была съ нами; она видѣла передъ тѣмъ по-

жаръ только издалека. Первый пожаръ, поразившій ее, былъ пожаръ Красныхъ воротъ, наиболѣе древнихъ въ Москвѣ. Мы поѣхали по обыкновенной дорогѣ, бульваромъ, но тамъ проѣхать было невозможно: все было въ огнѣ. Мы направились вверхъ по Тверской; тамъ пожаръ былъ еще сильнѣе, и большой театръ, куда мы потомъ поѣхали, представлялъ сплошной костеръ. Близъ него находился запасъ дровъ на весь годъ, что, равно какъ и самый деревянный театръ, было пищею этому грандіозному пламени. Повернули направо — эта сторона казалась намъ менѣе въ огнѣ. Едва проѣхали мы полъ-улицы, какъ вѣтеръ съ такою силою перебросилъ огонь, что надъ нами образовался огненный сводъ. Это можетъ показаться преувеличеніемъ, но это было на самомъ дѣлѣ. Мы не могли ѣхать ни впередъ, ни въ сторону, и ничего не оставалось, какъ вернуться по прежней дорогѣ. Но каждую минуту огонь усиливался, головешки летѣли въ нашу коляску, и кучеръ, сидя бокомъ на козлахъ, судорожно держа вожжи, повернулъ къ намъ лицо, искаженное ужасомъ.—Назадъ!—закричали мы ему. Это было трудно сдѣлать, но все же ему удавалось изъ чувства самосохраненія держать лошадей. Онъ повернулъ, пустилъ ихъ вскачь, и мы домчались до бульвара. Мы поѣхали домой, поздравляя себя, что можемъ, наконецъ, дать отдохнуть глазамъ отъ пыли и огня.

Никогда не забуду впечатлѣнія отъ представившагося нашимъ глазамъ зрѣлища. Домъ, куда мы разсчитывали спокойно вернуться, гдѣ часъ тому назадъ не было и признака искры, стоялъ въ огнѣ. Его подожгли, вѣроятно, недавно, потому что люди, жившіе во флигелѣ, еще ничего не замѣчали, и только крики дѣвочки Вендрамини заставили ихъ выбѣжать. Дитя совсѣмъ потеряло голову и кричало: «Спасайте, мама, спасайте все,

о, Боже, мы погибли!» Эти крики и зрѣлище надрывали мнѣ сердце. Я вспомнила о моей дочери и возблагодарила Бога, что я одна въ эту жестокую минуту.

Обладая счастіемъ не теряться при опасности, я занялась спасеніемъ другихъ и потомъ уже постаралась спасти наиболѣе цѣнныя свои вещи. Толстая служанка, единственная оставшаяся у насъ, помогала мнѣ переносить ихъ въ садъ. Мужчины и даже раненый офицеръ почти потеряли головы; они метались изъ стороны въ сторону, а дѣло не подвигалось: рубили топорами дверь, а рядомъ была дверь открыта. Нѣсколько офицеровъ вошли въ садъ и предложили на помощь солдатъ. Въ сущности такъ спѣшить не представлялось необходимости: дворецъ отдѣлялся отъ флигеля садомъ и оранжереями. Правда, огонь могъ перейти на него по оранжереямъ, что и случилось, но только на слѣдующій день. Если бы въ то время головы лучше работали, меньше бы вещей погибло; но страхъ не разсуждаетъ, къ тому же крики матери и дочери потрясали всѣхъ.

Когда я все перенесла въ садъ, то сѣла рядомъ съ портретомъ старшей дочери, съ которымъ не могла разстаться, и стала спокойно наблюдать за происходившимъ. Не имѣя болѣе ни дрожекъ, ни коляски, я рисковала все потерять. Тотчасъ же приняла я рѣшеніе: связала вмѣстѣ наиболѣе нужныя мнѣ вещи и положила ихъ на дрожки къ одному товарищу бѣдствія, а другой свертокъ поменьше отдала къ офицеру, котораго сопровождалъ солдатъ Мартино, славный и очень обязательный парень. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я уложила въ ручной мѣшочекъ всѣ драгоцѣнности и деньги и стала, не волнуясь, ждать, что пошлетъ Господь. «Чьи же это вещи?» спросилъ офицеръ, завѣдывавшій нашимъ участкомъ. «Мои», отвѣчала я. «Какъ, вы ихъ такъ бросаете?»—«Куда же мнѣ ихъ дѣть? у меня нѣтъ

ни экипажа, ни лошадей». — «Чортъ возьми, вотъ онъ (указывая на офицера) возьметъ часть изъ нихъ; вещи женщинѣ нужнѣе, нежели мужчинѣ матрацъ. Надо же помогать другъ другу».

Я почувствовала себя наполовину спасенною, хотя у меня погибло значительное количество обстановки и сундуки, наполненные платьями. Итакъ, я покинула остальное, въ томъ числѣ и портретъ дочери, поставленный въ уголокъ оранжереи. Съ нимъ разставалась я со слезами, ибо предчувствовала, что больше его не увижу. Какъ жалѣла я, что онъ не былъ миніатюрою!

Мы оставили домъ, и онъ скоро сталъ добычею солдатъ. Какое печальное зрѣлище представляли эти женщины, дѣти, старики, бѣгущіе, какъ и мы, изъ горящихъ домовъ! Цѣлая вереница солдатъ направлялась въ лагерь, они шли вмѣстѣ съ нами и предлагали слѣдовать за ними. Послѣ долгихъ поисковъ, мы отыскали улицу, которая еще не горѣла. Мы вошли въ первый попавшійся домъ (они всѣ были пусты) и бросились на диваны, а мужчины остались во дворѣ сторожить экипажи и слѣдить, не загорается ли домъ.

Таковъ былъ конецъ этого печальнаго дня, воспоминаніе о которомъ не изгладится изъ моей памяти. Можно себѣ представить, какую тревожную ночь мы провели; мы не знали, гдѣ найти пріютъ, такъ какъ меня увѣрили, что нашъ домъ тоже сгорѣлъ; но сосѣдніе дома загорѣлись, всѣ изъ него выѣхали, а между тѣмъ онъ уцѣлѣлъ.

Попасть въ Петровское мы не могли безъ офицера, а нашъ не хотѣлъ туда ѣхать. Мы бродили изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Все носило слѣды разрушенія, и городъ, который я еще такъ недавно видѣла богатымъ и пышнымъ, представлялъ собою груды пепла и обломковъ, между которыми мы бродили, какъ привидѣнія.

Наконецъ намъ захотѣлось вернуться въ прежнее жилище, такъ какъ мы думали, что оно не сгорѣло. Дѣйствительно, домъ стоялъ такимъ же, какъ мы его оставили, съ тою только разницею, что внутри солдаты все поломали. Мы отыскали припрятанные съѣстные припасы, не найденные грабителями. Наканунѣ мы ничего не ѣли, и офицеръ завелъ рѣчь объ обѣдѣ. Вынесли столъ, нѣсколько уцѣлѣвшихъ стульевъ и состряпали что-то въ родѣ обѣда. Представьте себѣ столъ посреди улицы, со всѣхъ сторонъ горящіе дома и дымящіяся развалины, огненную пыль, несущуюся намъ прямо въ глаза, поджигателей, которыхъ тутъ же разстрѣливаютъ, солдатъ, несущихъ награбленную добычу: вотъ какова была обстановка этой плачевной трапезы.

Увы, недалеко было время, когда мы должны были увидать зрѣлище еще болѣе ужасное. Послѣ обѣда мы снова стали размышлять, гдѣ найти пріютъ. Намъ посовѣтовали обратиться къ полковнику, который завѣдывалъ этой мѣстностью, и попросить его дать намъ офицера, чтобы проводить насъ въ главный штабъ. Пріятельница моя пришла въ полное отчаяніе и уже не помышляла о поѣздкѣ туда. Но надо было на что-нибудь рѣшиться, и я отправилась на поиски этого полковника (полковникъ Сикаръ, убиый въ 1813 году), человѣка самаго честнаго и хорошаго, какого я когда-либо встрѣчала; онъ сдѣлался нашимъ избавителемъ.

Послѣ нѣкотораго перерыва, снова принимаюсь за свой печальный дневникъ. Я еще не настолько освоилась съ своимъ положеніемъ, чтобы не бросить взгляда назадъ; чувствую, что можно извлечь выгоду изъ всевозможныхъ обстоятельствъ жизни. Несчастія дали мнѣ нѣсколько философскій взглядъ и съ нимъ возможность спокойно смотрѣть на событія. До этихъ поръ у меня была тьма потребностей и желаній, неисполненіе кото-

рыхъ заставляло меня страдать; теперь же я чувствую, что съ небольшимъ мужествомъ можно все перенести. Когда въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ человѣкъ страдалъ отъ жажды, голода, холода, усталости и лишеній всего, что дѣлаетъ жизнь покойной и пріятной, можно начать презирать судьбу и спокойно смотрѣть въ будущее.

Много написано по поводу пожара Москвы. Подробности о томъ, что происходило внутри города со времени выхода русскихъ и вступленія французовъ, въ большинствѣ не точны. Только иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ, могутъ разсказывать вѣрно. Наиболѣе интересныя подробности далъ Сюрюгъ, аббатъ католической церкви. Скромность заставила его обойти молчаніемъ все добро, которое оказано имъ несчастнымъ. Я считаю своимъ долгомъ напомнить объ этомъ здѣсь.

Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, гдѣ бѣдные иностранцы находили во всякое время пріютъ. Пока городъ горѣлъ, солдаты грабили его. Всѣ женщины, дѣти и старики попрятались въ церкви. Когда появились солдаты, аббатъ Сюрюгъ открылъ двери и, въ полномъ облаченіи, съ распятіемъ въ рукахъ, окруженный этими несчастными, единственною опорою которыхъ былъ онъ, съ увѣренностью предсталъ передъ озвѣрѣлыми солдатами, которые съ уваженіемъ попятились передъ нимъ. Какъ не нашелся художникъ для такой картины? Она стоила бы тѣхъ, что были написаны лицами, даже не видавшими пожара.

Аббатъ Сюрюгъ попросилъ стражу для охраны несчастныхъ семей, и ему ее тотчасъ же дали. Наполеонъ захотѣлъ его видѣть и всячески убѣждалъ вернуться во Францію. «Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ,—я не хочу бросать свое стадо, которому могу еще быть полезенъ». Хотя въ съѣстныхъ припасахъ уже чувствовался недостатокъ,

ихъ все-таки посылали аббату, и онъ дѣлилъ ихъ, какъ добрый пастырь.

Когда французы приблизились къ Москвѣ, я жила въ домѣ генерала Дивова. Дивова, урожденная графиня Бутурлина, уѣзжая, оставила меня тамъ въ надеждѣ, что въ ихъ домѣ *) я подвергнусь меньшей опасности и могла напомнить французскимъ офицерамъ, какъ дружески относилась императрица Жозефина къ этой семьѣ въ бытность ея въ Парижѣ**). Къ несчастью, въ данномъ случаѣ не всегда имѣешь дѣло съ офицерами, а солдаты мало обращаютъ вниманія на рекомендаціи, даже самыя лестныя. Я скрылась, какъ уже говорила, въ мѣстность болѣе удаленную отъ опасности. Вернулась я въ этотъ домъ, который считала жертвою пламени, только тогда, когда водворился нѣкоторый порядокъ въ городѣ. Войдя, я увидала офицера, сидящаго за моимъ туалетомъ. Онъ такъ былъ занятъ чтеніемъ моихъ писемъ, что, сидя спиною къ двери, не видалъ меня. «Сударь, сказала я ему, мнѣ очень непріятно безпокоить васъ; но вы въ моей квартирѣ»...

«А, сударыня, я въ восторгѣ,—отвѣчалъ онъ, не вставая;—не правда ли я имѣю удовольствіе говорить съ м-ль Бетси?»—«Нѣтъ», съ удивленіемъ отвѣчала я.—«М-ль Генріеттою?—А она здѣсь?»—«Однако, сударь, я не вижу, чѣмъ это можетъ интересовать васъ и почему задаете вы мнѣ подобный вопросъ». «Простите, это меня очень интересуетъ, ибо я только что прочелъ очаровательныя письма...»

Для поясненія я должна сказать, что дочь моя уѣхала во Францію въ маѣ 1812 года. Она состояла въ не-

---

*) На Большой Дмитровкѣ, рядомъ съ Университетской типографіею, въ наши дни барона Шеппинга. П. Б.

**) Николай Адріановичъ Дивовъ, младенцемъ, сиживалъ на колѣнахъ у Наполеона. П. Б.

репискѣ съ подругою, недавно вышедшею замужъ; молодыя женщины писали въ легкомысленномъ тонѣ съ участіемъ своихъ мужей и не могли предположить, что письма попадутся въ руки кавалерійскаго офицера. Называли они себя Генріеттою и Бетси. Эти письма, о существованіи которыхъ я не знала, остались въ ящикѣ туалетнаго стола и служили для папильотокъ. Я видѣла, какое дѣйствіе произвели они на полковника по тому игривому тону, который онъ принялъ со мною. «Я уступаю вамъ мѣсто, сударь, вы можете продолжать розыски; только до сего дня я думала, что военные должны защищать женщинъ, а не оскорблять ихъ».

«Оставайтесь, сударыня, — отвѣчалъ онъ немного сконфуженный;—я ухожу; впрочемъ я все равно долженъ былъ уступить этотъ домъ генералу», и онъ вышелъ.

Жена дворника помогла мнѣ возстановить нѣкоторый порядокъ и разсказала, что произошло за время моего отсутствія. Едва успѣла я привести въ порядокъ помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, какъ вошелъ другой офицеръ; это былъ несчастный генералъ Шартранъ, разстрѣленный впослѣдствіи въ Лилѣ (я оплакивала его). Его старый отецъ умеръ съ горя, узнавъ объ осужденіи сына. Это былъ военный, мало пріятный въ обращеніи для тѣхъ, кто его плохо зналъ; но между товарищами онъ слылъ за храбреца и быстро выдвинулся по службѣ.

«Сударыня,—довольно рѣзко сказалъ онъ,—мнѣ досадно; но намъ нуженъ весь домъ, и то едва ли мы всѣ размѣстимся».

«То-есть, сударь, вы указываете мнѣ на дверь моей собственной квартиры?»

«Вашей? Я этого не знаю... но домъ пранадлежитъ генералу, и генералъ же долженъ занимать его; къ тому же существуютъ дома для безпріютныхъ».

«Но вѣдь безпріютными считаются тѣ, у которыхъ сгорѣли жилища, въ данномъ же случаѣ этого нѣтъ; я живу въ этомъ домѣ давно и по желанію владѣльцевъ. Городъ, думается мнѣ, не взятъ приступомъ, и развѣ мы не французы?»

«Да, русскіе французы. Почему вы не уѣхали?»

«Лучшаго бы я не желала и не для удовольствія осталась здѣсь. Мнѣ кажется, многое перемѣнилось во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхала: тогда мужчины были вѣжливы».

«Ну, сударыня, въ походѣ трудно быть вѣжливу, къ тому же намъ необходимъ этотъ домъ; вотъ и все».

«Отлично; разъ вы такъ говорите, предупреждаю, что не выйду изъ дома, развѣ только солдаты вынесутъ меня на рукахъ; вотъ будетъ достойный подвигъ!»

Онъ вышелъ, что-то бормоча. Я была въ ярости и послала жену дворника за огнемъ; она вернулась и сказала, что факелъ вырвали у нея изъ рукъ. Тогда я пошла наверхъ и встрѣтила генерала Кюріала, котораго раньше не знала (одного изъ лучшихъ людей, до отчаянія хладнокровнаго).

«Вѣдь это же грабежъ, генералъ! Одинъ изъ вашихъ офицеровъ приходитъ ко мнѣ, чтобы выгнать меня за дверь; солдаты вырываютъ факелъ изъ рукъ горничной...»

«Вамъ его вернутъ; что же касается помѣщенія, то, за недостаткомъ мѣста, я принужденъ оставить его за собою; но никто не заставляетъ васъ выѣзжать тотчасъ же: вамъ дадутъ время подыскать другую квартиру».

«Будьте увѣрены, генералъ, что я поспѣшу это сдѣлать, такъ какъ не имѣю ни малѣйшаго желанія оставаться здѣсь».

Капитанъ Л., сынъ сенатора, адъютантъ генерала Кюріала, проводилъ меня съ факеломъ до моей квар-

тиры и вѣжливо раскланялся. Его семья, по возвращеніи моемъ во Францію, осыпала меня любезностями и высказала большое участіе.

Полчаса спустя, тотъ же офицеръ пришелъ сказать, что генералъ проситъ у меня чести отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Я было хотѣла отказаться, но подумала, что, можетъ быть, будетъ благоразумнѣе не становиться во враждебныя отношенія съ этими офицерами и согласилась. Л., увидавъ гитару, спросилъ: «Сударыня музыкантша?»

«Я пою въ оперѣ», отвѣчала я.

«Насъ обнадежили, что мы будемъ имѣть удовольствіе слышать васъ».

Я не отвѣчала. Въ ожиданіи обѣда я принарядилась. Л. пришелъ за мною. Генералъ Кюріалъ посадилъ меня рядомъ съ собою. Шартранъ, сидѣвшій напротивъ, всячески старался заговорить со мною; я ему холодно отвѣчала только кивками головы.

«Вы сердитесь на Шартрана?» спросилъ генералъ.

«Я? Нисколько. Хотя полковникъ не представляетъ собою образца французской вѣжливости и обращается со мною по-военному, но я не имѣю права жаловаться».

Видя, что онъ смущенъ, я не продожала этой шутки, и разговоръ перешелъ на другое. Послѣ обѣда я вернулась къ себѣ, и на этотъ разъ меня проводилъ братъ генерала Кюріала (военный комиссаръ, убитый потомъ при Глогау). Онъ былъ очень любезенъ и обѣщалъ, что спокойствіе мое не будетъ болѣе нарушено. Я со смѣхомъ отвѣчала, что мнѣ теперь все равно.

Несмотря на тревожное время, разыскали оставшихся въ Москвѣ артистовъ и былъ отданъ приказъ, чтобы они пѣли и играли во дворцѣ. Подобный приказъ трудно было исполнить въ городѣ, гдѣ все было перевернуто вверхъ дномъ; у женщинъ не было ни туале-

товъ, ни башмаковъ, у мужчинъ ни платья, ни сапогъ, не было гвоздей для декорацій, масла для лампъ и тому подобное.

Графъ Боссе попросилъ меня къ себѣ. «Мы хотимъ,— сказалъ онъ,—собрать оставшихся артистовъ и дать передъ императоромъ нѣсколько представленій и концертовъ. Торкани увѣрялъ меня, что вы пріятная пѣвица».

«Какъ? Я должна пѣть передъ императоромъ? Но вѣдь я очень скромная пѣвица романсовъ, маленькихъ пѣсенокъ, итальянскихъ же вещей я не пою съ тѣхъ поръ, какъ потеряла голосъ».

«Но вѣдь вы пѣли дуэты съ Торкани?»

«Да; но дамы слушали меня снисходительно, судили меня не по качеству пѣнія, а по той доброй волѣ, которая слышалась въ моемъ пѣніи. Предстать передъ императоромъ? Одна мысль объ этомъ парализуетъ меня. Онъ знатокъ, и ему трудно угодить. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ».

«Тогда,—сказалъ Боссе,—будемъ играть водевиль и комедію».

«А, это другое дѣло». Я сказала Боссе, что, разъ онъ хочетъ моего участія, пусть дастъ мнѣ хоть помѣщеніе. Онъ обѣщалъ постараться, и я вернулась, гордая тѣмъ, что могу проститься съ моими сожителями. Сдѣлала я это не безъ кокетства.

За обѣдомъ я была очень весела; говорили о театрѣ, о музыкѣ и когда встали изо стола, попросили меня спѣть. Я не противилась. Меня осыпали комплиментами; я встала и сказала: «Господа, я говорю вамъ—прощайте; съ завтрашняго дня вы можете располагать моимъ помѣщеніемъ». —«О нѣтъ,—сказалъ генералъ,—мы противъ этого».

«Какъ, господа, вѣдь вы хотѣли силою заставить меня выѣхать?»—«А теперь мы готовы употребить ту же силу, чтобы васъ удержать».

На слѣдующій день ко мнѣ явился Боссе съ полковникомъ Шартраномъ, который принесъ мнѣ свои извиненія. По совѣту того же Боссе я осталась.

Я уже говорила, что русскіе вельможи имѣли собственные театры. Позняковскій былъ самымъ большимъ и уцѣлѣлъ отъ огня; его приспособили къ спектаклямъ, тамъ мы и играли *). Въ казармахъ нашлись ленты и цвѣты. Мы играли до кануна выхода французовъ, и Наполеонъ былъ очень щедръ по отношенію къ намъ. Онъ рѣдко бывалъ самъ въ театрѣ, но вотъ что однажды случилось со мною, когда ему пришла фантазія присутствовать на спектаклѣ. Давалась пьеса «Открытая война». Я пѣла на сценѣ у окна выбранный мною романсъ, имѣвшій всегда большой успѣхъ въ московскомъ обществѣ; онъ былъ написанъ Фишеромъ, нѣмецкимъ композиторомъ, и не былъ нигдѣ напечатанъ.

Аплодисментовъ не полагалось въ присутствіи императора, но этотъ романсъ, котораго никто не зналъ, произвелъ впечатлѣніе. Наполеонъ, за разговорами, не слыхалъ его. Онъ спросилъ Боссе, что значатъ аплодисменты, и Боссе, префектъ дворца, пришелъ сказать мнѣ, чтобы я повторила романсъ. Это такъ взволновало меня, что голосъ задрожалъ, и я не надѣялась окончить. Однако я овладѣла собою, и съ той поры романсъ вошелъ въ такую моду, что я безпрестанно должна была его пѣть, а Неаполитанскій король велѣлъ положить его на ноты. Романсъ былъ рыцарскаго содержанія и слова довольно хороши. Это я привезла его въ Парижъ.

Рыцарь, стремящійся въ бой,
Такъ на прощаньи утѣшалъ свою возлюбленную:
«На полѣ честной битвы мною руководитъ любовь,
Она укрѣпляетъ мою руку; не бойся за мою жизнь.

*) Домъ на Большой Никитской, нынѣ В. Н. Семенковича. П. Б.

Я вернусь съ двойными лаврами:
Любовникъ, вдохновенный любовью,
Умѣетъ владѣть лирою трубадура
И вѣрно направлять копье воина.
Побѣдителемъ вернусь я къ тебѣ
И получу награду за свою храбрость.
Сердце мое служитъ залогомъ твоей вѣры,
А любовь залогомъ твоего постоянства.
Я вернусь съ двойными лаврами и т. д.
Увы, я долженъ покинуть эти мѣста.
Пусть твое сердце положится на мою храбрость.
Скажи: въ залогъ нашего прощанья
Онъ изъ моихъ рукъ получилъ оружіе;
Онъ вернется, покрытый лаврами.
Любовникъ, вдохновенный любовью,
Умѣетъ владѣть лирою трубадура
И вѣрно направлять копье».

Когда мы менѣе всего этого ожидали, заговорили объ отъѣздѣ. Офицеры и генералы съ жалостью предвидѣли, что многіе, такъ называемые русскіе французы могутъ стать жертвами ярости солдатъ; они предлагали намъ покинуть Россію или по крайней мѣрѣ переѣхать въ Польшу. Особенно женщины возбуждали состраданіе, такъ какъ однѣ не могли найти лошадей, другія не были въ состояніи оплатить ихъ. Я тѣмъ менѣе расположена была уѣзжать, что моя матеріальная выгода заставляла меня желать остаться въ Россіи; но мнѣ насказали такихъ ужасовъ, что я рѣшилась уѣхать.

Клеманъ Тинтиньи, ординарецъ императора и племянникъ Коленкура, предоставилъ въ мое распоряженіе своихъ людей и экипажъ: это былъ очень хорошій дормезъ. Мѣховыя вещи у меня уцѣлѣли, и я чувствовала себя такъ хорошо, какъ только могло быть при подобныхъ обстоятельствахъ. Такъ какъ всѣ выѣзжали изъ города, то я должна была присоединиться къ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ. Я послала впередъ все, что могла

увезти, а остальное бросила. Я пошла по Тверскому бульвару, пока еще пустынному, такъ какъ войска проходили по другимъ улицамъ; я нарочно выбрала эту дорогу, чтобы избѣжать давки на мосту. Съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣла я на этотъ городъ, гдѣ виднѣлись только развалины, какъ вдругъ на меня набросилась цѣлая стая собакъ. Собаки въ Россіи служатъ сторожами и сидятъ ночью у наружныхъ дверей; онѣ настолько опасны, что даже мужчины ходятъ не иначе, какъ съ палкою. Если въ обыкновенное время приходится принимать такія предосторожности, судите, какъ опасно было встрѣтить ихъ въ то время, когда онѣ не находили себѣ пищи.

Когда онѣ кинулись на меня, я чуть не упала со страха, однако имѣла достаточно присутствія духа отскочить отъ подъѣзда, такъ какъ онѣ обыкновенно стерегутъ только свой домъ. Но онѣ настолько оголодали, что кинулись вслѣдъ за мною и въ клочья изорвали шаль и платье, а послѣднее было на ватѣ и изъ довольно плотной матеріи. Я уже не знала, какого святого призывать, какъ, наконецъ, мои крики привлекли вниманіе прохожаго, вѣроятно, посланнаго мнѣ Небомъ, потому что въ этой части города трудно было кого-нибудь встрѣтить. Это былъ мужикъ, вооруженный толстой палкою, и ею онъ не безъ труда розогналъ собакъ. Я принуждена была вернуться домой, куда не думала больше возвращаться, и рада была найти оставленное платье, такъ какъ мое превратилось въ лохмотья. Я до сихъ поръ содрогаюсь при мысли, что собаки могли быть бѣшеными... Такое начало не было добрымъ предзнаменованіемъ. Когда я нагнала экипажъ ординарцевъ, ихъ самихъ уже не было: они уѣхали съ императоромъ.

Погода стояла чудная, и я далека была отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыя послѣдовали; если бы я только

могла ихъ предположить, ничто не заставило бы меня покинуть Москву. Я разсчитывала доѣхать до Минска или Вильны и тамъ подождать, пока все успокоится.

Прошло всего три дня, а мы уже начали подвергаться большимъ опасностямъ, которыя увеличивались по мѣрѣ движенія впередъ. Я разскажу только о своихъ и о тѣхъ двѣнадцати дняхъ, когда я находилась въ постоянномъ страхѣ. Утромъ я себѣ говорила: весьма вѣроятно, что я не доживу до вечера, но какого рода смерть постигнетъ меня? Подъ Смоленскомъ начались самыя тяжкія бѣдствія.

Я отмѣтила начало этихъ ужасныхъ дней: 6-го ноября 1812 года. Это была пятница, и мы были близъ Смоленска. Офицеръ, въ экипажѣ котораго я ѣхала, отдалъ кучеру приказъ быть тамъ къ вечеру. Кучеръ былъ полякъ, самый медлительный и неловкій, какихъ я когда-либо встрѣчала. Онъ провелъ всю ночь, по его словамъ, въ поискахъ за фуражемъ, а лошадей оставилъ мерзнуть. Когда онъ ихъ запрягъ, онѣ не могли двигать ногами; двѣ изъ нихъ околѣли, и мы не имѣли возможности на оставшихся трехъ ѣхать дальше. Мы остановились у въѣзда на загроможденный мостъ до субботы, 7-го числа. Обдумавъ, что мнѣ дѣлать, я рѣшила, какъ только разсвѣнетъ, бросить экипажъ, перейти пѣшкомъ мостъ и просить помощи или мѣста въ какомъ-нибудь экипажѣ у генерала, распоряжавшагося на другомъ концѣ моста; но кучеръ, спустивъ окно, сказалъ, что нашелъ двухъ лошадей. Я отлично понимала, что онъ ихъ присвоилъ, но въ то злополучное время это было обыкновенное дѣло: крали другъ у друга всѣ нужныя вещи, будучи увѣрены въ безнаказанности; опасность грозила только въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія, потому что тогда воръ рисковалъ быть высѣченъ. Ежедневно слышалось: «О Боже, у меня украли плащъ, у меня укра-

ли чемоданъ, у меня украли хлѣбъ, лошадь», и это начиная съ генерала и кончая солдатомъ. Однажды Наполеонъ, увидавъ на офицерѣ прекрасную шубу, спросилъ, смѣясь: «У кого вы ее украли?»—«Государь, я ее купилъ».—«У спящаго?» Это слово пошло въ ходъ, и я сдѣлала то же самое.

Мы двинулись въ путь, не размышляя, кому принадлежатъ лошади, и счастливые тѣмъ, что могли перебраться черезъ мостъ. Досадно было, что кража не особенно удалась, потому что лошади были вовсе не хороши. Мы пытались подвигаться впередъ, а насъ постоянно задерживали. «Пропустите,—говорили намъ,—экипажи маршала, экипажи генерала такого-то, потомъ такого-то». Я приходила въ отчаяніе, какъ вдругъ замѣтила близъ себя генерала (Ларибуасьера), распоряжавшагося нашей стороной. «Ради Бога, генералъ,—сказала я,—пропустите мой экипажъ; я здѣсь со вчерашняго утра, и лошади едва волочатъ ноги. Я погибну, если не догоню главную квартиру и не буду знать, что мнѣ дѣлать». Я плакала, потому что легче прихожу въ отчаяніе отъ мелкихъ препятствій, нежели отъ большихъ. «Подождите минутку, сударыня,—отвѣчалъ онъ,—я сдѣлаю все возможное, чтобы пропустить васъ». Онъ поговорилъ съ жандармомъ и приказалъ причислить мой экипажъ къ экипажамъ герцога Экмюльскаго. Не знаю почему, жандармъ принялъ меня за жену генерала Лористона и разсыпался въ любезностяхъ. Когда мы, наконецъ, въѣхали на мостъ, по обѣ стороны его стояли генералы, полковники, офицеры, поставленные тамъ, чтобы торопить переправою, такъ какъ я потомъ узнала, казаки были недалеко. Едва проѣхали мы полъ-моста, какъ лошади отказались итти дальше. Всякій экипажъ, задерживавшій движеніе, должно было, по приказу, сжигать. Я очутилась въ худшемъ положеніи, нежели на-

канунѣ; со всѣхъ сторонъ кричали: «Экипажъ мѣшаетъ, сжечь его». Солдаты, довольные такимъ случаемъ, потому что грабили сжигаемые экипажи, также кричали: «Сжечь, сжечь!» Нѣсколько офицеровъ сжалились, наконецъ, надо мною и отдали приказъ: «Солдаты, къ колесамъ!» Приказъ исполнили, и солдаты вывезли насъ. Когда мы, наконецъ, переѣхали, ко мнѣ подошелъ прежній жандармъ. Я не рѣшалась предложить ему денегъ, потому что онѣ тогда не цѣнились, а хлѣба или водки у меня не было. «Не знаю, чѣмъ поблагодарить васъ», сказала я... «О, сударыня, жена генерала... генеральша имѣетъ столько средствъ... Позвольте мнѣ, когда понадобится, обратиться къ вашей помощи». — «Можете», отвѣчала я, смѣясь, и онъ остался очень доволенъ.

Я наблюдала за страшнымъ зрѣлищемъ, которое представляла эта злополучная армія. Каждый солдатъ уносилъ что́ только могъ изъ награбленнаго: одни одѣлись въ мужицкіе кафтаны или въ короткую мѣховую кофту съ толстой кухарки, другіе—въ богатое платье купчихи и почти всѣ—въ атласныя мѣховыя ротонды. Дамы, надѣвая ротонды только въ защиту отъ холода, дѣлаютъ ихъ черными; но горничныя, купчихи, вообще простонародье видитъ въ нихъ предметъ роскоши и носятъ розовыя, синія, лиловыя и бѣлыя. Ничего не могло быть смѣшнѣе (если бы обстоятельства не были такъ печальны), какъ видѣть стараго усатаго гренадера въ розовой атласной ротондѣ. Несчастные защищались отъ холода, какъ могли, и часто сами смѣялись надъ такимъ маскарадомъ. Это напоминаетъ мнѣ довольно забавное происшествіе.

Гвардейскій полковникъ приказалъ остановить мой экипажъ, потому что самъ остановился съ полкомъ. Мой человѣкъ старался убѣдить его, что экипажъ принадлежитъ Тинтиньи, племяннику оберъ-шталмейстера. «Напле-

вать,—отвѣчалъ онъ:—ты не проѣдешь». Я проснулась отъ шума ссоры, и вѣроятно полковникъ въ эту минуту замѣтилъ меня, потому что сказалъ: «Извините, я не зналъ, что въ каретѣ дама». Я выглянула и, увидавъ его въ голубой ротондѣ, улыбнулась. Онъ, вѣроятно, тоже вспомнилъ о своемъ костюмѣ и разразился смѣхомъ. Нахохотавшись вволю, мы объяснились. «Правда, — сказалъ онъ,—полковникъ гренадеровъ въ голубомъ атласѣ довольно смѣшенъ; но я замерзалъ и купилъ ее у солдата». Мы разговаривали довольно долго, и онъ предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ скудные остатки провизіи. Зажгли костеръ, срубили ель и устроили нѣчто, названное полковникомъ хижиною Анны и Любена. Увы, чахлыя еловыя вѣтки не защищали пастушковъ отъ холода, а пѣніе соловья замѣнялось зловѣщимъ карканьемъ ворона.

Пріѣхала я въ Смоленскъ въ три часа пополудни. Меня уже считали погибшею. Наканунѣ послали на розыски людей съ лошадьми, но тѣ предпочли въ дорогѣ переночевать и вернулись только черезъ день утромъ. Мы уже не разсчитывали больше на коляску, однако она пріѣхала къ вечеру, но въ плачевномъ состояніи. Несмотря не росказни людей, было ясно, что они-то насъ и обокрали. Что касается меня, то я потеряла все, и мои чемоданы, положенные въ офицерскіе экипажи, были захвачены казаками. Оставался одинъ сундукъ съ драгоцѣнностями и деньгами въ пріѣхавшей коляскѣ. Я приготовилась къ худшему, но Тинтиньи успокаивалъ меня, говоря: «Я дамъ вамъ одного изъ моихъ товарищей; онъ хотя и раненъ, но сумѣетъ заставить служить людей. Каждый вечеръ вы будете подъѣзжать къ мѣсту нашей остановки; я надѣюсь, такимъ образомъ съ вами ничего не случится». Въ Смоленскѣ я отдыхала цѣлый день и выѣхала только на слѣдующее утро.

Во вторникъ, 10-го ноября, мы двинулись въ путь съ товарищемъ Тинтиньи. «Онъ—другой я,—сказалъ мнѣ Тинтиньи;—съ нимъ вамъ нечего бояться». Онъ не былъ справедливъ, приравнивая себя къ этому господину, потому что между ними была большая разница. Несмотря на похвалу, онъ сразу мнѣ не понравился. Хотя это былъ человѣкъ невоспитанный и занятый только собою, я оказывала ему всякія услуги, требуемыя его состояніемъ.

Вскорѣ я замѣтила, что лошади наши были нисколько не лучше прежнихъ; впрочемъ, несчастныхъ животныхъ такъ плохо кормили, что онѣ едва волочили ноги. Медленно двигались мы до 11 ноября. Мой товарищъ бѣсился, что сѣлъ въ коляску, и очень боялся встрѣчи съ казаками. «Если бы у меня была лошадь, я бы наплевалъ на коляску; но я не могу найти слуги, который долженъ былъ ее привести». Это не служило къ моему успокоенію; однако я извиняла его, потому что рана его была настолько серьезна, что онъ не могъ итти пѣшкомъ. Наконецъ мы рѣшили послать въ главную квартиру сказать Тинтиньи, что если онъ не дастъ намъ другихъ лошадей, мы не въ состояніи ѣхать дальше. Чтобы не потерпѣть отъ небрежности слуги, мы послали форейтера, а слугу съ кучеромъ за фуражемъ.

Снова остановилась я среди большой дороги, по крайней мѣрѣ не одна: проходили войска, солдаты останавливались бивуакомъ.

Посланные не возвращались съ фуражемъ, и мы боялись, не попали ли они въ плѣнъ. Около десяти часовъ вечера мой любезный товарищъ встрѣтилъ своего полковника, и я слышала, какъ онъ говорилъ: «Полковникъ, я былъ раненъ, меня помѣстили въ этотъ экипажъ; такъ какъ лошади отказываются итти, я послалъ людей за фуражемъ; думаю, что они насъ бросили, по-

тому что до сихъ поръ не возвращаются». «Совѣтую вамъ,—отвѣчалъ полковникъ,—сѣсть верхомъ, а коляску сжечь». «Я очень вамъ благодарна за совѣтъ,—сказала я;—замѣчу только, что этотъ господинъ не имѣетъ никакого права на коляску: она дана исключительно мнѣ». Сказавъ, я отвернулась и крѣпко заснула. Около полуночи спутникъ мой отыскалъ слугу и лошадь и съ такою поспѣшностью выскочилъ изъ экипажа, что даже не имѣлъ времени извиниться передо мною; однако не забылъ захватить единственный оставшійся хлѣбъ. Я была возмущена, однако чувствовала себя гордою тѣмъ, что оказалась храбрѣе, нежели мужчина; впрочемъ не скрывала отъ себя, что положеніе мое менѣе всего пріятно, но, по своему обыкновенію, вооружилась хладнокровіемъ и стала спокойно ждать утра.

Луна свѣтила довольно ярко, и я различала солдатъ, спавшихъ въ двадцати шагахъ отъ меня. Я рѣшила подождать еще часъ и, если до того времени никто не проѣдетъ мимо, итти пѣшкомъ, пока не встрѣчу экипажъ или телѣгу, на которую я могла бы сѣсть.

Пока я предавалась размышленіямъ, вернулись слуга и кучеръ съ кормомъ. Я такъ обрадовалась, увидя знакомыя лица, что и не подумала ихъ бранить. Нужно побывать въ моемъ положеніи, чтобы почувствовать, какъ намекъ на лучшее кажется уже хорошимъ; нужно имѣть для питья только воду, въ которой валялись трупы, чтобы чувствовать удовольствіе отъ стакана чистой воды; нужно испытать голодъ, чтобы оцѣнить кусокъ хлѣба. Жизнь даетъ иной разъ наслажденія, о которыхъ не снилось счастливымъ людямъ.

Я разсказала слугамъ, какъ бросилъ меня товарищъ ихъ барина. Они возмутились, но возмущеніе ихъ еще усилилось, когда они узнали, что тотъ увезъ хлѣбъ, на часть котораго они разсчитывали; они знали, что я дѣ-

лила съ ними все, что имѣла. Казаки были недалеко, и мы рѣшили запрячь въ коляску верховыхъ лошадей.

Только что собирались мы это сдѣлать, какъ вернулся слуга съ лошадьми. Мы дали имъ отдохнуть и двинулись въ путь.

Весь слѣдующій день мы были окружены казаками и дѣлали столько объѣздовъ, избѣгая встрѣчи съ ними, что подвинулись впередъ на какую-нибудь версту. Испытанныя нами задержки отбросили насъ къ арьегарду арміи, и мы очутились, какъ я потомъ узнала, въ толпѣ отсталыхъ. Это были солдаты всѣхъ націй, не принадлежавшіе ни къ какой части или бросившіе ее, одни потому, что ихъ полки были почти поголовно истреблены, другіе потому, что не хотѣли больше драться. Они побросали ружья и шли, куда глаза глядѣли; ихъ было такъ много, что они затрудняли движеніе въ тѣсныхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Полковникъ, съ оторванной рукой, попросилъ мѣста въ моемъ экипажѣ. Я поспѣшила дать согласіе, но предупредила, что лошади совсѣмъ измучены, что я скоро принуждена буду ихъ бросить. Не прошло получасу, какъ всѣ остановились. Офицеръ шепнулъ что-то на ухо полковнику, и онъ вышелъ изъ экипажа; я сдѣлала то же и подошла къ дамѣ, сидѣвшей въ берлинкѣ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ знакомства завязываются быстро: ничто такъ не сближаетъ людей, какъ несчастье. «Мнѣ кажется,—сказала я,—что казаки очень близко, потому что офицеръ что-то тихо сказалъ полковнику, ѣхавшему со мною, и тотъ, пробормотавъ извиненіе, сѣлъ на лошадь, хотя едва имѣлъ силы на ней держаться». Въ ту же минуту слуги доложили намъ, что впереди оврагъ, который невозможно переѣхать въ экипажѣ, казаки поблизости, надо садиться верхомъ и спасаться. Мы пытались придать имъ храбрости. «Попробуемъ, по

крайней мѣрѣ,—сказала я имъ;—если онъ сломается, всегда будетъ время его бросить». «Пойдите, посмотрите сами, что проѣхать невозможно», отвѣчали они. Мы пошли и убѣдились, что они правы. Правда, рядомъ была большая дорога, но по ней ежеминутно летали ядра. Мы рѣшились на крайнюю мѣру: поѣхали верхомъ цѣлизною по полю, покрытому снѣгомъ. Бѣдныя лошади вязли по животъ и совсѣмъ выбивались изъ силъ, потому что цѣлый день не ѣли. И вотъ я въ полночь, верхомъ, имѣя только то, что на мнѣ, не зная дороги и умирая отъ голода. Въ два часа ночи нагнали мы колонну, которая тащила части пушки. Это была суббота 14-го.

Я спросила офицера, командира колонны, далеко ли до главной квартиры. «Будьте покойны,—отвѣчалъ онъ мрачно,—мы ее не догонимъ, потому что, если насъ не захватятъ этою ночью, мы попадемся завтра; избѣжать этого невозможно». Не имѣя понятія, куда итти, онъ остановилъ свою часть. Солдаты хотѣли развести огонь, чтобы согрѣться; онъ запретилъ, говоря, что огни откроютъ ихъ непріятелю. Я сошла съ лошади и сѣла въ кучу соломы, положенную на снѣгъ. Тутъ нашла на меня минута отчаянія.

Кучеръ подъѣхалъ съ каретою, и мы медленно двигались всю ночь при заревѣ горѣвшихъ деревень и громѣ пушекъ. Изъ рядовъ выходили несчастные раненые; одни, изнуренные голодомъ, просили ѣсть; другіе, умиравшіе отъ холода, просили взять ихъ въ карету и умоляли о помощи, которую мы не могли оказать: ихъ было такъ много! Слѣдовавшіе за арміей просили взять дѣтей, которыхъ они не въ силахъ были нести дальше; это была сцена отчаянія: приходилось страдать за себя и за другихъ.

Когда показалось Красное, кучеръ заявилъ, что лошади не въ состояніи итти дальше. Я сошла въ наде-

ждѣ найти главную квартиру въ городѣ. Разсвѣтало. Я пошла вслѣдъ за солдатами и подошла къ необычайно крутому спуску; это была какъ бы ледяная гора, по которой солдаты скатывались на колѣняхъ. Не желая имъ подражать, я сдѣлала обходъ и благополучно сошла внизъ. Я спросила у офицера, гдѣ главная квартира. «Думаю, что еще здѣсь, но недолго останется, такъ какъ городъ начинаетъ горѣть».

Пожаръ распространялся очень быстро, благодаря тому, что городъ весь состоялъ изъ деревянныхъ построекъ, а улицы были необыкновенно узки. Я бросилась бѣжать, горящія бревна грозили упасть на меня. Одинъ жандармъ любезно вызвался сопровождать меня и поддерживалъ до выхода изъ города, такъ какъ толпа была настолько плотна, что насъ толкали во всѣ стороны... Онъ спросилъ, зачѣмъ я захотѣла пройти городомъ. «Чтобы найти офицеровъ изъ квартиры императора».—«Императоръ давно уже проѣхалъ, вы не можете его догнать». — «Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только умереть, у меня нѣтъ силъ итти дальше».

Я чувствовала, какъ холодъ проникалъ въ мою кровь. Говорятъ, что замерзаніе—очень пріятная смерть; я охотно этому вѣрю. Я слышала, какъ мнѣ говорили: «Не оставайтесь здѣсь... встаньте...»; меня трясли за руку, и это безпокойство было мнѣ непріятно. Я испытывала сладкую истому, какъ человѣкъ, мирно засыпающій. Наконецъ я перестала что-либо слышать и лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, то оказалась въ крестьянской избѣ. Меня закутали въ шубу и кто-то держалъ руку, щупая пульсъ: это былъ баронъ Деженеттъ. Я была окружена народомъ и, казалось, проснулась отъ глубокаго сна, но не могла сдѣлать ни одного движенія: такъ велика была слабость. Генералъ Бурманъ, котораго я тогда еще не знала, наблюдалъ за мной съ

участіемъ. Старый маршалъ Лефебръ подошелъ и сказалъ: «Ну, какъ дѣла? Издалека вы возвращаетесь!»

Я узнала, что меня подобрали на снѣгу, сначала хотѣли положить къ сильному огню, но баронъ Деженеттъ воскликнулъ: «Берегитесь, вы этимъ уморите ее; заверните ее во всѣ имѣющіяся шубы и положите въ нетопленную избу». Тамъ я лежала довольно долго. Когда я начала понемногу согрѣваться, маршалъ принесъ мнѣ большую кружку крѣпкаго кофею. Это оживило меня, и кровь потекла по жиламъ. «Сохраните эту кружку,—сказалъ маршалъ:—она станетъ исторической въ вашей жизни... если вы къ ней вернетесь», прибавилъ онъ тихо.

Черезъ нѣсколько часовъ я отправилась въ каретѣ маршала. Вечеромъ мы остановились переночевать въ брошенной деревнѣ. Мы находились близъ Березины. Рано утромъ, на слѣдующій день, былъ отданъ приказъ ѣхать дальше, но отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что произвелъ большой безпорядокъ. Утро едва брезжило. Силы вернулись ко мнѣ, потому что я поѣла. Я сѣла въ коляску, передъ которой ѣхалъ отрядъ гвардіи. Императоръ стоялъ у въѣзда на мостъ и торопилъ переѣздъ. Я могла внимательно разсмотрѣть его, такъ какъ мы подвигались медленно; онъ казался мнѣ такимъ же спокойнымъ, какъ на смотру въ Тюльери. Мостъ былъ очень узокъ, и наша коляска почти задѣвала императора. «Не бойтесь, — сказалъ Наполеонъ, — впередъ, впередъ, впередъ, не бойтесь!» Эти слова, относившіяся исключительно ко мнѣ, такъ какъ другихъ женщинъ не было, навели меня на мысль, что опасность близка.

Король Неаполитанскій держалъ въ поводу лошадь и другой рукой облокачивался на дверцу моей коляски. Онъ сказалъ что-то ободряющее, глядя на меня. Костюмъ его показался мнѣ очень страннымъ въ подоб-

ную минуту и при морозѣ въ двадцать градусовъ. Открытый воротъ, бархатный плащъ, небрежно наброшенный на плечо, завитые волосы, черная бархатная шапочка съ бѣлымъ перомъ,—все придавало ему видъ героя изъ мелодрамы. Я никогда не видала его такъ близко и не могла наглядѣться. Когда онъ очутился позади, я обернулась. Онъ замѣтилъ и граціозно привѣтствовалъ меня рукою. Онъ былъ тщеславенъ и любилъ, чтобы женщины восхищались имъ.

Нѣсколько офицеровъ также держали въ поводу лошадей, потому что по мосту нельзя было ѣхать верхомъ: онъ былъ такъ легокъ, что дрожалъ подъ колесами экипажа. Отъ смягчившагося холода ледъ ослабъ, что дѣлало рѣку болѣе опасною. Когда доѣхали до деревни, остановились, какъ приказалъ императоръ, и всѣ офицеры вернулись къ Березинѣ. Я взяла подъ руку генерала Лефебра (сына маршала) и пошла посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Когда мостъ рухнулъ, мы услыхали крикъ, одинъ только крикъ всего множества народа, и этотъ крикъ былъ неописуемъ! До сихъ поръ звучитъ онъ у меня въ ушахъ, когда я вспоминаю эту минуту. Всѣ несчастные, оставшіеся на томъ берегу, падали, убитые картечью. Только тогда поняли мы, какъ велико было бѣдствіе. Ледъ былъ недостаточно крѣпокъ, онъ ломался, и мужчины, и женщины, лошади и экипажи исчезали подъ нимъ. Военные съ саблями наголо рубили всѣхъ, кто препятствовалъ ихъ спасенію, потому что при смертельной опасности не признаются законы человѣческіе: жертвуютъ всѣмъ для собственнаго спасенія. Мы видѣли прекрасную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, зажатую льдомъ, какъ тисками; ей протянули ложе ружья и саблю, чтобы она могла держаться за нихъ, но отъ этого самаго движенія ледъ разошелся, и она исчезла. Я отошла, рыдая. Генералъ Лефебръ, не очень мало-

душный, былъ блѣденъ, какъ смерть и повторялъ: «Какое ужасное несчастіе! Несчастные подъ непріятельскимъ огнемъ».

Однако, нѣкоторымъ удалось по льду перейти рѣку; нагнавъ насъ въ Вильнѣ, они передавали намъ сцены, заставлявшія содрогаться.

Какая удивительная и необъяснимая вещь судьба! Если бы меня не бросили, считая замерзшею въ снѣгу, меня не подобралъ бы маршалъ Лефебръ *), и я, какъ большинство бѣглецовъ изъ Москвы, погибла бы въ Березинѣ. По возвращеніи моемъ во Францію, когда меня представляли или рекомендовали кому-нибудь изъ властелиновъ, то говорили: «Она переправлялась черезъ Березину».

Я продолжала свое путешествіе въ экипажѣ маршала до Вильны. Съ этого времени я находилась внѣ опасности, но очень страдала. Я была окружена людьми, совсѣмъ мнѣ незнакомыми. Когда я ѣхала подъ охраною ординарцевъ, жизнь моя болѣе двадцати разъ подвергалась опасности; но такъ какъ это были молодые люди благороднаго происхожденія и хорошо воспитанные, ихъ человѣчное отношеніе вознаграждало меня отчасти за тѣ страданія, которыя я ежедневно испытывала. Я имъ разсказывала довольно смѣшно свои злоключенія, и мое умѣнье заставляло ихъ подражать мнѣ. Мы говорили о времени, когда увидимъ свои семьи и найдемъ пищу, такъ какъ это было главное: я питалась шоколадомъ и сахаромъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Въ Вильну мы пріѣхали 9-го декабря часовъ въ одиннадцать вечера. Ворота города были такъ запружены толпою, воображавшею, что она достигла обѣто-

*) Герцогъ Данцигскій Лефебръ († 1820). Въ театральномъ французскомъ мірѣ получила большую извѣстность, подъ именемъ Sans-gêne, жена его, нѣкогда деревенская прачка. П. Б.

ванной земли, что мы едва протискались черезъ нее. Тутъ и погибли почти всѣ Французы изъ Москвы, потому что, изнеможенные холодомъ и голодомъ, они не могли проникнуть въ городъ. Избѣгнувшіе смерти такъ измѣнились и постарѣли, что, шесть недѣль спустя, я едва могла узнавать ихъ. Мы помѣстились у графини Косаковской, гдѣ останавливался въ первый свой проѣздъ герцогъ Данцигскій; домъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. Графъ Косаковскій состоялъ на службѣ у Наполеона и готовился уѣхать изъ Вильны; мы не могли найти ни одного слуги, чтобы дать намъ поѣсть и развести огонь. Было 20 градусовъ мороза, и мы провели ужасную ночь.

Я видѣла по безпокойству, написанному на лицахъ, что въ городѣ не долго останутся. Сынъ герцога Данцигскаго былъ раненъ и не въ состояніи ѣхать дальше; несчастный отецъ долженъ былъ ежеминутно покидать его, чтобы отдавать распоряженія. Онъ вернулся вечеромъ сказать намъ, что рѣшено выступать и что написалъ письмо русскому генералу, командовавшему авангардомъ, сообщая, что, вынужденный оставить въ городѣ раненаго сына, онъ поручаетъ его честности великодушнаго непріятеля. Слезы были у него на глазахъ. «Маршалъ,—сказала я,—останусь я при вашемъ сынѣ и буду ходить за нимъ, какъ мать». Онъ горячо поблагодарилъ меня и принялъ предложеніе. Я предчувствовала опасности, которымъ мы подвергались, но хотѣла принести ему эту жертву. Его адъютантъ, полковникъ Виріо (тотъ самый, что спасъ полкъ, оставшійся въ Вильнѣ) и его домоправитель остались также. Онъ далъ имъ денегъ, кредитивы и уѣхалъ, унося въ сердцѣ смерть; казалось, онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше сына.

Ночь провели мы безъ сна, а на слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ утра, вступили русскія войска.

Мы еще не получали отвѣта на письмо маршала и были въ безпокойствѣ. Однако, въ часъ дня, адъютантъ русскаго генерала пришелъ сказать намъ, что письмо получено и что генералъ окажетъ должное вниманіе несчастному сыну храбраго воина, котораго онъ очень уважаетъ; онъ прибавилъ, что намъ дадутъ охрану.

Черезъ полчаса къ намъ пришло нѣсколько казаковъ. Имѣли неосторожность впустить ихъ въ комнату, гдѣ лежалъ молодой графъ; адъютантъ, желая заинтересовать ихъ въ нашей безопасности, далъ имъ нѣсколько монетъ. Какъ только казаки замѣтили на каминѣ свертки съ золотомъ и на столѣ серебряныя вещи, они тотчасъ же схватили ихъ, и я видѣла по ихъ алчнымъ лицамъ, что намъ отъ нихъ не поздоровится. Я сѣла къ постели молодого графа и подъ видомъ того, что укрываю его и поправляю подушки, выбросила за окно часы, шубу и нѣсколько другихъ вещей. Они погрозили копьями двумъ лицамъ, жившимъ противъ насъ, потомъ подошли къ постелѣ больного и, грозя ему, сказали: «денегъ». Я сняла съ шеи маленькій образокъ Кіевской Божіей Матери, который дала мнѣ въ Россіи Кутузова, какъ предохраненіе отъ несчастій. Онъ произвелъ благопріятное для насъ дѣйствіе. Я положила его на больного и сказала: «Какъ смѣете вы безпокоить умирающаго? Богъ накажетъ васъ». Русскіе очень чтятъ образа, особенно Кіевской Божіей Матери. Мое присутствіе духа спасло насъ; но волненіе, пережитое молодымъ человѣкомъ, сдѣлало его положеніе безнадежнымъ.

Около четырехъ часовъ прибылъ генералъ Чичаговъ, и ему разсказали, что случилось. Онъ оставилъ при насъ 18 человѣкъ, за которыхъ ручался, и мы немного успокоились; однако то, что мы слышали отъ прислуги дома, заставляло насъ трепетать за другихъ. Безпріютные страдальцы скитались по улицамъ, отталкиваемые

жителями, которые боялись, что разъ они дадутъ имъ прiютъ, ихъ дома начнутъ грабить; у нихъ отнимали все, и они умирали отъ холода. Улицы были полны трупами. Такъ продолжалось до прiѣзда Кутузова, но и ему не вполнѣ удалось водворить порядокъ.

Мы помѣщались рядомъ съ монастыремъ Бенедиктинцевъ и ночью слышали стоны несчастныхъ. Я подождала, когда уйдутъ солдаты, и, вся дрожа, пошла посмотрѣть, не осталось ли въ комъ-нибудь искры жизни. Увы, я обманулась въ своихъ надеждахъ, а когда пришла назадъ, меня пожурили за неосторожность выходить одной, чѣмъ я могла привлечь по своимъ слѣдамъ солдатъ.

Болѣзнь молодого герцога съ каждымъ днемъ все ухудшалась. Докторомъ у него былъ полякъ, и генералъ Деженеттъ, оставшiйся плѣнникомъ въ Вильнѣ, приходилъ навѣщать его ежедневно. Съ первой же минуты докторъ сказалъ намъ, что состоянiе больного безнадежно, и ему можно давать все, что онъ попроситъ. Онъ услыхалъ только послѣднюю фразу и не давалъ мнѣ покою, покуда я не приносила ему, чего онъ хотѣлъ. Трудно было что-нибудь достать, потому что французскiе слуги не могли выходить, не подвергаясь опасности, а жиды, служившiе комиссiонерами въ городѣ, возвращались съ пустыми руками, говоря, что у нихъ все отняли. Итакъ, опять-таки я шла отыскивать, что было предписано врачами. Я проходила мимо солдатъ и лошадей, привязанныхъ среди улицы, говорила ласково казакамъ: «Пожалуйста, посторони лошадь», и они сторонились. Я привыкла ходить такимъ образомъ по городу за покупками всего необходимаго и могла наблюдать вблизи картину бѣдствiя.

Наконецъ, 19-го декабря 1812 года, въ три часа утра, Лефебръ скончался. Онъ сохранялъ сознанiе до послѣд-

ней минуты. За нѣсколько часовъ до смерти, когда всѣ кругомъ спали, онъ подозвалъ меня и сказалъ тихимъ голосомъ: «Я не переживу этой ночи». Я всѣми силами старалась разубѣдить его и говорила все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ. «Такъ какъ вы, вѣроятно, скоро будете во Франціи,—сказалъ онъ (женщинъ не будутъ задерживать),—отрѣжьте теперь же прядь моихъ волосъ (потомъ вы будете меня бояться). Скажите моимъ родителямъ, что имъ я поручаю васъ. Если бы я былъ въ силахъ, я написалъ бы матери. Вы потеряли все, она богата и не забудетъ вашего самоотверженія». Потомъ онъ говорилъ мнѣ много трогательныхъ словъ, глубоко меня волновавшихъ.

Его похоронили должнымъ образомъ и, по обычаю страны, одѣли въ полную форму. Когда я вошла въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, я была поражена. Въ первый разъ, какъ увидала его въ домѣ, занимаемомъ его отцомъ, была полночь, и онъ спалъ на лавкѣ въ той же формѣ и въ такомъ же положеніи. Такое совпаденіе обстановки, такой быстрый переходъ отъ жизни къ смерти заставилъ меня залиться слезами.

Исполнивъ всѣ печальныя обязанности, я стала, наконецъ, думать о себѣ. Я была безъ денегъ и безъ возможности какъ-нибудь заработать ихъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ императору Александру, потому что, находившись на службѣ императорскаго театра въ теченіе шести лѣтъ, я имѣла нѣкоторое право на его покровительство. Если бы у меня достало смѣлости попросить аудіенціи, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ, онъ, вѣроятно, помогъ бы мнѣ, потому что старался облегчать участь несчастныхъ.

Съ прибытіемъ императора Александра въ Вильну пытались устроить въ честь его праздникъ. «Нѣтъ,—

сказалъ онъ,—употребите эти деньги на несчастныхъ, которые безъ хлѣба и безъ крова. Кто можетъ веселиться, когда столько страданій? Это значило бы оскорблять несчастіе».

Кутузовъ покровительствовалъ мнѣ во время моего пребыванія въ Вильнѣ. Я была такъ хорошо принята въ Петербургѣ въ его семьѣ, что это дало лишній поводъ его благожелательству. Не будучи въ состояніи и не желая оставаться въ домѣ, гдѣ умеръ Лефебръ, я помѣстилась у одной вдовы, которая дала пріютъ многимъ французамъ, мужчинамъ и женщинамъ, бывшимъ въ очень жалкомъ положеніи. Здоровье мое не пострадало отъ стольких невзгодъ, и я помогала болѣе меня несчастнымъ и заболѣвшимъ. Одинъ офицеръ, свидѣтель моихъ заботъ о другихъ, упомянулъ мнѣ о ребенкѣ, котораго еще считали живымъ, когда остальные уже померли отъ усталости и голода.

Разсказъ его былъ трогателенъ. «О, сударь,—вскричала я,—бѣжимъ за нимъ». Мы скоро очутились у городскихъ воротъ. Не могу представить себѣ безъ содроганія представившуюся картину. Я завернула ребенка въ свой салопъ и бросилась бѣжать такъ быстро, что спутникъ едва поспѣвалъ за мною.

У меня было мало надежды вернуть маленькое созданьице къ жизни, однако мнѣ удалось согрѣть его, благодаря стараніямъ доктора. Ребенокъ только застылъ отъ холода. Съ большими предосторожностями покормили его, потому что онъ, по всей вѣроятности, долго голодалъ. Приходилось понемногу пріучать его желудокъ къ пищѣ. Все заставляло думать, что родители его были французы, жившіе въ Москвѣ, потому что изъ женщинъ, послѣдовавшихъ добровольно изъ Франціи за

мужьями и спасшихся потомъ, ни одна, думается мнѣ, не могла бросить ребенка *).

«Почему не возьмете вы его себѣ? — сказалъ офицеръ:—вы такъ добры».—«Почему же и не взять,—отвѣчала я,—но у меня ничего не осталось. Что могу я дать ему?»—«То, что вы даете всѣмъ этимъ несчастнымъ,—попеченіе».—«Оно не даетъ средствъ къ существованію». — «Оно его облегчаетъ; сложившись, мы дадимъ ему то малое, что имѣемъ: это будетъ лепта вдовицы».

Глаза мои наполнились слезами при видѣ этой хорошенькой маленькой товарки по несчастію, къ которой я уже чувствовала живѣйшій интересъ. Одна ножка была отморожена. Такъ какъ я уже нѣсколькихъ вылѣчила простымъ средствомъ (сокомъ картофеля), то и тутъ примѣнила его, что имѣло успѣхъ.

На слѣдующій день я отправилась къ Кутузову. Меня принялъ зять его, князь Кудашевъ. «Знаете, что со мною случилось? Знакомы вы съ маленькой пьесою «Банкротство Саветье», игранной Брюнномъ? Бѣднякъ

---

*) Памятная Москвѣ своей дѣятельностью въ женскомъ своемъ учебномъ заведеніи (нынѣ г-жи Констанъ) Маргарита Борисовна Дюмушель была также при переправѣ черезъ Березину. Отецъ ея Алляръ-де-Мезоннёвъ имѣлъ въ Москвѣ большой книжный магазинъ на Кузнецкомъ Мосту (гдѣ въ наши дни былъ магазинъ Дейбнера), но съ другими французами былъ высланъ изъ Москвы, а супруга его съ маленькою дочкою послѣдовала за главною арміею по выходѣ ея изъ Москвы. Маргаритѣ Борисовнѣ, на рукахъ у матери, кто-то изъ офицеровъ подалъ чего-то поѣсть. Это увидалъ Наполеонъ, завтракавшій, сидя на барабанѣ; онъ съ гнѣвомъ велѣлъ отогнать прочь несчастную мать съ дочерью. Кое-какъ доплелись онѣ до Вильны. Мать успѣла добраться въ помѣщеніе Кутузова, который принадлежалъ къ одной и той же ложѣ съ Алляромъ. Мать показала масонскій знакъ, и Кутузовъ не только принялъ ее ласково, но снабдилъ деньгами и далъ ей повозку доѣхать до Петербурга, гдѣ удалось ей, у банкира Ливіо, увидать императора Александра, которому крошка-дочь подала бумагу съ просьбою о приказаніи отпустить ея отца изъ Мурома въ Москву (слышано отъ самой Маргариты Борисовны Дюмушель). П. Б.

жалуется, что ему нечѣмъ кормить своего ребенка, и находитъ у двери еще двухъ. Въ такомъ, приблизительно, положенiи нахожусь и я: у меня ничего нѣтъ, и мнѣ достался ребенокъ». — «Какъ ребенокъ?»—«Увы, хорошенькое маленькое созданьице, упавшее на снѣгъ, какъ птенчикъ изъ гнѣзда».

Онъ принялся смѣяться. «Надо это разсказать Кутузову».—«Да, это забавно: но сдѣлайте одолженiе, скажите, что же станется съ нею и со мною?»—«Я поговорю съ тестемъ, приносите вашего птенчика».

Я вернулась въ тотъ же день. Свою дѣвочку я принарядила, чтобы представить Кутузову. Ожидая его выхода, я заглянула въ открытую книгу. Это были стихотворенiя Клотильды. Я прочла:

Несчастный ребеночекъ,
Я увѣрена,
Что Богъ посылаетъ меня
Стать твоею защитою.

«Взгляните, ваше сiятельство,—сказала я входящему Кутузову,—не есть ли это предсказанiе?»—«Дѣйствительно,—отвѣчалъ онъ,—странное совпаденiе; ну хорошо, я буду ей защитою и крестнымъ отцомъ». Онъ назвалъ ее Надеждою, далъ пятьсотъ рублей, а зять его—триста. «Тратьте ихъ на ея нужды», сказалъ онъ мнѣ.

Радостно поспѣшила я сообщить о такомъ благополучiи своимъ товарищамъ.

Я не знала, что мнѣ дѣлать съ ребенкомъ, когда придется уѣзжать, потому что при моемъ неопредѣленномъ положенiи и въ суровую зиму было немыслимо везти его съ собою, бросить же я не могла и не хотѣла. И въ этомъ случаѣ вывелъ меня изъ затрудненiя Кудашевъ. Онъ зналъ одну нѣмку, которой раньше оказалъ

услугу и теперь выхлопоталъ паспортъ для возвращенія на родину. У меня была родственница въ Люксембургѣ. Князь увѣрилъ меня, что нѣмка возьмется доставить дѣвочку вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ я попрошу родственницу заботиться о ней до моего возвращенія. «Мы заплатимъ за ея проѣздъ,—сказалъ онъ,—и я ручаюсь за нее». Дѣйствительно, она вполнѣ добросовѣстно исполнила порученіе.

БИБЛИОТЕКА
Обл. Дома Учителя

Московское Книгоиздательское Товарищество «Образованіе».
Главная Контора: МОСКВА, Тверская, Камергерскій пер., д. 4, противъ Художествен. театра. Тел. 245-30.

30р

Цена 30 руб.

М-07